

Арсений Либис

Лионза Луане

Том 1

Арсений Либис

Лионза Луане

Том 1

2022

УДК 82-3

ББК 84-445

Л55

Либис Арсений

Л55 Лионза Луане: Том 1/Арсений Либис. – [б.м.] : [б.и.],

2022 – 310 с.

[б.н.]

Приключения девушки-суккуба Лионзы, которая выбрала путь Света и вступила в братство Драконьеров, охотников на нечисть. Только вот у неё очень специфические методы борьбы с врагом...

УДК 82-3

ББК 84-445

В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 № 436-ФЗ

© Арсений Либис, 2022

Оглавление

Метод лечения	5
Закон гостеприимства	20
Железо и шелк	28
Право первой ночи	39
Общество Хрустальной Слезинки	55
Кошмар замка Ней	78
То, что внутри	95
Храм Сокровенных Желаний	109
Тайна лунного перстня	128
Кирин и Феникс	128
Маленький человечек	140
Лунная черепаха	149
Торжество жизни	170
Зов моря	188
Отцы и дочери	188
Хвост русалки	206
Край карты	227
Заветная печать	227
Торжество справедливости	243
Семя суккуба	259
Первичный суккуб	259
Долгожданная встреча	272
Запретный танец	293

Метод лечения

Истеричный смех был слышен по всему замку. Слуги испуганно косились в сторону верхнего этажа донжона, осеняя себя защитными знаками. Даже закаленные в боях рыцари, слышав этот смех, бледнели, сжав зубы. Только монахи, что сидели в комнате ниже, продолжали монотонно читать молитвы, не обращая внимания на пугающие всех звуки. Граф, сидя у себя в кабинете, мрачно цедил вино из кубка. Перед ним сидели два гостя в серых робах.

— Милорд, больше тянуть нельзя... — сказал первый гость, высокий старик с крючковатым носом. Его темные глаза горели фанатичным огнём.

Граф закашлялся, темно-рубиновое вино потекло по его седеющей бороде на расшитый золотом кафтан.

— Это моя дочь, — сказал он тихо, не глядя на собеседников, — как я могу её убить?

— Она больше не Ваша дочь, милорд — твердо ответил старик, — она даже не человек.

Граф молчал, глядя в пустоту перед собой.

— Ваша дочь умерла, когда ночная тварь обратила её в нечестивого демона. Все что мы можем теперь сделать, это спасти её душу... — продолжал старик.

— Неужели нет ни одного способа вернуть её? — перебил его граф, — поймите, командор, после смерти моей супруги Элеонора как лучик света во тьме, что сгустилась вокруг.

Командор только покачал головой.

— Вам не нужно туда заходить, мы с братом Адальбертом сделаем всё...

— Уважаемый старший брат, — неожиданно прервал командора высоким голосом Адальберт, молодой мужчина с большим родимым пятном на щеке, — но мы можем позвать сестру Лионзу...

Темные глаза командора вспыхнули гневом, он резко повернулся к брату-рыцарю:

— Эту луанийскую ведьму?!

Замок огласил новый раскат безумного женского смеха.

— Но она может спасти леди Элеонору... Даже сейчас...

— Этому никогда не бывать! Брат Адальберт, она и Вам замутила голову? Нужно больше думать о вечном, и тогда соблазн обойдет стороной.

Брат Адальберт побледнел, его родимое пятно наоборот стало ярко-пунцовым.

— Командор, при всем уважении, даже Его Величество не так давно отметил её таланты...

— Брат Адальберт, Вам ли не знать, что такие как она...

Граф неожиданно грохнул кубком о массивный стол, так что вино расплескалось во стороны. Несколько капель попало на лицо командору. Он удивленно повернулся к графу.

— Я наслышан об этой Лионзе, — сказал граф, — очень много плохого. Но ровно столько же и хорошего. Если она сможет спасти мою дочь, я готов заплатить своей репутацией. Мне даже жизни не жаль, лишь бы моя Элеонора снова была со мной!

— Милорд, Вашими устами сейчас говорят демоны!

— Пусть так, если они способны спасти её!

Командор и граф встретились взглядами, никто не хотел уступать.

— Граф... — наконец сказал старик.

— На моей земле я в своем праве! — не дал ему договорить граф.

— Что же, поступайте как знаете. Я прибыл сюда лично, чтобы помочь, но вижу, что демоны прочно свили гнездо в этом замке... Брат Адальберт, нам пора!

— Я прошу прощения, — неожиданно спокойно ответил граф, — останьтесь, командор. Если Лионза не справится, то я согласен на Ваш способ...

— Моей ноги здесь больше не будет, если эта краснокожая тварь ступит за ворота замка! — ответил командор, — Но если уж брат Адальберт вызвался её защищать, то пусть остается, если того желает.

Адальберт молча кивнул. Командор резко встал и не попрощавшись вышел вон. Замок вновь огласился безумным хохотом, которому вторила стая ворон, кружившая над донжоном.

— Да! Да! Ещё!

Краснокожая девушка самозабвенно стонала. Её держали на весу два здоровяка с головами кабанов, лесные орки. Они часто промышляли в этих местах разбоем. И часто им доставались в качестве добычи пленницы, которыми они пользовались в самых низменных целях. Сейчас как раз был такой случай, они поймали её одну. Эта самка ехала даже без эскорта, и это в их лесу. Самоубийца, не иначе. И вот один поддерживал её сзади под аппетитные красные ягодицы, его огромный член безжалостно врезался в её попку. Второй, стоя перед ней,

яростно вонзался в щель между ног. От каждой фрикции она закрывала свои большие зеленые глаза, стон срывался с её полных карминовых губ. Ногтями она царапала волосатую могучую грудь чудовища. Орки были намного выше самого высокого из людей и эльфов, их огромные фаллосы с трудом помещались в отверстиях пленницы. Только краснокожая девушка почему-то не выглядела жертвой. Она сладостно стонала, болтаясь на двух упругих дубинах. Их мощь, напор, дикая сила заставляли её извиваться отпряного, ни с чем ни сравнимого удовольствия.

— Да, мальчики! Быстрее!

Орки похотливо похрюкивали, девушка двигала тазом, стараясь насадиться на члены как можно глубже, стараясь насладиться происходящим как можно полнее.

— Да! Вот так! Давай, свинка, наполни меня!

Орки не привыкли к подобному. Даже их самки отдавались им в период гона, скорее следуя инстинкту, чем искреннему желанию. А что уж говорить о пленницах, которых они захватывали на лесной дороге. Но эта была не такая. Её бурная реакция действовала на них как наркотик. Они яростно вонзались в девушку, и она, что удивительно, принимала их полностью. Притом оставалась достаточно узенькой, чтобы вызывать у них чувство острейшего наслаждения.

Орк, что трахал её спереди, не выдержал первым, задрал голову к небу и издав пронзительный оглушающий визг, начал изливаться в неё горячим густым потоком.

— Да, мой хороший, вот так... Вылей в меня в всё, до последней капельки... — шептала девушка, глядя орочий пятачок. Второй ускорился и тоже начал изливаться фонтаном. Чувствуя в себе эти два горячих потока, краснокожая девушка сыто улыбалась. Как же хорошо. Орки, ничего не соображая, обессиленно

опустились на траву. Но девушка будто бы стала ещё бодрее и активнее.

— Ребята, вы не все мне отдали! Нехорошо!

Она уселась между ними и взяла их опавшие фаллосы в свои ручки.

— Давайте, мне нужно всё, что у вас есть!

Она надула губки, будто бы действительно на них обиделась. Девушка начала двигать кожу на их членах, её красные изящные ручки не знали пощады. Они, то двигались вверх-вниз, то массировали их огромные вздутые головки, то большими пальцами ласкали уздечки.

— Мои грязные свинки... Зачем вы обижаете мамочку?

Свинки лежали, закрыв глаза, и тяжело дыша. В этот раз первым брызнул тот, что трахал краснокожую девушку в попу, со вторым пришлось повозиться. Девушка села у него между ног, обхватила его огромный член своими грудями, острым юрким язычком она дразнила самый его кончик.

— Отдай это мне, не будь свиньей! — словно в беспамятстве шептала девушка.

Он кончил второй раз, когда она впилась засосом в его огромную мошонку. Густое семя выстрелило небольшой струйкой, забрызгало иссиня-черные волосы девушки.

— Молодец... ты моя умница.

Девушка встала, сладко потянулась на цыпочках, так что её груди соблазнительно колыхнулись. Но орки уже были настолько обессилены, что никак на это не отреагировали.

— Спасибо, ребята, за приятно проведенное время, — сказала девушка, — но мне пора.

— Эй, красная самка, ты наша пленница... — еле ворочая языком, сказал один из орков.

Девушка усмехнулась:

— Ну тогда встаньте и попробуйте мне помешать...

Второй орк злобно хрюкнул и попытался встать. Бесполезно, он словно прилип к земле. У того, что говорил, хватило сил слегка приподнять руку, но не более. Девушка хмыкнула и стала собирать разбросанную одежду. Как ни странно, она осталась относительно целой. Только вот обувь куда-то запропастилась. Не надо было снимать. Но у неё был такой странный пунктик: она старалась заниматься сексом только босиком. Видимо, так теперь и придется идти к графу.

Среди разбросанных вещей выделялась пятнистая шкура. Путница склонилась над ней, погладила по шерсти и тихо произнесла заклинание. Шкура зашевелилась, зарычала, встала на четыре лапы, встряхнувшись. Перед девушкой стоял леопард, живой, гибкий, хищный. Он недовольно покосился на разбросанные вещи и лежащих орков.

— Зачем было устраивать бедлам, Лионза? — спросил он низким рычащим голосом, — я слышал, что тебя ждут в замке к обеду. А сейчас солнце уже скоро пойдет в уклон.

— Милый Раксен, — ответила Лионза, погладив зверя по голове, — я сама бы рада успеть к обеду, но эти ребята оказались крепче, чем я ожидала.

— Зачем ты вообще на них отвлеклась? Неужели ты не можешь контролировать себя?

— Ты что, ревнуешь?

Лионза рассмеялась, леопард сердито чихнул.

— Мне нужна их сила, чтобы выполнить просьбу Графа. Как видишь, она сейчас вся во мне.

Орк, услышав это, жалобно взвизгнул, словно поросенок.

— Мой дорогой Раксен, у меня нет больше лошади, не соизволишь ли ты довести меня до места назначения? — ласково сказала Лионза и почесала леопарда за ухом. Он довольно заурчал и кивнул. Лионза грациозно села ему на спину, словно благородная девица, свесив босые ножки с одной стороны.

— Мы успеем до заката?

— А то!

Леди Элеонора была молода, прекрасна и белокура. По крайней мере, так она выглядела на гобелене, что висел в её спальне. Настоящая Элеонора, что лежала на кровати, выглядела гораздо хуже: волосы, некогда собранные в две толстые косы, растрепались, платье изодрано, кожа имела нездоровый пепельный оттенок, на ней проступали темные прожилки. Но страшнее всего были глаза Элеоноры, горящие демоническим красным огнем. Она лежала на кровати, а вокруг неё стояли светильники со священным огнем, весь пол и стены спальни были исписаны священными знаками. Она недобро сощурилась, глядя на огни светильников. Эти дураки думают, что её так просто остановить? За окном ночь, а значит она сейчас хозяйка положения. Подумав об этом, она решила снова рассмеяться, как это делала весь день, но передумала. Не нужно беспокоить монахов, что сидят этажом ниже. Они сидят там и монотонно бубнят свои защитные молитвы, чтобы помешать ей завладеть чьим-то разумом. Но эти монахи люди, всего лишь люди... Им нужен сон, а они на ногах уже два дня. Она их здорово измотала за последнее время. Завтра приедут их сменщики. Но то завтра, а пока Элеонора лежала и прислушиваясь обостренным слухом к тому что происходит в комнате под ней. Вот они уже начали

сбиваться, один и вовсе умолк. Вот и второй отвлекся, чтоб хлебнуть воды, быстро забормотал, но все тише, тише...

Тихо. Весь замок спит, даже собаки не лают. То, что надо.

— Ко мне... ко мне... иди ко мне... — Элеонора обращалась ни к кому-то конкретно, а сразу ко всем, кто услышит и не сможет противостоять её зову. Теперь его ничто не заглушает. Тихо, неужели они отселили подальше всех слуг? Надо попробовать ещё.

— Ко мне... помогите мне... освободите...

Опять ничего. Элеонора чуть не выругалась сквозь сжатые клыки. Давал знать о себе и голод. Тем, кто попадется, она помимо прочего рассчитывала перекусить.

— Ко мне... идите ко мне...

Тихий шелест где-то внизу, на лестнице. Кто-то попался! Главное, не разорвать эту паутинку, осторожно притянуть его к себе. Или её... Если это будет она, окажется вдвойне приятно. Кровь женщин Элеоноре казалась слаще и вкуснее. Давай, иди... Шаги негромкие и мягкие. Точно женщина. Как же ей повезло. Дверь тихо открылась.

— Ко мне... сотри знаки... погаси огонь...

Но фигура, закутанная в монашескую робу, не остановилась, она медленно подошла к самой кровати Элеоноры.

— Погаси огонь... — повторила вампирша чуть слышным шепотом.

— Но ты ведь тогда убежишь! — неожиданно громко сказала фигура и сбросила капюшон. На злобно зашипевшую Элеонору смотрела красивая девушка с красной кожей и большими зелеными глазами. Вампирша бросилась на неё, но тут же отлетела назад, подвывая от боли. В руках её ночной гостьи был

серебряный знак братства Драконьеров, двухголовый дракончик, раскинувший крылья.

— Кто ты такая? — спросила Элеонора, потирая обожженную руку.

— Меня зовут Лионза Луане, с недавних пор баронесса Ней. Я прибыла, чтобы вылечить тебя.

Элеонора истерически расхохоталась.

— Ты думаешь, я больна?

— Все больные так говорят. Особенно те, что любят пить кровь и боятся солнечных лучей. Я собиралась приступить с утра, но услышала твой зов, и подумала, что придется мне пренебречь сегодня уютной кроватью!

Лионза склонилась над вампиршей. Её зеленые глаза излучали сострадание и нежность, словно у Богини-матери.

— Ты такая красивая... Жаль будет тебя потерять.

— Что ты там бормочешь, баронесса? — оскалившись, спросила Элеонора, — думаешь, жизнь после Приобщения заканчивается? Нет! Она только начинается! Причем, вечная! Вечная жизнь!

Лионза склонилась к лицу вампириши близко, пощекотала её своим горячим дыханием. Она, казалось, не боялась её страшных клыков.

— О, я хорошо это знаю... Я ведь тоже больна... Только в тебе много смерти и мало любви... А во мне наоборот...

Вампирша стремительно бросилась к шее Лионзы, но её губы неожиданно встретили губы незнакомки. Лионза впиалась в обескровленные губы Элеоноры горячим поцелуем. Вампирша только растерянно моргала, когда язык краснокожей девушки страстно шарил у неё во рту.

— Как ты смеешь? — смогла выдавить вампирша, — я... я дюкесса Элеонора...

— Вот, уже вспомнила, кто ты! — радостно ответила ей Лионза.

Вампирша зло оскалилась.

— Все равно это не поможет. Я ничего не чувствую... Нам, Детям Ночи, плевать на эти глупые игры кусков мяса...

— Ну, это пока не чувствуешь — улыбнулась в ответ Лионза.

— Глупая смертная...

— Может, заключим пари, что ты почувствуешь то, что чувствовала когда играла сама с собой или с...

Элеонора зашипела. Лионза склонилась к её шее, на которой были видны два черных следа от укуса. Она коснулась их губами.

— Как её звали? Твою менторшу?

— Не твоё дело...

— Дай угадаю, Кармила? Её звали Кармила?

Элеонора резко выбросила руку, пытаясь вцепиться ногтями в глаза Лионзе. Но та успела увернуться и перехватить руку вампириши за кисть.

— Может поиграем в связывание? Знаешь, в борделях Кра-Акена такое часто практикуют...

— Ты случайно не оттуда, красная шлюшка?

— О, мне нравится, когда меня обзывают... Скажи ещё что-нибудь такое. Это так заводит...

Вампирша выругалась, но в этот раз более абстрактно.

— И где леди научилась таким нехорошим словам? Подслушивала за слугами? А может и видела что-то, чего не положено видеть благовоспитанным девицам? А может даже и не только видела...

— Ты точно сумасшедшая шлюха...

— Я читаю сейчас тебя, как свиток... вспомни, Эль...

— Не смей меня так называть, ты...

— Так называла тебя твоя любимая служанка, да? Та, которая делала тебе приятно... Ты пустила ей кровь самой первой.

— Заткнись!

Лионза отстранилась и достала кинжал. Элеонора замерла в удивлении. Она что, собирается её убить вот этим? Он даже не серебряный. Но Лионза резким движением вспорола то, что осталось от одежды Элеоноры, обнажив её тело, стройное, с высокой небольшой грудью. И такое красивое в свете лампад, даже несмотря на мертвенную бледность. Лионза издала тихий вздох восхищения и нежно поцеловала потемневший сосок на груди. Он никак не отреагировал на ласку.

— Я слышала, есть люди, которым нравится делать всякие вещи с мертвецами — тихо сказала Элеонора, — может, ты из них?

— Не льсти себе, ты ещё жива... — Лионза склонилась к груди вампириши, — слышишь, твое сердце ещё бьется, просто очень медленно. Оно окончательно остановится только через несколько дней...

— И как ты этому собралась помешать?

— Есть один способ...

Лионза поцеловала второй сосок.

— Ты позволяла ей целовать твою грудь... Это было так волнительно, так необычно...

Лионза, целуя бледное тело вампирши, спустилась к пупку.

— А тут ещё приятней... Но самое лучшее, когда она начинала играть с твоим бугорком...

Язык Лионзы скользнул к клитору Элеоноры. Та вздрогнула всем телом.

— Вот... твоё тело начинает вспоминать, как это было хорошо...

Вампирша решила немного помолчать, ожидая удобного момента, чтобы укусить надоедливую особу или хотя бы свернуть ей шею. Пусть немного поиграет в доктора, если ей так хочется.

Язык Лионзы скользил по клитору, иногда проникая в створки ниже. Элеонора к своему удивлению стала чувствовать тепло внизу живота. Неужели эта противная баронесса права? Лионза зарылась лицом в лобковые волосы девушки, она жадно сосала заветный бугорок, проникала языком все глубже, тихо постанывала. Элеонора ошеломленная прислушивалась к своим чувствам. Это было уже не просто тепло, а немного дразняще, щекотно. Приятно? Ещё нет. Но уже близко. Лионза развела ножки девушки пошире, сама тоже легла на кровать, животом вниз. Её язык неумоимо порхал повсюду, от ануса до внутренней стороны бёдер. В какой-то момент Элеонора забыла, что произошло неделю назад и где она находится. Ей вспоминалась Марион, её служанка, как она здорово умела доводить язычком до дрожи в коленях. Да, потом она убила её первой. Но не со зла. Просто хотела поделиться с ней новым удовольствием, что показала ей наставница-вампир. Марион, зачем я это сделала? По щеке Элеоноры неожиданно скатилась слеза. Она была горячей, почти такой же горячей, как солнечный луч.

Лионза не останавливалась в своих ласках. Сейчас она водила по клитору Элеоноры своими большими набухшими красными сосками. Элеонора почувствовала, как становится мокрой между ног. Не может быть, значит, она и правда не мертва? Она поняла, что очень хочет... Хочет, чтобы Лионза не останавливалась. Обычно ей хватало приятных ощущений уже на этой стадии. Но сегодня она хотела чего-то большего. Лионза засунула в Элеонору палец, вытащила, поднесла к носу, потом облизнула.

— О, я вижу, ты готова принять в себя витальную силу орков!

— Что?

— Даже моей силы тут недостаточно. Для излечения нужна такая колоссальная сила, и так много... Мне пришлось позаимствовать её у одних знакомых...

Элеонора не понимала о чем говорит эта странная краснокожая баронесса. Но с ужасом увидела, как у Лионзы набухает и растёт нечто выше её вагины. Как буквально из ниоткуда материализуется огромная, покрытая сосудами пульсирующая дубина.

— У тебя...

— Член... И не просто член, а лесного орка!

Элеонора заворуженно смотрела на огромную покачивающуюся штуквину. Лионза развела ноги девушки, провела огромной головкой по клитору и половым губам, словно в последний момент не решаясь вторгнуться внутрь.

— Будь со мной нежной — тихо сказала Элеонора. И тут же вскрикнула, когда громадный инструмент надорвал её девственную пленку. Крови почти не было, что немудрено для вампириши. Элеонора почувствовала, как что-то большое и горячее заполняет её целиком, как тепло это разливается по всему телу от кончиков волос до пальцев на ногах. Как горят её

щеки, как покалывает в области сердца. И как же приятно там, между ног. Элеонора застонала, обхватила ногами Лионзу, крепко прижала к себе руками.

— Да! Да! Не останавливайся... — яростно шептала она в ухо своей любовнице.

Лионза очень любила овладевать кем-то по-мужски. Может даже больше, чем когда фалоссы оказывались внутри неё. Какая Элеонора узенькая и приятная. Как хорошо скользить в ней, чувствуя, как она сжимает её огромный член своими стенками, как она сладко стонет ей в ухо. Они пришли к пику наслаждения одновременно. Элеонора забилась в приятных судорогах, Лионза толчками стала наполнять её горячим семенем орков. Элеонора в забытии издала глухой стон и неожиданно обнажив клыки впилась в шею Лионзы. Горячая кровь и горячее семя распалили в ней такой пожар, что она лишилась чувств.

Когда Элеонора открыла глаза, уже светало. Лионза лежала рядом, шея её была замотана тканью.

— Прости... — сказала Элеонора Лионзе и виновато поцеловала её в щеку.

— Ничего, я бы все равно не обратилась. А так эффект вышел даже сильнее. Чувствуешь?

Лионза коснулась рукой её груди. Сердце Элеоноры билось быстро и неровно. Руки её приобрели более здоровый цвет, ногти порозовели. Элеонора провела по животу любовницы, но члена уже не было. Безволосый лобок, клитор, все как и у неё.

— Кто ты? — спросила Элеонора.

— Я суккуб — ответила Лионза.

— Так вот почему у тебя красная кожа...

Лионза рассмеялась.

— Нет, глупая. Суккубы, как и вампиры, обращенные люди. А красная кожа, потому, что я из Луании, такой страны далеко на юге.

— Она сейчас спит. Когда проснется, будет в полном порядке — сказала Лионза графу.

Брат Адальберт, что сидел рядом, задумчиво почесал кончик носа.

— И все, никаких последствий и побочных эффектов? — спросил он.

— Следы от укуса останутся, — ответила Лионза, — и леди Элеонора больше не девственна. Но это издержки процесса возвращения.

Граф с силой ударил кубком о стол:

— Что?!

Брат Адальберт побледнел, а его родимое пятно разгорелось пунцовым цветом.

— А я... я за Вас поручился... Поссорился с командором... Что Вы наделали, сестра...

— Вам важна девушка, живая и здоровая, или эти глупые предрассудки?

Граф посмотрел на суккуба, его взгляд горел ненавистью.

— Лионза Луане, я не желаю больше видеть Вас в моем графстве! Ни-ког-да!

Закон гостеприимства

Лионза сидела в юрте на месте почетного гостя. Раксен занимал свое почетное место у неё на плечах, в качестве плаща. Хозяин юрты, старый эльф-кочевник, курносый, морщинистый, с блестящей лысиной, среди растрепанной копны седых волос, угощал её местным пойлом. Лионза боялась представить из чего оно сделано. Капитул любил посылать её далеко и надолго. Потому она много путешествовала. Ей доводилось пробовать и перебродившее кобылье молоко, и напиток из грифоновой мочи. На вкус пойло местных эльфов было чем-то средним. Но неплохо давало в голову, а это главное.

— Я не понимаю... — меж тем говорил ей старик, — кто ты. Никогда не встречал подобного создания.

Причем речь шла не о красной коже Лионзы. Местные эльфы сталкивались время от времени с караванами, идущими на запад за шелком и пряностями. И среди караванщиков были существа с кожей всех оттенков, представители всех возможных рас. Для местных было нормой, что все чужаки выглядели чудно и разнообразно. И Лионза на фоне этого всего особенно не выделялась. Хозяина юрты волновал гораздо более животрепещущий вопрос, как к ней относиться. Как к мужчине или как к женщине.

— А в чем разница? — спросила Лионза, отхлебнув браги.

— Если ты слабый мужчина, тебя надо захватить в слуги. Если сильный мужчина, принять как почетного гостя. Если некрасивая женщина — сделать служанкой. Если красивая — сделать женой. Но месяц подождать, вдруг ты принадлежишь соседям, нехорошо получится.

— Но ты уже принимаешь меня, как почетного гостя.

— Это потому, что ты волшебница и ехала на большой кошке. А потом превратила её в шкуру. Тебе подвластна магия, а значит ты сильная, как мужчина.

Лионза усмехнулась. В цивилизованных королевствах Лионза предпочитала лошадь, поскольку местные пугались огромного леопарда и ещё больше укреплялись в мнении, что она ведьма или демоница. В диких землях Раксен был наоборот полезен, поскольку нагонял страха на аборигенов. А уж если они видели, как он превращается в шкуру и обратно, это гарантировало безопасность проезда и целый ворох невероятных легенд.

— Разве женщины не могут быть сильными?

— У каждого мужчины копьё, потому он и мужчина. Как же ты без копья будешь воевать?

Лионза рассмеялась. Она понимала, что у местных специфическое восприятие мира, и ничего с этим не поделаешь. Юрта делится на две части тяжелым пологом, одна половина для мужчин, вторая для женщин. Такая же перегородка в голове у каждого из местных эльфов. Она уже выпила прилично их вонючего нектара, перед глазами немного плыло. Она икнула и подумала, что неплохо попробовать эту перегородку сломать.

— Почему же, у меня есть копьё, уважаемый! — ответила она, — вот, смотри!

Она приподняла юбку и на глазах пораженного кочевника заставила свое копьё вырасти и подняться во всю мощь.

— О! Да, ты все-таки мужчина! — сказал он качая головой и цокая языком.

— А ты ниже глянь!

— О! Ниже ты женщина...

— И что на это скажешь?

Старик задумался.

— Ты ставишь меня в трудное положение! — сказал наконец он.

— Почему?

— По закону гостеприимства я должен тебе предложить свою дочь, если ты сильный мужчина. Или выдать замуж за своего сына, если ты красивая женщина. Я не знаю, как мне поступить.

— А у тебя есть и сын, и дочь?

— О, у меня много детей. Сейчас они все разъехались в другие стойбища. Остались двое младших, как раз сын и дочь.

— Так предложи мне обоих, раз так!

Старик почесал блестящую в свете лампы лысину.

— Хорошо, — сказал он и вышел, оставив Лионзу в некотором удивлении. Она просто шутила, а он все принял за чистую монету. Хотя, голод давал о себе знать. Она не трахалась уже больше двух недель. Для суккуба это особенно мучительно. Без секса он может протянуть максимум месяц, а потом начнет сходить с ума, как вампир без крови. Причем, самоудовлетворение тут не поможет. Суккубам нужна чужая энергия, что выделяется в процессе. Настоящие суккубы обычно выпивают своего партнера до самого конца, но Лионза никогда этого не понимала. Она брала ровно столько, сколько ей нужно, зачем лишать кого-то жизни?

Судя по тому, как его долго не было, старик ходил в соседнюю юрту. По закону гостеприимства гостя оставляли спать в самом лучшем жилище. Хозяева же по возможности уходили в соседнее. Послышались тихие шаги двух пар ног в войлочных сапогах. Полог открылся и вошли двое молодых эльфов, юноша и девушка. Оба небольшого роста, широкоплечие, почти на одно лицо, с огромными кошачьими глазами, большими острыми ушами, в почти одинаковых халатах-дээлях. Только у юноши дээль был жёлтый, у девушки красный. Вот и вся разница. Как же они не похожи на своих восточных братьев. Те давно перемешались с людьми, стали высокими и стройными. Но

Лионзе нравились эти коренастые создания, в них было что-то первобытное и неиспорченное. Хотя, сложно рассуждать о неиспорченности, вспоминая о том, как отец просто отдал их ей на развлечение. И это тут, видимо, в порядке вещей.

Они стояли, не понимая что, она от них хочет. Они не владели каргоном, языком караванщиков, на котором Лионза говорила с их отцом. Но это ничего, суккубу достаточно сблизиться с другим существом, настроиться на его волну. И тогда она начнет понимать их мысли. Подобная духовная близость, пусть и на время соития, нравилась Лионзе не меньше, чем сам секс. Но прежде нужно было найти подход. Эльфы были настроены настороженно. Отец очевидно разъяснил им, зачем они нужны госте. Но он сам был в некотором смятении, что уж говорить о детях. Лионза подошла к юноше. От него пахло сладкой овечьей шерстью и острым сыром. Она впиалась в его губы поцелуем, эльф от неожиданности задергал руками в воздухе, попытался её оттолкнуть, словно бешеную лисицу. Здесь было не принято целоваться и как-то ласкать друг друга. Все проходило просто и без прелюдий. Часто для соития они даже не снимали халатов. Но Лионза чувствовала, что её горячий напор заставляет чаще биться его сердце. Но его сестра все ещё не понимала, что происходит. Полагая, что на брата напала нечисть, она выхватила из разреза дээля небольшой кинжал, направила его на гостью. Лионза сделала шаг навстречу, девушка выкрикнула что-то на своём языке. Но возбужденного суккуба этим было не остановить. Лионза перехватила кисть её руки и впиалась в запястье поцелуем. Эльфийка вскрикнула и разжала ладонь, кинжал упал на пол.

— Зачем ты так, моя хорошая? — нежно спросила Лионза. — Я не желаю зла...

Словно вампир, она жадно впиалась в шею эльфийки. Та вскрикнула, но уже слабее. От девушки пахло горьким травами, полевыми цветами и кислым молоком. Она часто задышала, Лионза запустила руку под её дээль, нащупала ладонью острую небольшую грудь. Эльфийка застонала, когда Лионза слегка

сжала пальчиками её острый сосок. Другой рукой она потянула пояс халата. Он развязался, Лионза распахнула дээль, он упал к ногам эльфийки. Грудь у неё были небольшие и торчали в разные стороны. Крепкие мощные бедра, густо заросший волосами лобок. Лионза повернулась к эльфу и точно так же избавила его от одежды. Он, сначала смущенный наготой сестры, покраснел. Однако, его фаллос, уже наливался силой. Он ещё не в силах был подняться вверх, но уже приятно-упругий. Лионза ощупала его рукой, заставив затвердеть ещё больше. Его сестра тоже впервые с малого детства видела своего брата обнаженным. Она тоже залилась румянцем, но не могла оторвать своих прекрасных кошачьих глаз от его фаллоса. Лионза опустила на колени, взяла член эльфа в рот. Он сначала напрягся, Лионза на мгновение увидела образ из его головы. Ему казалось, что красная колдунья сейчас заберет всю его мужскую силу. Лионза рассмеялась про себя. Она и вправду вобрала его небольшой член целиком себе в рот, потом выпустила, мягко сжимая губами. Потом снова взяла его копые в сладостный плен. Эльф никогда не испытывал ничего подобного. Однажды ему доводилось побывать в борделе, когда он приезжал со старшими братьями в приграничный городок. Но там все было не так. Шлюха, старая полуэльфийка просто привела его в готовность с помощью рук, а потом просто лежала под ним, скучая и ожидая когда же он наконец кончит. А после он ещё и заболел какой-то гадкой болезнью.

Лионза работала языком и губами, заставляя член молодого эльфа увеличиться до небывалого размера. Эльфийка зачарованно наблюдала за этим, прикрыв от удивления рот. Лионза повернулась к ней, удерживая член эльфа рукой.

— Нравится, милая? Иди сюда...

Она заставила эльфийку присесть рядом с собой, у ног её брата.

— Попробуй, поиграй с ним.

Эльфийка испуганно отшатнулась, но Лионза мягко привлекла её к себе и поцеловала в губы, так же горячо и страстно, как

целовала эльфа. Он же при виде сестры, что целуется с суккубом, распалился ещё больше, стал просовывать член между губами женщин.

— Да, так уже лучше! — обрадовалась Лионза.

Когда эльфийка, преодолев смущение, взяла член брата в свой ротик, он почти сразу задрожал всем телом и начал извергать белесое молочко. Потом опустился на шкуры. Лионза же занялась девушкой. Она раздвинула ей ноги, коснулась носом клитора эльфийки. Она была ещё сухой, но этот недостаток Лионза как раз и собралась исправить. Суккуб проникла в неё языком. Эльфийка выгнула спину, загребла ступнями шкуру на полу, по её телу прошла судорога.

Лионза очень любила пробовать других на вкус. Эльф был сладкий, но с небольшой остротой. Эльфийка слегка солоновата. А как ей нравилось то, что делала с ней суккуб. Каждое движение языка Лионзы вызывало у неё бурную реакцию. Она была очень чувствительна. И любила секс. Ещё в детстве она часто видела, как жеребец взбирается на кобылицу. Как та дрожит и сладко замирает под его мощным напором. Она думала, что у неё будет так же, когда придет время. Но все было гораздо скучнее. Отец не раз одаривал ей путников. Зачастую даже дээль не приходилось снимать, просто встать на колени и задрать его полы наверх, до самой головы. А потом в неё вторгалось нечто, что приносило боль или неприятное ощущение, как будто туда заползла змея и не может выбраться. К тому же под полами плотного халата было душно и темно. А стоять на коленях крайне неудобно. В общем, это было довольно мучительное и скучное занятие. Обычно в эти моменты она мысленно представляла себя на поле, где она срывала цветы. Белый, красный, желтый, снова белый. О, кажется все, её жеребец уже ржет и нелепо трясется. Глупое занятие. Но такова жизнь. Раз у неё нет копья, она обязана время от времени полировать чужие. Прясть, доить, смотреть за детьми и полировать чужие копыта. В этом вся жизнь местных женщин. Но сейчас, как же сейчас хорошо. Никогда бы она не

подумала, что язык можно использовать не только для разговора. Что же она с ней делает, эта колдунья?

Лионза уже почти получила своё. Ей не обязательно было овладевать кем-то или давать овладеть собой, чтобы получить нужную энергию. Даже такие игры давали то, что ей требовалось. Но ей очень захотелось показать эльфийке, что такое настоящий секс, а не те случаи что, были до того. Потому она отстранилась, когда девушка уже была готова кончить. Та гневно вскрикнула. Лионза стряхнула с себя остатки одежды. Перед эльфийкой, что приподнялась на локтях, закачался большой красный фаллос. Она испуганно вскрикнула, прикрыв рот рукой.

— Я не сделаю больно, — прошептала суккуб и слегка прикусила её напряженный сосок на груди.

Она прижала багровую головку к входу в пещерку. Эльфийка замерла в ожидании. Её кошачьи глаза словно молили Лионзу, ну же, чего медлишь, давай. Но красная волшебница растягивала удовольствие, водя по половым губам, играя с ней самым кончиком. Краем глаза она заметила, что её брат наблюдает за всем с большим интересом, и растёт не только его интерес. Лионза наклонилась над эльфийкой и качнула бёдрами. Эльф все понял без слов. Он подошёл сзади, взял Лионзу за талию и резко вошёл в неё. Одновременно с ним Лионза вошла в его сестру. Обе женщины застонали от удовольствия. Лионза обожала это чувство, когда она наполняла кого-то, и при этом кто-то наполнял и её. Она немного замерла, приноравливаясь к темпу эльфа. Он никуда не торопился, с расстановкой загоняя член на всю его небольшую длину. Эльфийка оскалила зубки, словно дикий зверёк, и нетерпеливо качнула бёдрами, насаживаясь на член Лионзы. Она больше не стонала, а издавала рычащие звуки, когда Лионза достигала её матки. Они вошли в общий ритм, растворились в нем. Мира вокруг не существовало, только это существо из трех тел.

Они кончили одновременно. Эльфийка металась на спине, оскалывая зубы, впившись ногтями в кожу на полу. Во время соития один сапог слетел с ноги, она босой ступней проводила по щеке брата. Её глаза смотрели куда-то вверх Лионзы. Суккуб перехватила взгляд. В момент высшей точки наслаждения эти двое смотрели друг другу в глаза и не могли оторваться, завороченные красотой друг друга. Эльф застонал, сжав зубы, излился горячим семенем в Лионзу. Суккуб зашлась в двойном наслаждении, в протяжном оргазме. Её ещё долго не отпускало. И все это время она продолжала медленно и плавно двигаться в эльфийке.

Потом она поцеловала их обоих, опустилась на ложе. Лионза уже собиралась заснуть, но эти двое оказались неугомонными, словно молодые козлята. Эльф терся о неё, снова твердея, его сестра неумело, но страстно целовала шею суккуба. Лионза конечно была всегда готова продолжить. Но это было уже опасно для её любовников. Когда рука эльфийки метнулась к её паху, пытаясь найти член, Лионза встала. Она взяла девушку за руку и вложила в ладонь фаллос её брата. Они посмотрели на неё растерянно и удивлённо.

— Кажется, я тут лишняя, — сказала она, улыбнувшись.

Они не поняли её слов, но все было и так понятно. Два эльфа, так похожих друг на друга, слились в поцелуе. Лионза подобрала Раксена и накинула на плечи. Ночи в степи были холодными. Она откинулась на лежанку и ещё долго сквозь дрему смотрела, как два молодых эльфа наслаждались друг другом со страстью, присущей юношеской любви.

Железо и шелк

Раксен неожиданно остановился, втянул воздух и еле слышно зарычал. Впрочем, Лионза уже давно видела стаю ворон, что кружила над возвышенностью. Она тихонько коснулась пяткой Раксена, побуждая двигаться дальше. Но он и не думал сдвинуться с места.

— Там опасно, — тихо сказал он.

Лионза почесала его за ухом.

— Там никого нет. Кроме мертвых.

И она указала зверю на кружащих падальщиков. Леопард недовольно заворчал.

— Я тебя прекрасно понимаю, — сказала Лионза, — мне тоже не нравится эта страна. Но у нас есть приказ и его нужно исполнить. Давай сделаем это побыстрее и вернемся в наш замок к твоему любимому камину.

Но Раксена уже было не остановить. Одной из издержек путешествий с ним это его постоянное нытье и жалобы. Не хищник, а какая-то кошка.

— Зачем вообще это всё? — спросил он, — Что тебе мешает вернуться в замок, послать братство подальше и жить как нормальные люди?

— Потому, что я не нормальный человек. И вообще не человек.

Леопард скептически фыркнул. Но в любом случае надо было идти. Они, соблюдая осторожность, поднялись по горной тропе, ведущей в деревню. Чем ближе они подходили, тем сильнее становился запах гари. Как и предсказывала Лионза, здесь все были мертвы, от самой деревни остались только обгоревшие дома с провалившимися крышами. Лионза больше всего на свете не любила смерть. Жизнь, пусть даже самая незавидная и

мучительная, казалась ей величайшим благом, лучшим даром, что дали Творцы сущим. Ведь жизнь — это всегда шанс что-то изменить, а когда ты мертв, то уже не властен даже сдвинуть пылинку. Может быть, поэтому она до сих пор в братстве несмотря на ненависть к ней? Пока она служит свету, всегда есть шанс помочь кому-то избежать смерти. Но в этих проклятых Железных Горах смерти было больше, чем нужно. Здесь добывается больше всего железа в мире. Может поэтому, тут идет постоянная война всех со всеми?

Они шли через деревню, и Лионза старалась не смотреть на изуродованные трупы. Раксен снова остановился и беззвучно обнажил клыки. Лионза вскочила с его спины, положила руку на пояс. Пояс у неё был не простой. Это был гибкий меч урум, что оборачивался вокруг талии, закрепляясь замочком. Стоило его расстегнуть и в руках суккуба оказывалось грозное оружие, совмещающее в себе преимущества меча и хлыста. Звуки, что привлекли внимание леопарда, доносились из единственного каменного, потому сохранившегося здания в деревне — общего амбара. Он тоже пострадал от огня, камни почернели, кое-где были трещины и дыры в стенах. Через одну из таких дыр Лионза увидела нескольких воинов в высоких шлемах. Монги, самый воинственный и отмороженный из местных народов. С ними была женщина, с мешком на голове. Один воин удерживал её за руки, второй, приподняв за обнаженные бедра, с силой вгонял ей член между ног. Третий, видимо, готовился быть следующим. Он уже достал свой отросток и мял его рукой. Женщина не издавала ни звука, только вздрагивала всем телом при каждой фрикции. Насиловавший её монг надсадно кричал, словно рубил дрова топором.

Конечно, Лионза была суккубом, но это зрелище не вызвало у неё приятного волнения, которое она испытывала при виде подобного. Вид секса приносил ей удовольствие, только если нравился всем участникам процесса. Лионза отстегнула урум и прыгнула в провал. Бой был недолгим. Монги не ожидали атаки, один даже не успел натянуть штаны. Удары гибкого лезвия

обезоружили их, а вид красной демоницы и хищной кошки, которые возникли словно ниоткуда, испугал. С криками монги бросились прочь. Лионза склонилась к женщине. Она сняла с головы мешок и беззвучно плакала, закрыв лицо руками. У суккуба самой подошел ком к горлу. Она погладила несчастную по плечам.

— Ну что ты... — мягко сказала она, — не плачь. Ты жива, и это главное. Не плачь... Все кончилось.

Женщина затихла, опустила руки, и Лионза сама едва не закричала. У женщины не было носа. На его месте было окровавленное отверстие. Она беззвучно открывала рот и в нем вместо языка был лишь небольшой обрубок. Зачем, зачем так уродовать? Откуда это стремление к бездумному разрушению, к боли и смерти? Лионза этого не понимала. Женщина смотрела на Лионзу, словно укоряла её в случившемся, потом вздохнула и затихла. С серого неба срывались мелкие колючие снежинки.

Уже начало смеркаться, когда показались стены монастыря. Снег уже валил большими хлопьями, окружал путников белой холодной пеленой. Лионза и Раксен, поднимаясь к монастырю по крутой горной тропе, угрюмо молчали. Она хотела похоронить мертвых в той злосчастной деревне, но даже на это не было времени. Набеги монгов это проблема местного герцога-хоу. А Лионзе, рыцарю-драконьеру поручено разобраться с другим, не менее жестоким врагом. Она хотела зарыться лицом в шкуру Раксена и горько плакать. Но надо было идти, добраться до цели хотя бы к темноте. И как знать, может быть хоть здесь она успеет, убережет живых от нечисти. Какое отвратительное место. Днем здесь хозяйничают монги, а ночью оборотни-людоеды. Они взяли в осаду горный монастырь. Каждую ночь эти твари кружили вокруг святой обители, и только молитва помогала их сдержать. Хорошо, что весть об этом дошла к хоу, и он связался с ближайшим

командором братства. А командор в свою очередь отрядил разобраться с проблемой ближайшего брата-драконьера. Точнее, сестру. Сестру Лионзу Луане, раз уж она оказалась в этих местах, на обратном пути с Запада.

Лионза подняла массивное бронзовое кольцо на воротах и постучала. Раксена она благоразумно превратила в шкуру и накинула на плечи. Кольцо при ударе о дерево издавало гулкие звуки. Ответом была тишина. Монастырь вообще выглядел мертвым, в темной каменной громаде не светилось ни одного огонька. Неужели, опоздала? Лионза постучала снова. Тихо. Но Лионза почувствовала на себе чей-то взгляд. Кто-то наблюдал за ней из-за стен.

— Эй! — крикнула Лионза, — я ищу ночлега! Мне много не надо, достаточно просто крыши над головой. Святые отцы, пустите несчастную путницу!

Послышалось тихое шуршание. Ворота заскрипели и открылись. За ним стоял монах в капюшоне, опущенном на лицо.

— Здравствуйте! — сказала Лионза, — не пустите ли меня...

Монах смотрел на неё из-под капюшона, потом медленно кивнул. Лионза вошла внутрь, монах закрыл ворота, опустив изнутри тяжелый запор. Было темно, даже в башне-святилище. Странно, там огни не должны гаснуть никогда. Они прошли через двор, зашли в длинное здание, предназначенное монахам для жилья. Лионза положила руку на рукоять своего пояса-меча. Слишком все тут нечисто. Но она опытный боец и маг. С кучкой оборотней точно справится. По длинному коридору они зашли в большой молитвенный зал. Тут царил полумрак. Все было перетянато каким-то украшениями и гирляндами, с потолка свисали большие мешки. Что тут происходит? Лионза коснулась рукой серебряного амулета в виде двуглавого дракона. Она собралась произнести молитву священного света. Если это ловушка, подготовленная нечистью, их ждет неприятный ослепляющий сюрприз.

Но не успела она произнести первого слова, как раздался свист. Что-то сорвало амулет ей с шеи. Лионза резко сняла с пояса урум, но снова свист и вокруг её кисти оплелся шелковый шнур. Ещё свист, и такой же шнур оплел вторую руку. Лионза рубанула мечом, но шнур оказался неожиданно прочным. Кто-то дернул за шнуры, Лионза подняла руки вверх, словно безвольная марионетка, движимая невидимым кукловодом. Поворот шнура вывернул ей кисть и она уронила меч. Она подпрыгнула, кувыркнулась в воздухе, надеясь развязаться, однако новые шнуры оплели ноги. Что тут происходит? Монах, что шел впереди, откинул капюшон с лица. Лионза увидела женщину с миндалевидными глазами, темными волосами, уложенными в тугой пучок, украшенный шелковыми лентами. Она криво улыбалась, глаза же были холодны, словно две ледышки. Сбоку так же плавно подходили ещё две девушки с такими прическами, только одетые не в монашеские робы, а блестящие платья. Одна в черное, другая в фиолетовое.

— Кто вы такие? — спросила Лионза.

— Это не важно... — ответила та, что заманила её в ловушку, видимо среди них старшая, — важно, кто ты...

— Я надеялась получить здесь крышу над головой...

— Добро пожаловать! — сказала девушка в фиолетовом платье и вся троица рассмеялась неприятным смехом.

— Дочки, вы голодны? — спросила старшая.

— Нет! — ответила девушка в фиолетовом.

— Нет, мамочка! — отозвалась в черном платье, — у нас уже был сегодня славный пир. Эти монахи такие жирные...

— Я в твоём возрасте много ела, — сказала мамаша, — это важно для здоровья потомства!

— Мам... — капризно протянула дочь в черном, — в меня сегодня не вольешь и глоточка!

— Ладно, пусть повисит до завтра, — сказала мамаша.

Пока они болтали, Лионза быстро прокручивала в голове все варианты дальнейших действий. Амулет отлетел довольно далеко, значит молитва света не подействует. Раксен у неё на плечах. Но нужно дотянуться до его уха, только тогда заклинание сработает. А это проблематично в её положении. Может, воспользоваться магией суккуба?

— Девочки... — сказала она томно, — ваши шелковые шнуры так возбуждают...

Девочки быстро переглянулись между собой.

— Так приятно касаются кожи... Знаете, в Кра-Акене часто практикуют такие вещи. Очень утонченно.

Тут было не важно, что она говорила, весь секрет был в тембре её голоса. Эти вибрации вызывали волнение и дрожь практически у любого живого существа в этом мире. Перед суккубом сложно устоять. Мамаша облизнула пересохшие губы и ещё раз посмотрела на дочерей. Те завороченно смотрели на Лионзу.

— Мам... — сказала дочь в черном, — я хочу поиграть...

— Я тоже, — сказала вторая девушка. Она начала массировать свою грудь сквозь платье.

Мамаша подошла к Лионзе. Взяла рукой её за щеку. Большой палец с острым ногтем заскользил по карминовым губам суккуба.

— А ты, красненькая, знаешь толк в развлечениях... — сказала она низким, дрожащим от похоти, голосом. Она взмахнула рукой, шнуры, связавшие руки Лионзы, натянулись как струна. Суккуб была вынуждена встать на цыпочки. Мамаша провела языком по её щеке.

— Какая сладкая нам попалась муха...

Муха? Так Лионзу называли впервые. А уж она слышала на своем веку немало странных прозвищ. Она почувствовала, что тоже возбуждается. Мамаша резким движением сбросила с неё Раксена, а потом высвободила груди Лионзы из-под одежды. Чужие мысли трех оборотней пульсировали в голове Лионзы, но не давали ей ответа, с кем же она имеет дело. Мамаша впиалась в её левый сосок, Лионза даже вскрикнула от резкой боли. Тем временем дочки уже стянули с суккуба сапоги и дорожные штаны. Та, что справа, щекотно ласкала языком её ступню, та, что слева, целовала ногу, поднимаясь все выше. Мамаша никак не могла оторваться от груди суккуба, она глухо постанывала, вбирая губами то один, то второй сосок Лионзы. Рука её скользнула ниже, к паху. Лионза, вся дрожащая от возбуждения и ласк, почувствовала, как теплеет у неё внизу живота, как возникает, растёт её член. Мамаша резким движением схватила его.

— Ого, девочки! Смотрите, какой сюрприз!

— И не один! — сказала девушка в черном, засовывая в вагину Лионзы палец.

Мамаша плотоядно улыбнулась, а потом неожиданно выпустила откуда-то из запястья ещё один шнур. Со свистом он обвил напрягшийся фаллос Лионзы. Мамаша приподняла руку и член приподнялся следом.

— А в твоём Кра-Акене делают так? — спросила она, криво улыбнувшись.

— Нет... — простонала Лионза.

Мамаша засмеялась, откинув голову назад, натянула шнур. Нежная и прохладная ткань заскользила по красному члену суккуба, вызывая ни с чем не сравнимое наслаждение. Оно пробирало её всю, от волос на голове до самых кончиков пальцев на ногах. Мамаша издала горловой звук, и неожиданно на высоком открытом лбу появилось ещё четыре небольших глаза. Но Лионза уже прочла их мысли на несколько мгновений

раньше. Паучихи. Семейство паучих, ядовитых, ненасытных, как в еде, так и сексе. С такими будет сложно справиться в одиночку даже ей. Шнур вокруг её члена сжался, потом чуть ослаб. Лионзу снова пронзило нестерпимое наслаждение. Черная паучиха тем временем большим пальцем гладила клитор суккуба. Фиолетовая зашла сзади, встала на колени перед её ягодицами и языком раздвинула колечко ануса. Последний раз Лионза занималась сексом на горном перевале с йети. В ней ещё было его семя, и она уже готова была извергнуться им в сильнейшем за последние несколько лет оргазме. Но опытная мать-паучиха снова сжала шнур вокруг члена, не давая ей разрядиться.

— Мы только начали, мушка, — сказала она, оскалив острые клыки.

Лионза застонала от боли, головка набухла и немного посинела. Черная паучиха продолжала орудовать пальцем, а фиолетовая языком. Потому, невозможность разрядиться казалась ещё более нестерпимой. Дочки-паучихи прекратили свои игры и отошли по правую и левую стороны от неё. Они приподняли шнуры, что стягивали ноги Лионзы, так, что она приподнялась над полом, повисла в сидячем положении. Мать-паучиха избавилась от монашеской робы, полностью обнажившись. У неё было пышное аппетитное тело сорокалетней женщины, большая грудь с набухшими сосками розово-фиолетового оттенка, небольшой животик, большие ягодицы. Ногти на ногах были темные, будто покрытые лаком и заостренные. Очень красивая зрелая женщина. Если бы не лишние глаза на лбу. И не лишние пары рук. Она распрямила нижнюю пару и выпустила ещё несколько шнуров. Они образовали нечто вроде качелей, на которые она уселась. Она двинула бедрами, направляя качели к Лионзе. Через мгновение она насадилась на её член горячим жадным зевом своего влагалища. Когда Лионза вошла в неё полностью, паучиха издала надсадный кряхтящий звук, словно тот монг-наильник. Черная паучиха выпустила ещё один шнур и он обвил горло Лионзы. Фиолетовая пропустила шнур так,

чтобы о него терся клитор красной волшебницы. Мать-паучиха оттолкнулась назад, и через мгновение колебание снова принесло её к Лионзе, она снова схватила член жадными половыми губами. Лионза не помнила, сколько это продолжалось. Нестерпимое прикосновение шелка к телу, горячий охват её головки и две петли вокруг шеи и члена, которые попеременно ритмично сжимались в момент, когда она достигала глубины паучихи, вызывая головокружение и острое наслаждение. Когда же они устанут? Лионзе даже с ограми было легче. Паучихи все трахали и трахали её, шнур вокруг шеи с каждым разом затягивался все сильнее, оставляя на ней синий след. Мамаша уже перестала играть в качели, она оседлала Лионзу своими широкими бедрами, яростно вгоня фаллос в себя. Рот её был приоткрыт, с клыков на обнаженную грудь суккуба капала ядовитая слюна. Шнур затянулся так, что Лионза выпучила глаза, и почувствовала острую боль в груди. Нет, они сейчас убьют её! Член яростно пульсировал, требуя разрядки. Мамаша двигалась все ожесточенней, клыками она почти касалась шеи Лионзы.

Луанийка закрыла глаза. На мгновение она увидела дом и трех женщин, что мирно пряли под заунывный напев на неизвестном ей языке. Но в этот напев стали вплетаться другие звуки, металлический лязг, свист стрел, крики. Женщины вскочили, в панике выбежали на улицу. Там царил хаос.

Паучиха в очередной раз насадилась на фаллос, замерла, прижалась к Лионзе своим пышным телом и наконец-то начала кончать. Лионза чувствовала мощнейшую пульсацию, расходящуюся по телу её любовницы, она испытывала этот мощнейший всплеск наслаждения вместе с ней. Шнуры на члене и шее ослабли и Лионза наконец с криками выпустила мощную струю семени йети в чавкающую вагину матери-паучихи. Мир стал красным и горячим, словно Лионза попала в самое жерло вулкана.

Паучихи рухнули на землю одновременно. Путы их повисли и ослабли. Лионза встряхнулась, и шнуры попадали на пол.

Лионза упала вслед за ними, ударившись ягодицами. Ничего, это всего лишь пара синяков. Ещё один теперь на шее, там, где её стягивал шнур. Лионза подобрала амулет и гибкий меч. Паучихи были живы, хоть и обессилены. Нужно было закончить дело.

Лионза взяла в руку амулет.

— Великие боги-близнецы, разные и единые в одном теле... — начала она молитву. Её голос дрожал.

— ... те, что соединились в драконе, чтобы даровать свет... Драган и Драга... брат и сестра...

В её горле пересохло, суккуба душили сухие рыдания.

... — явите свою милость к этим несчастным!

Медальон блеснул вспышкой, паучих охватило пламя, они закричали, корчась от боли. Через мгновение на их месте были небольшие кучки черной золы.

Лионза плакала, уткнувшись в шкуру Раксена. Он сидел на задних лапах и иногда лизал её лицо горячим шершавым языком.

— Понимаешь, — говорила она, давясь слезами, — они были обычные женщины, жили в деревне недалеко отсюда. Занимались ткачеством. Вдова и двое дочерей...

Лионза снова уткнулась в шкуру леопарда.

— На деревню напали монги, они побежали прочь. Но те не оставляли. Перед ними был монастырь. Монги хоть и нелюди, но монастыри и храмы никогда не трогают... Понимаешь, никогда... Они суеверные. И эти женщины просили монахов впустить их. Кричали, умоляли... Но те просто молча смотрели... Смотрели, как монги их догнали и потом...

Лионзу снова накрыл приступ рыданий.

— Но перед смертью они проклинали эти горы и этот монастырь. И так велика была сила проклятия, что они вернулись годы спустя в обличье ужасных демониц...

— Ты словно впервые сталкиваешься с подобным, — сказал Раксен, — за столько лет пора уже привыкнуть.

— Я не хочу привыкать. Не хочу! Если я привыкну к подобному, считай, что я умерла!

Они ещё долго сидели в молчании. Леопард хоть и был нытиком и брюзгой, но в такие моменты умел молчать и дать хозяйке выплакаться. Наконец Лионза утерла лицо и встала.

— Может, ты прав? Пошли эти драконьеры куда подальше?

Раксен фыркнул и ответил:

— Садись, нам пора домой.

Право первой ночи

Замок Ней был основан в давние и беспокойные времена. Его основатель, первый барон Ней был сподвижником самого Адальрика, героя, что принес сюда веру в драконов-близнецов и победил демона Бертегизела. Адальрик основал королевство Цвиллиг, а первый барон Ней построил на самом беспокойном рубеже нового государства пограничный замок. Многие поколения Ней защищали королевство, пока во времена королевы Хильды Завоевательницы границы не отодвинулись далеко на юго-восток. Но суровые простые нравы пограничья ещё долго сохранялись в замке Ней. Род процветал, богатство и мощь его росли. Однако, в Багровую Смуту большая часть представителей рода погибла в междоусобице. Последний же барон не торопился обзаводиться потомством, предпочитая женщинам и даже мужчинам общество дриад и фей. Кастеллиан Гримберт часто указывал ему на это обстоятельство. Но барон в ответ усмехался и отвечал, что лучший возраст для женитьбы и продолжения рода — сорок лет. Когда барону исполнилось тридцать девять, он был арестован и посажен в темницу за участие в Обществе Хрустальной Слезинки. Это тайное общество устроило заговор против короля, но к счастью, коварные планы были раскрыты рыцарем-драконьером Лионзой Луане. Поскольку замок теперь не имел хозяина, то король в качестве благодарности пожаловал Лионзе баронский титул. Формально, как рыцарь братства Драконьеров, она не могла принять подобный дар. Но на такие вещи даже Капитул давно смотрел сквозь пальцы, тем более, что нынешний король числился в братстве одним из магистров.

Крестьяне в окрестных землях сначала испугались. Многие даже подумывали бежать в Пограничные Марки. Мало того, что хозяйкой этих земель теперь будет безродная выскочка, да ещё и демоница с красной кожей. Говорят, она любит устраивать

оргии и кровавые жертвоприношения. Принимать ванны из крови девственниц, чтобы сохранять вечную молодость. Но все оказалось не так страшно. Прибыв в замок, чужестранка объехала верхом все владения. Потом разделила баронские поля на равные доли и отдала их крестьянам. Барщину на хозяйском поле она заменила оброком. К тому же разрешила беспрепятственно ходить в лес, раньше предназначенный для господской охоты. Слуг она тоже не обижала, и никто не мог пожаловаться на то, что она их совращает. Хотя были среди молодых мужчин те, что тайно на это надеялись. Возможно, они и распускали про неё всякие грязные слухи. Или их невесты. А может, досужие кумушки. Сложно сказать, но любви среди местных Лионза так и не получила. Хотя, по словам Хрола, старейшего крестьянина в округе, краснокожая леди оказалась лучшей хозяйкой за всю его жизнь. А родился Хрол ещё до Багровой Смуты и застал на своем веку пятерых баронов. Но как бы то ни было, местные вскоре привыкли к странной чужестранке.

Лионзе тут нравилось, ей было приятно, что хоть какое-то место в этом мире она могла считать домом. Эти места не были похожи на пышную тропическую Луанию. Но красивый сосновый лес, речка, зеленые холмы, а на них ветряные мельницы, все это действовало на Лионзу успокаивающе. Она тут отдыхала душой и телом, забывала все свои беды. Тем более после многочисленных приключений, что выпали на её долю за последний год. Вот и сегодня она ехала по лесу в сопровождении юного сэра Бертрана. Лионза сидела на прекрасной белой кобыле по-дамски, свесив ноги на одну сторону. Будто бы не дева-рыцарь, а благонравная дама или невеста на выданье. Сэр Бертран ехал чуть сзади, он энергично размахивал руками, рассказывая об охоте, турнирах и прочих мужских глупостях. Лионза благосклонно улыбалась, но кивала скорее из вежливости, погруженная в свои мысли. Она давно подумывала попробовать юного рыцаря, но все было не до того, она была в постоянных разъездах. Когда ей выпал месяц относительного покоя, можно было немного расслабиться.

Главное, не переусердствовать. Сэр Бертран был высок, крепок телом. Он носил длинные до плеч каштановые волосы. Судя по его изнеженному виду, вряд ли когда-либо участвовал в настоящей переделке. Подбородок небольшой и безвольный, но рыцарь умело маскировал его аккуратной бородкой клинышком. Глаза — круглые, блестящие и голубые. Все бы хорошо, но в них не было и проблеска ума. Только горячее желание получать всевозможные блага и удовольствия. Интересно, на сколько его хватит?

Их лошади свернули на небольшую тропинку, кусты неожиданно затрещали. Сэр Бертран замер, его глаза горели азартом.

— Заяц! — сказал он горячим страстным шепотом Лионзе. — Клянусь Близнецами, это жирный заяц...

Сэр Бертран достал лук, натянул стрелу. Лионза терпеть не могла охоту, она искренне не понимала, ради чего благородные одержимы идеей убийства, причем существ заведомо слабее них. Потому она намеренно громко ответила рыцарю:

— Милый Бертран, стоит ли тратить стрелы? Может, это ёж или бурундук.

Однако Бертран лишь крепче натянул тетиву.

— Умоляю Вас, Миледи, тише... Позвольте преподнести Вам прекрасный трофей...

Кусты испуганно зашевелились и оттуда выскочило нечто покрытое травой и ветками. Конь Бертрана испуганно заржал, подал назад, Бертран вскрикнул и отпустил тетиву. Стрела вонзилась в дерево, существо из кустов испуганно завизжало. Это была девушка-крестьянка. Она дрожала, испуганно глядя на Лионзу.

— А ты что тут делаешь? — вскинулся опомнившийся Бертран.
— Как ты смеешь следить за госпожой?

Лионза с интересом смотрела на девушку. Если очистить её от травы и мусора, вполне миленькая. Округлое лицо, полные губы, нос картошкой, томные с паволокой глаза, русые волосы, убранные в тугие толстые косы. А какая грудь, ух, давно не видела такой большой и сочной. Она прям натянула её платье-котту.

— Простите, ваши высокородия... — говорила девушка, опустив глаза. Лионзе нравился подобный типаж: само воплощение скромности и невинности. А эта родинка возле губы. Повезет тому, кому она отдаст свою руку и сердце.

Бертран весь покраснел от гнева.

— Пошла вон отсюда! — закричал он.

Лионза повернулась к рыцарю:

— Поберегите голос, Бертран. Я разберусь.

И потом обратилась к девушке, ободряюще улыбнувшись:

— Зачем ты пряталась в кустах, глупая?

— Миледи... у меня дело...в общем... к Вам, — отвечала девушка.

— Какое у тебя может быть дело к самой баронессе? — крикнул сэр Бертран и словно извиняясь, обратился к Лионзе: — Простите, Миледи, это Свана, дочь пастуха. Глупое никчемное создание.

От этих слов девушка опустила глаза ещё сильнее и залилась краской. Её великолепные пухлые губы задрожали, словно она готова расплакаться.

— Бертран! — в голосе Лионзы зазвучали металлические нотки.

— Я желаю выслушать эту девушку. Прошу впредь воздержаться от замечаний.

Бертран прикусил язык, глядя на Свану с ненавистью.

— Какое у тебя дело, Свана? — спросила Лионза.

— Простите... это... личное... личное дело...

— Какое ещё личное дело? — крикнул Бертран, но тут же осекся, поймав холодный взгляд Лионзы.

— Бертран, будь так добр, поезжай в замок. Скажи Гримберту, что сегодня останешься здесь ночевать, пусть он отведет тебе достойную комнату.

Бертран хотел было что-то сказать, но потупился под взглядом суккуба, кивнул и поехал. Однако медленно, и с неохотой, все время поглядывая на Лионзу и стоящую перед ней Свану. Когда, наконец, он скрылся за деревьями, Свана подняла глаза на госпожу и сказала:

— Я это... прошу дозволения на брак...

Лионза удивленно приподняла бровь. Она с самого появления здесь завела порядок, что подобные вопросы решались через старост деревень или в крайнем случае через Гримберта. Это раньше бароны Неи давали такие разрешения лично. Сейчас Лионза завела более свободные порядки. Но что-то в голосе девушки заставило её придержать язык.

— Это твое решение? — спросила баронесса. — Ты вольна в нем? Никто не заставляет тебя сделать это?

Свана мотнула головой и вытерла рукой слезы. Что-то она не договаривает.

— За кого ты хочешь замуж, Свана?

— За кузнеца Берта.

— Знаю его, хороший парень. Добрый и честный. Ну, совет, да любовь, или как там у вас говорят...

Свана кивнула, но продолжала смотреть на Лионзу с каким-то страхом и в то же время надеждой.

— Что-то ещё?

— Миледи... а Вы это... потребуете свое право?

— Какое ещё право?

— Ну... — Свана залилась краской до самых кончиков русых волос, — право первой ночи...

Лионза была искренне удивлена.

— А это ещё что такое?

Свана растерялась, она явно не ожидала того, что баронессе ничего не известно об этом.

— Это право такое... хозяева всегда это... им пользовались. Ну, кроме крайнего, что до Вас был...

— Мне ничего от вас не надо, живите счастливо и спокойно, — сказала Лионза, второй раз за последнее время чувствуя себя невероятно великодушным человеком. Однако, её ответ почему-то расстроил девушку. Она готова была расплакаться, даже плечи опустились в немом отчаянии.

— А когда свадьба? — спросила Лионза, не понимая, что происходит.

— Так, завтра... — тихо ответила девушка.

— Счастья молодым! — сказала Лионза и пустила кобылу по тропинке в сторону замка. Пока она не скрылась за деревьями, она буквально ощущала у себя на спине взгляд девушки, полный немого отчаяния.

— Гримберт, — спросила Лионза, — что такое право первой ночи?

Гримберт удивленно заморгал уставшими глазами с красными прожилками.

— Это такой обычай, ещё с времен восьмого барона Ней...

— И в чем его суть?

Гримберт неожиданно покраснел, словно Свана в недавнем разговоре на эту тему.

— Всякая простолюдинка, вступающая в брак во владениях барона, должна заплатить ему определенный налог...

— Какого рода налог?

Гримберт покраснел ещё сильнее, его лицо стало почти одного цвета с кожей Лионзы.

— Нужно провести первую брачную ночь с господином...

— Вот оно что... — задумчиво протянула Лионза. Она представила себе, как ласкает огромную грудь Сваны, как та нежно вздыхает. Суккуб почувствовала, как от мысли об этом наливаются её собственный груди, твердеют соски оттягивая платье.

— И часто бароны пользовались... этим правом?

— Не каждый раз... обычно это был символический выкуп. Но бывало и пользовались. Особенно...хм... если невеста имела определенные... хм... достоинства. Но Ваш предшественник был равнодушен к подобному.

— Да, знаю, — усмехнулась Лионза, вспомнив, как отпустила на волю его огромный гарем из крылатых феечек. Все равно кое-что оставалось непонятным. Лионза была суккубом, потому помимо прочего могла отрастить себе член какой угодно формы. Но об этой особенности мало кто знал, и уж тем более Свана. Для Сваны она женщина. Неужели, она не понимала этого?

— А баронессы когда-нибудь пользовались правом? — спросила Лионза Гримберта. Кастеллиан сел, на его красном лбу выступили капельки пота, он начал утирать их платочком.

— Да, госпожа Дагомера, 15-я баронесса Ней... часто...хм... пользовалась правом... пока... хм... муж... почтенный Герульф... был в походах против... черных гноллов.

Лионза вспомнила портрет госпожи Дагомеры, что висел в пиршественном зале. Это была стройная женщина с острым взглядом, небольшим узким лицом. На мгновение Лионза представила себе, как Дагомера лижет между ног очередной невесте, и внизу живота у неё сладко заняло.

— И она... реально... лишала их невинности? — спросила Лионза, её голос стал более низким и хриплым.

— Хм... ну у неё вроде была такая штука из дерева... сверху покрыта кожей... ну знаете...

— Не продолжай... — сказала Лионза, чувствуя как стучит у неё в висках, — я поняла.

Гримберт с облегчением выдохнул, словно опустил на землю тяжелый груз.

— Я могу быть свободен? — спросил он.

— Да, спасибо тебе.

Гримберт поклонился и пошел к выходу, тяжело переваливаясь. Лионза на мгновение вспомнила молящий взгляд Сваны.

— Гримберт! — окликнула Лионза уходящего кастеллиана. — Пусть завтра после обеда конюх подготовит мне Зальца.

— Миледи желает прогуляться в лесу?

— Нет, у меня дела в деревне...

На свадьбу Берта и Сваны собралась вся деревня. Вышел жених, стриженный под горшок, будто молодой паж или оруженосец, в новой голубой котте, модных красных шосссах, которые

обтягивали его крепкие икры. Он весь сиял, чего нельзя сказать о его родителях. Отец, старый одноглазый кузнец, хмурился. А мать и вовсе почернела от злости. Из дома невесты подружки вывели заплаканную Свану. Плакать невесте с подружками было положено обычаем, но судя по темным кругам под глазами девушки, она слишком рьяно предавалась этому обряду. Глядя на неё, собравшиеся гости шушукались между собой. Но тут заиграла музыка, жених с невестой уселись на высокие деревянные стулья, их понесли к храму, где брачующиеся должны были соединиться перед ликом Драгана и Драги. Потом с оловянными коронами на голове, словно короля с королевой, их торжественно отнесли к пиршественному столу, что накрыли прямо на улице, перед кузницей. И за все время торжества они и пальцем не пошевелили, все же прочие воздавали им почести, словно настоящим монархам.

Но Свану, сидящую во главе стола, по традиции со сложенными руками на животе, это все не радовало. По мере того, как торжество подходило к концу, она словно все больше темнела и угасала. Мать Берта, сидящая в окружении подруг, главных сплетниц округи, наоборот становилась все злораднее. Прочие же танцевали, веселились, только жених, что сидел на противоположном конце длинного стола, обеспокоенно смотрел на свою любимую, не понимая, что её гложет.

— Ну что, время ночки пришло, — сказала мать жениха, встав, — готова, невеста?

Глаза свекрови светились злым торжеством. Свана лишь слабо кивнула, сдерживая слезы.

— Совет да любовь молодым! Надеюсь, я не опоздала с поздравлениями и дарами?

Гости обернулись на голос, свекровь поменялась в лице. Перед ними на вороном жеребце восседала краснокожая баронесса. Крестьяне стали снимать шапки и кланяться. К Лионзе подбежали кузнец и пастух, отцы жениха и невесты. Суккуб

одарила их мешочками, полными монет. Ещё один мешочек она отдала жениху.

— Я пришла взять своё, — сказала она.

Крестьяне удивленно зашушукались, свекровь тихо выругалась сквозь зубы, старый кузнец незаметно дал ей подзатыльник. Берт был совершенно растерян. Свана впервые за день подняла глаза, и в них блеснуло уходящее солнце.

Как и было положено, Лионза отнесла невесту к себе в спальню на руках. Слуги, что попадались им по пути, менялись в лице, старая Грен даже сделала при виде суккуба и Сваны защитный знак.

— И зачем это все было нужно? — спросила Лионза, когда осторожно положила девушку на огромную баронскую кровать.

Свана снова покраснела.

— Позор на мне... — сказала она, опустив глаза.

— Какой ещё позор?

— Я... в общем... уже не целая...

Лионза облизала губы. Надо же, а на вид такая скромница. Но вслух только спросила:

— И что тут такого?

— А куда идти-то? Так то же позор... сэр Бертран заделал... а замуж не возьмет... один позор только делает... хоть вздергивайся...

— Бертран?

— Ну да... он и... это...

Бертран? Ну и лицемер. Ладно, Лионза ещё с ним поговорит. Теперь все понятно. Ребёнок. Она ждет ребенка. Вот почему так налилась грудь. У нас скоро будет пополнение.

— Какой месяц у тебя?

— Вроде первый...

- И на что ты рассчитывала?

- Ну это... за Берта выйти, все тогда по-людски.

- И что пошло не так?

- Сэр Бертран...это... разболтал в трактире, пошел слух... А у нас нравы такие. Если девка с позором... То её наутро после брачной ночи прогонят с позором... А приданое им останется, как эта... Компенсация, значит. А я, значит и с ребенком... И безмужняя. Только в ноги кланяться семье жениха и быть по гроб у них вроде прислужницы.

- И ты решила, что если баронесса воспользуется своим правом, то позора не будет.

- Так... это... право затем и придумали-то... Что девка вроде как... от греха очищена...

— Но я ведь тоже женщина...

— А не важно то... главное, что Вы хозяйин... то есть хозяйка... Спасибо Вам... я век должна буду...

И Свана наконец дала волю чувствам, слезы градом потекли по щекам. Лионза присела рядом, на кровать.

— Ну, что ты, милая... — сказала она, — все же хорошо.

Но Свана не могла остановиться. Лионза её обняла, прижала к себе. Девушка уткнулась лицом ей в грудь, орошая платье баронессы слезами. Но Лионзе было даже приятно. Она вспомнила свои вчерашние фантазии, и почувствовала, как растет в её теле приятная дрожь. От Сваны приятно пахло

свежим сеном. Её огромная грудь вздымалась и касалась живота суккуба. Нет, слуг и крестьян нельзя совращать. Это Лионза решила для себя, когда узнала, что у неё будет свой замок и земли... Но демоны её раздери, как же приятно. Аж дух захватывает. Да, пошло оно...

Лионза приподняла голову Сваны и страстно поцеловала её в губы. Девушка от неожиданности прекратила плакать, удивленно захлопала своими томными глазами.

— Госпожа... — сказала она задыхающимся голосом, — Вы чего?

Лионза, ничего не ответив, стала покрывать горячими поцелуями её круглые щечки.

— Ох... — выдохнула Свана.

Лионза пощекотала языком мочку уха, поцеловала девушку в шею.

— Ух, госпожа... щекотно...

— Но приятно?

— Да...

Лионза потянула веревку, которая служила Сване поясом. Пришлось немного повозиться, чтобы освободить девушку от котты. Это вам не дээль, эту одежду пришлось снимать через голову. А под ней ещё была нательная рубашка камиза. Но её снять было проще. Свана, оставшись в одних чулках-шоссах на подвязках, стыдливо закрыла грудь руками. Не особо это вышло, грудь у неё была слишком огромна, а ладони маловаты. Лионза наклонилась к девушке и стала целовать её руки, опускаясь все ниже. Когда она дошла до внутренней стороны локтя, Свана вздохнула и убрала руки от груди. Лионзе открылось великолепное зрелище. Груды были, словно налитые соком огромные фрукты, что ей доводилось видеть по пути на Запад. Большие розовые соски оттеняли молочно-белую кожу.

Тело мягкое, сдобное, как эльфийский хлеб. Огромная, но при том упругая грудь, округлый животик, лобок, густо заросший кучерявыми волосами. Лионза приложила ухо к животику. Но ничего не услышала. Немудрено, на таком раннем сроке ещё и сердца толком нет. Лионза поцеловала девушку в пупок, поднялась чуть выше к так давно вожделенной ей груди. Она взяла в рот сосок, засмоктала, причмокивая. Совсем, как младенец. Надо будет как-нибудь попробовать молока, подумалось ей.

— Госпожа... какая затейница — говорила Свана, тяжело дыша.

— На то оно и право брачной ночи — ответила Лионза, и впилась губами во вторую грудь.

Свана, выдохнув, прижала голову Лионзы, буквально вдавила её лицом в свою огромную грудь. Суккуб опрокинула девушку на спину. Она страстно целовала все её прекрасное сдобное тело. Так бы и съела, такая мягкая. Свана глухо стонала, прикусывая зубами свой кулак. Лионза поцелуями спустилась ниже пупка, зарылась лицом в кучерявые волосы, лизнула набухшую вишенку.

— Госпожа... не знала... что с ней... целоваться можно...

Лионза улыбнулась.

— И не только целоваться, милая...

Баронесса раздвинула ноги девушки, потом раздвинула языком пухлые половые губы Сваны. Девушка застонала, закинула одну ногу на плечо Лионзе. Суккуб, чувствуя что теряет голову, яростно проникала языком в горячую влажную глубину, порхала вдоль стенок, целовала взсос нежный бутон. Свана дергала ногами в чулках, покусывала кулачок, истекала сладким соком, как надкушенная груша. Когда Лионза засунула палец ей в зад, Свана дернулась и словами: «Ух, госпожа...» запульсировала, излилась в рот суккубу горячей жидкостью. Лионза поднялась, её красное лицо влажно блестело.

— Вы это... простите... я не хотела...

— Все прекрасно... — ответила Лионза и поцеловала Свану в губы, — Ты поспи. Отдохни до утра. Я бы с удовольствием пользовалась своим правом всю ночь. Но... боюсь, ты этого не переживешь. И твое дитя тоже.

Свана счастливо улыбнулась, закрыла глаза и мгновенно провалилась в сон. Лионза заботливо укрыла её одеялом. Суккуб ложиться не стала. У неё ещё оставались сегодня кое-какие дела.

— Да, сэр Бертран... вот так... да...

Служанка, которой сэр Бертран овладел прямо на полу, самозабвенно двигала тазом, активно подмахивая. Юный рыцарь, в отличие от Лионзы не стал возиться с одеждой, он просто задрал платье служанки, навалился сверху, подергивая голым задом. Но кончить в этот раз ему не удалось. Порыв ночного ветра раскрыл окно. Служанка испуганно взвизгнула. Сэр Бертран посмотрел в лицо своей любовнице и увидел, что оно бледно и испугано. Он вскочил, обернулся. На подоконнике улыбаясь сидела баронесса и болтала босыми красными ногами.

— Миледи... — сказал Бертран задышающимся голосом, — какая неожиданность...

Служанка испуганно вскочила, оправляя платье.

— Герда, ты можешь быть свободна, — сказала ей Лионза.

Герда кивнула и поспешно скрылась за дверью. Сэр Бертран так и стоял перед баронессой в одной нижней рубашке с болтающимся достоинством. Лионза мягко спрыгнула на пол, словно большая хищная кошка. Она обошла замороженного Бертрана со всех сторон, звонко шлепнула его по голому задку.

— Миледи... — отозвался рыцарь с игривой интонацией. Его член, что начал было опадать, вновь воспрял. Лионза оскалилась, и заставила Бертрана нагнуться.

— Что Вы задумали? Ох!

Бертран по-женски взвигнул, когда член суккуба резко, без прелюдий проник в его зад.

— Миледи... я так не люблю!

— Зато мне нравится, — отозвалась Лионза, не останавливая движения.

Она для сэра Бертрана выбрала наименьший вариант члена, не очень длинный и тонкий. Кажется, такие бывают у степных эльфов. Щадящий вариант, но кажется и такой причинял рыцарю боль. Но Лионза на это и рассчитывала.

— Миледи, прошу, хватит!

— Это тебе хватит. Хватит портить местных девушек.

— Но они сами... сами хотят.

— А то я не знаю, как это бывает. Где-то пообещал, где-то пригрозил. Так ведь?

— Это из-за той девки... Сваны?

— Эта... как ты говоришь девка... беременна.

Лионза вошла в рыцаря на всю длину. Тот завизжал, как поросенок.

— Прекратите, прошу! Я женюсь... женюсь на ней, если желаете. Только хватит... не надо больше...

— Ни в коем случае! Она сегодня вышла замуж за хорошего человека. Я хочу, чтобы ты... и на арбалетный выстрел не приближался к ним... чтобы больше и пальцем не прикасался ни к одной женщине в замке и моих владениях... если очень зудит, в городе всегда есть бордели.

— Да, госпожа, я понял госпожа, — верещал Бертран.

— А если я узнаю, что ты меня не послушал... То я... найду тебя где бы ты ни спрятался. И трахну членом огра!

Лионза представила себе на мгновение, как она будет воплощать в жизнь эту угрозу, и тут же кончила.

Общество Хрустальной Слезинки

— Подойди, дитя, — сказала одна из фигур в масках. Эти фигуры окружали со всех сторон девушку, и кроме кожаных масок на собравшихся больше не было никакой одежды.

Девушка-эльфийка, одетая в одну камизу, сделала шаг к говорящей. Её нежная кожа покрылась пупырышками, то ли от холода, то ли от страха.

— Как тебя звали раньше? — спросила вторая фигура.

— Ия... — ответила девушка одними губами.

— Плохое имя! — грубо сказала третья фигура и с размаху влепила эльфийке пощечину. На нежной щеке остался красный след от грубой пятерни. Ия не выдержала, слезы брызнули из прекрасных фиалковых глаз.

— Плачь, девочка, плачь... — одобрительно сказала ударившая её фигура.

— Чем больше слёз, тем ближе спасение, — добавила вторая.

— У тебя больше нет имени, — сказала первая, — ты просто Плачущая. Как и все мы... Восплачем же, братья и сестры. И пусть этот проклятый мир утонет в наших слезах!

— Ну, собственно, вот, — сказал король, подняв одеяло. Лионза оценивающе посмотрела на его оголенное достоинство. Такое же, как и простых смертных. Если бы не багрово-синее пятно,

что расплзлось по мошонке ихватило часть сморщенного пениса.

Лионза провела рукой, но никакой реакции. Такого не могло быть, от прикосновения суккуба вставало даже у самых безнадежных импотентов. А тут вообще ничего, будто у мертвеца.

— Видите, это порча. Тёмное колдовство, — сказал лейб-медик Осмер, коренастый и бородатый, словно гном.

— Нет, коллега, — возражал ему худой носатый Седелий, известный доктор медицинских наук, — я убежден что это следствие дисгармонии жидкостей в организме. Я считаю необходимым поставить туда нескольких хирудов...

Голос у него был тягуче-противный, словно у человека с заложенным носом.

— Что такое хируды? — взволнованно спросил король.

— О! Это такие маленькие и полезные существа...

— Это пиявки, Ваше Величество, — перебил его Осмер.

Король побледнел.

— Нет, не надо мне никаких... хирудов.

— Но их благоприятное действие, — сказал Седелий, — доказано неоднократным применением. Лично мной!

— Я убежден, что это колдовство! — упрямо возражал ему Осмер.

— А Вы что думаете, Лионза? — спросил король. Интересно, зачем он вообще её позвал. Думает, что если она суккуб, то должна разбираться во всех проблемах этой сферы? Но случай и правда загадочный.

— Похоже на магию... — ответила луанийка, — или отравление. Когда это все началось?

— Неделю назад. Утром ко мне зашла Бланка. А я привык, что она по утрам меня... будит. Талантливая очень девушка. Порхает язычком, как бабочка, засасывает губками как...

— ...хируда? — перебил его Седелий.

— Нет! Как... ладно, не важно. В общем, утром у неё ничего не вышло, как ни старалась. А потом, когда я позвал Осмера меня осмотреть, появилось это пятно...

— Сначала небольшое пятнышко, — добавил Осмер, — но оно стало быстро расти, и продолжает по сей день.

Лионза задумчиво покачала головой. Это был определенно яд. И яд, который попал в организм явно половым путем. Но она за всю свою долгую жизнь ни разу не сталкивалась с чем-то подобным.

— Это черная желчь, — сказал Седелий, — её нужно срочно откачать. Если не желаете хирудами, то хотя бы надрезом...

— Кто Вас вообще сюда позвал? — спросил король.

— Как это, кто? Мой долг быть там, где нужна моя помощь!

Осмер развел руками.

— Не знаю, как он повсюду просачивается... как пиявка проползает.

— Ваше Величество, — сказала Лионза, — с кем у Вас были контакты за день до этого?

Король задумался.

— Утром Бланка... потом после завтрака я отправился на охоту. У пруда встретил дриаду... как её там... Росанию. И вечером мне наконец-то ответила взаимностью Эвон, фрейлина Её Величества, моей супруги. Но они... думаете, это кто-то из них? Но зачем?

— Не знаю, но обязательно выясню, Ваше Величество. Позвольте идти, время не ждёт.

Нет, это была не Росания. Хотя, Лионза подозревала её в первую очередь. Кому не знать всё о редких ядах, если не дриаде. Но суккуб умеет читать мысли того, с кем трахается. И как раз сейчас дриада оплела её множеством своих ростков и веточек. Два особенно приятных гибких и молодых ростка нежно проникали в вагину и задний проход суккуба, ещё два скользили по напряженному члену Лионзы. Сама Росания была небольшого роста даже для дриады, встань она рядом с Лионзой, то едва бы доставала ей до колена. Это была миниатюрная женщина с золотистой кожей, вместо причёски её изящную голову венчал пышный красный цветок. Ещё один цветок, поменьше был между её ног. Именно оттуда и выдвигались те самые приятные усики и росточки, которые доставляли Лионзе столь изысканное удовольствие. Многим, мало знакомым с дриадами казалось странным, что их может интересовать какой-либо секс, кроме как с пчелами. Но дриадам, особенно если они практикуют магию, часто нужны в качестве ингредиентов женские соки и мужское семя. Потому они с большой охотой стараются пополнить запасы. Дриада сидела на пне, широко расставив золотистые ножки. Рукой она гладила лепестки своего цветка между ног. Ростки от каждого её прикосновения вздрагивали и упруго сжимались в Лионзе, заставляя суккуба выгибаться от удовольствия. Она сидела перед Росанией примерно в такой же позе, расставив ноги, чтобы озорные росточки имели полный доступ ко всему, чему только пожелают. Лионза протяжно стонала, когда росточек в её вагине достигал самой глубины, или те, что ласкали её пенис, прихватывали его особенно нежно. Росания тихо шелестела в ответ. Дриады не говорили ни на одном из языков этого мира, но Лионза имела возможность общаться с ней мысленно, пока они страстно сплелись друг с дружкой.

— Ты когда-нибудь видела подобное? — спросила Лионза и открыла Росании то, что видела утром у короля.

Росания так крепко задумалась, что даже росточки на несколько мгновений замерли. Потом Лионза увидела образ — некий корень, похожий формой на человека с длинными руками и ногами. Мандрагора? Что за чушь? Лионза хорошо знала, как действует мандрагора. Тут было что-то иное. Неужели даже дриады могут ошибаться?

Один из тонких зеленых усиков обвил головки и стал щекотать уретру. Росточки с листиками на конце невыносимо щекотали ей пятку, ещё несколько играли с кончиками её карминовых сосков. Как же невыносимо хорошо! Лионза прикусила нижнюю губу, чтобы не переполошить весь лес криком. Лионза откинулась спиной на траву, задержалась тазом в сильнейшем оргазме. Солнце на небе ослепило её, мир вокруг наполнился яркими пятнами.

Когда Лионза встала, Росании уже не было, как сквозь землю провалилась. Впрочем, в отношении дриад это не было метафорой. С Бланкой Лионза пообщалась ещё утром. Она действительно была хороша, как и описывал король. Язычок её порхал, как бабочка по члену Лионзы. И засасывала она, как... Лионзе тоже было сложно подобрать сравнение. Но главное, что и Бланка не имела отношения к этому странному делу.

В списке оставалась только Эвон, юная фрейлина. Ради укрепления союза Цвиллига с Изумрудной Долиной, король взял в жены дочь одного из эсмеральдов. Но они с эльфийкой не сошлись характерами, королева Бриара обладала тяжелым нравом. К тому же была некрасивой даже по человеческим меркам. Её длинные острые уши торчали в стороны, а кончики свисали немного вниз, напоминая ослиные. Костистое лицо с маленькими колючими глазками, острым носом и поджатыми сухими губами выражали постоянное недовольство. Вскоре королевский замок строго разделился на две половины, и король с королевой старались не пересекаться вне официальных

мероприятий. Но разногласия между супругами не мешали Его Величеству, а также приближенным постоянно заводить романы с той или иной фрейлиной-эльфийкой. Поначалу Бриару это приводило в ярость, сколько юных созданий попало под её горячую руку и вернулось домой, в Изумрудную долину. Но прибывали новые, казалось бы, более благонравные, история повторялась.

Королева с утра отбыла на церковную службу в город Дармунд. Её Величество была очень набожна, и не пропускала ни одной службы. Но Бриара, несмотря на замужество и переезд в Цвиллиг, осталась верна эльфийскому обряду. Ближайший храм, где придерживались этого обряда, был только в Дармунде. Лионза могла бы дожидаться вечера, когда они вернутся в замок, но что-то подсказывало ей, что нужно поторопиться. Она вскочила на Зальца, своего самого быстрого жеребца, и отправилась самой короткой дорогой к городу.

В городе была ярмарка, а у эльфов очередной праздник. Храм был забит под завязку, Лионза с трудом протиснулась внутрь. Эльфийский храм внутри был похож на амфитеатр. В центре, на сцене стоял алтарь и огромная колонна, символизирующая Священное Древо, вокруг которого обвилились две змеи, переплетенные друг с другом. Так эльфы представляли себе Священных Близнецов Драгана и Драгу, тогда как люди изображали их в виде двуглавого дракона. Но более важным отличием эльфийского обряда было то, что эльфы полагали Близнецов единой сущностью в двух разных телах, а люди наоборот, двумя разными сущностями в едином теле. Сколько это породило и рождает споров, диспутов и религиозных войн.

Лионза хотела подобраться к королеве и её свите, как можно ближе. Но Бриара со своими фрейлинами и охраной, которую составляли суровые горные эльфийки, расположилась в особом секторе, по другую сторону от сцены священнодействия. В этот сектор простым смертным попасть было невозможно. Потому

Лионза уселась напротив, так, чтобы наилучшим образом держать в поле зрения Бриару и её девушек. Правда, для этого ей пришлось втиснуться между двух полных полуэльфик, которые сдавили её так, что суккубу было сложно лишний раз вздохнуть.

На сцене священнодействия стояли жрец и жрица. Они читали молитву, как это принято у эльфов, синхронно, слово в слово, будто единое существо. Бриара не сводила глаз со сцены, обмахиваясь веером. Две фрейлины, видимо фаворитки королевы, в точности копировали её мимику, и так же неотрывно смотрели на сцену. Прочие не разделяли религиозного рвения Её Величества, они ерзали на сиденьях, обменивались многозначительными взглядами, а так же тайком передавали друг другу предметы, которые прятали в свои рукава. Лионза хорошо знала эту игру. Они давали друг другу разные безделушки: бисеринки, красивые камешки, перышки. В сочетании с подмигиваниями и жестами, каждый переданный предмет служил своего рода тайным сообщением. Таким образом фрейлины могли болтать друг с дружкой, не открывая рта. Лионза поискала глазами Эвон. Это была непростая задача, Бриара любила рядить своих подопечных в одинаковую одежду. К тому же эльфийки все на одно лицо. Впрочем, одна из девушек в играх не участвовала, она сидела бледная, с кругами под глазами, словно её не первый день мучила бессонница. Эльфийка смотрела не на сцену, а куда-то поверх головы Лионзы и тихо шевелила губами, видимо повторяя общую молитву. В руке она крутила что-то, вернее нервно наматывала на палец шнурок, а потом снова его распускала. На конце шнурка нечто блеснуло в лучах солнца. Лионза сощурилась, но предмет был слишком мелок, чтобы разглядеть с такого расстояния. Блестящий камешек на шейном шнурке. Что-то было не так, но Лионза не могла понять, что именно.

Её взгляд. Он не был отсутствующий, он был сфокусирован. Она смотрела на кого-то позади Лионзы. Но развернуться, когда ты зажата между двумя матронами, было сложно. И ещё Эвон

время от времени переставала шевелить губами. Тогда её взгляд становился особенно напряженным, будто она пыталась разглядеть нечто в противоположной стороне. Ну, конечно! Она говорит с кем-то. Просто произносит слова беззвучно, зная что её собеседник прочтет по губам. И тот, второй, ей так же отвечает! Неплохая маскировка. В храме всякий случайный свидетель подумает, что девушка просто проговаривает вслух молитву. Лионза умела читать по губам. Эвон говорила на малоизвестном западном диалекте Изумрудной Долины. Но Лионза много путешествовала и знала очень много языков, в том числе и этот. Не то, чтобы она проявляла сильное рвение в этом вопросе. Но при телепатической близости, она волей-неволей впитывала и кое-какие знания партнеров, в первую очередь их язык. Лионза сосредоточилась, пытаясь понять, что говорит Эвон.

— ... неразборчиво... умрёт?

После заданного вопроса эльфийка напряженно смотрела, читая ответ по губам.

— Зачем? Что... он... плохо... Обществу?

Снова напряженная пауза в ожидании ответа.

— неразборчиво... не хочу... причинять вред... я... не убийца... если бы... знала... то не...

Пауза.

— Покаяться... это грех... никаким слезам... не смыть...

Девушка разразилась целой тирадой, даже не заметив, что основная молитва кончилась. Но она говорила столь страстно и быстро, что Лионза не успевала прочесть. На бледном лице Эвон выступил румянец. Меж тем служба закончилась, все начали вставать со ступенек амфитеатра, что служили им сиденьями. Лионза поспешила встать вслед за грузными соседками, посмотрела туда, куда смотрела эльфийка. Но увидела лишь фигуру, закутанную в мантию горчичного цвета.

Она взмахнула рукой и нечто блеснуло в свете солнца. Такой же блестящий камешек, как у Эвон! Это не просто талисман, а опознавательный знак! Ладно, теперь нужно перехватить Эвон и найти время, чтобы поговорить об этом всем. И чем скорее, тем лучше. После того, как Лионзе удалось прочесть по губам часть разговора, её чувство тревоги усилилось. Бриара со свитой была уже на выходе, её молчаливые охранницы, чьи лица наполовину закрывали красные клетчатые шарфы, оттесняли толпу. Лионза тоже не церемонилась, пробиваясь следом, чем вызывала гневное шипение и ругательства. Таинственная горчичная мантия мелькнула совсем рядом с королевой. Нет! Только не сейчас! Лионза рванулась, расталкивая народ на ступенях. Но слишком поздно. Суккуб услышала девичий крик. Через несколько мгновений Лионза была рядом. Эвон, ещё более бледная, чем во время службы медленно оседала на землю. Она держалась рукой за правый бок, сквозь тонкие пальцы проступала кровь. По щеке проложила дорожку единственная слезинка. Одна из охранниц бросилась следом за убийцей, мантия уже затерялась в толпе. Глаза Эвон закатились, она вздохнула и обмякла, словно тряпичная кукла. Вторая рука разжалась, и нечто упало на пол. Рядом с Лионзой пронзительно заверещала какая-то женщина, потом ещё и ещё. Немудрено, эльфийка на глазах испуганной толпы скукоживалась, превращаясь в нечто жуткое. Лионза протолкнулась поближе. Вместо Эвон на земле лежал корешок растения, поразительно напоминающий очертаниями человека. Королева Бриара вскрикнула и лишилась чувств. Вот оно что! Эвон была альрауной, живым существом, выращенным из корня мандрагоры! Вот, что имела ввиду тогда Росания. Могла бы изъясняться менее туманно. Но что с них возьмешь, с дриад. Воспользовавшись сумятицей и паникой, суккуб быстро метнулась и подобрала упавшую вещь. На ощупь, это был тот самый блестящий камешек на шнурке. Когда Лионзе удалось выбраться из визжащей толпы, она разжала ладонь и наконец рассмотрела свою находку. На простом веревочном шнурке висела искусно сделанная хрустальная слезинка.

Лавочка Малака находилась у самых ворот Дармунда, в конце ювелирного квартала. Сам Малак обычно сидел на улице и пил гномий горячий напиток из листьев, грибов и драконьей слюны. Посетителей даже в праздничные и ярмарочные дни у него было немного. Впрочем, он никогда не гонялся за количеством. Его хорошо знали в узких кругах, и этого было вполне достаточно для успешного ведения дел.

Сегодня Малаку не пришлось прохлаждаться под навесом своей лавочки. Ведь к нему буквально ворвалась его давняя знакомая, краснокожая луанийка. И она была крайне возбуждена и рассержена.

— Ты когда-нибудь видел такую штуку? — спросила она без всяких церемоний и любезностей, вытащив откуда-то кусочек горного хрусталя, ограненного в форме слезинки.

— Тонкая работа, — с уважением сказал Малак, осторожно потрогав слезинку толстым пальцем.

— Так, ты видел когда-нибудь её или нет? — нетерпеливо переспросила Лионза.

— Может, пожую немного смолы, выпьем...

— Прости, я спешу! Ответь на мой вопрос!

Но Малаку торопиться было некуда.

— Все зависит от некоторых обстоятельств... — протянул он, поглаживая окладистую гномью бороду. Лионза недобро сощурилась, опять этот гном-извращенец за своё. Каждый раз, когда она к нему обращается, одно и то же. Хотя бы раз вошел в её положение. Она надвинулась на него.

— Говори... — тихо сказала она. Гномы, к сожалению, слабо восприимчивы к магии, их невозможно прочесть телепатически.

— Ты знаешь мою плату, — ответил Малак, ухмыляясь.

Лионза со злостью ухватила его за бороду, резко дернула вниз. Гном выпучил глаза от боли и оскалился.

— Хорошее начало, — сказал он, — мне нравится.

Лионза залепила ему оплеуху.

— О да... — сказал Малак, потирая ушибленное место. Его маленькие глазки были полны радости, словно он получил подарок от короля на День Низвержения.

— Так, ты будешь говорить? — спросила Лионза.

— Буду! Но сначала надень костюм!

Лионза закатила глаза кверху. Близнецы, дайте ей сил.

— Он вон в том сундуке, — добавил Малак.

Лионза тяжело вздохнула. Малак, когда-то давно, ещё в детстве, попал в плен к гоблинам. Он провел там несколько лет, пока его не наши и не выкупили оттуда дальние родственники. Гоблины, как известно, живут небольшими семьями, которыми руководят домины, наиболее авторитетные самки. Малаку не повезло, он слишком пришелся по душе домине, которая все эти годы активно издевалась над ним. Говорят, когда его пришли выкупать, она вывела его на поводке, словно пса. Потом он долго не мог привыкнуть к тому, что спать ему нужно на кровати в доме, а не в будке. Что есть нужно с тарелки, а не из миски. Если к этому всему он снова привык, то нормально заниматься сексом не мог. Чтобы получить удовольствие ему нужны были разного рода унижения и его домина.

Лионза открыла сундук, ожидая увидеть там привычные атрибуты: накладные гоблинские уши, клыки, ожерелье из зубов волка. Но вместо этого там лежало нечто прекрасное. Кусок ткани, прозрачный и переливающийся всеми цветами на солнце. Лионза восхищенно вздохнула.

— Это же...

— ... покрывало Майи, — закончил за неё Малак, — давай, накинь его на себя!

Лионза взяла легкую невесомую ткань, сквозь которую просвечивали её красные пальцы, подбросила, дала себя укутать. Через мгновение перед Малаком стояла уже не краснокожая стройная луанийка, а приземистая зеленокожая гоблинша, с торчащими из нижней челюсти клыками, огромными ушами, большим носом с бородавкой. Голая по пояс и с отвисшими грудями. Лионза с восхищением посмотрела на свою руку, которая стала такой непривычной. Потом достала из сундука небольшой хлыст. Гном тоже был в полном восторге. Чтобы придать себе новый облик, с помощью покрывала Майи, нужно было обладать хорошим воображением и четко представлять себе того, кого хочешь изобразить.

— Где вжыл такое шшудо? — спросила Лионза-гоблинша, с шепелявым акцентом. Немудрено, торчащие клыки не предполагали иного произношения.

— Один купец из Кра-Акена мне порядком задолжал... — ответил, щурясь от удовольствия, Малак.

Лионза запрыгнула на стол перед Малаком. Ступней с черными кривыми ногтями она коснулась его лица, погладила по лысеющей голове. Гном лизнул её ногу, словно щенок. Лионза едва удержалась от смеха, она не очень любила щекотку. Она заставила его опуститься на пол, на колени. Сама же уселась на столе, продолжая водить ступней по лицу.

— Ты обещал рассказать, — вкрадчиво сказала она. Хотя, сама с трудом сдерживала смех от своего нового скрипучего голоса, старушечьего акцента и щекотных прикосновений языка и бороды гнома.

— Около года назад... — сказал Малак, после того как выпустил из рта её большой палец, — к кузену Дагону приходила одна дама...

— Штто жа дама?

— ... не знаю, она была... инкогнито.

Лионза слегка хлестнула Малака по голове.

— Но што говорит кужен Дагон?

— ... он ничего не говорит... он немой как рыбка... с самого рождения... потому к нему часто обращаются... с разными деликатными просьбами...

— А как ше ты ужнал?

— Подмастерья у него... не столь молчаливы...

— Плохие малышшики — Лионза ударила гнома хлыстом по щеке, оставив на ней красную полосу.

— ... Дама заказала большую партию таких слезинок... оставила хороший задаток...

— И шшто потом?

— А потом приехала и забрала.

— И это вшше?

Лионза с силой ударила Малака, так что он опрокинулся на спину. Она соскочила со стола, уселась своим новым задом, который стал гораздо объемнее, на лицо гному.

— Как-то маловато ты знаешш...

— Я как-то был в квартале для ноблей... нёс один заказ... Уже темно... и я проходил мимо особняка... купца Гуго Путешественника. Он погиб несколько лет назад. Там живет его вдова... Её толком никто не видит... Она редко когда выходит наружу... И я видел как к заднему ходу подъехали всадники. Один спешился... постучал... открылось окошко... он показал камушек на веревочке... и дверь открылась...

— И шшшто?

— У меня глаз наметанный, ты знаешь... Тот камушек на веревке был слезинкой...

— Хороший мальшник, — одобрительно сказала Лионза, охватив лицо гнома ягодицами. Он весь дрожал от удовольствия.

— Я хочу золотой дождик... — сказал Малак. Лионза поморщилась. Она любила секс в его многообразии, но такого не понимала.

— Хорошо... Но это я все имеет сфую плату...

— Что ты хочешь?

— Я одолшу твоё шудешное покрывало!

— Плачь, девочка, плачь... — повторяла одна из фигур в маске. Все прочие тоже безудержно рыдали. Большой зал для приема гостей, пиров и танцев в особняке Гуго Путешественника был освещен факелами и горящими свечами, но огонь горел неярко, приглушенно. Здесь царила полутьма. Вокруг новой девушки стояли мужчины и женщины, в масках и без одежды. Но у каждого на шее висела хрустальная слезинка. Иногда они поблескивали в свете огня. Такая же была на новой эльфийке, Ие. Она тоже плакала, слезы намочили её камизу, так что сквозь неё стала проглядывать её небольшая округлая грудь с затвердевшими от холода сосками.

Фигура в черной маске, принадлежащая подтянутой поджарой женщине с длинными ногами и высокой грудью, подошла к эльфийке. Ия увидела татуировку на плече, череп, в глазницах два кинжала. Знак кедраварских амазонок, элитных наемниц из Пограничных Марок. В руке у амазонки был изогнутый кинжал. Она коснулась им нежной шеи девушки, заскользила вверх к щеке, следуя за мокрым следом от слёз.

— Откуда ты? — неслышно спросила фигура.

— Из Флорианы... — пролепетала Ия, замерев от страха.

— Больше нет! — сказала фигура полного волосатого мужчины с небольшим пенисом, которого едва было видно из-за складок на животе. Мужчина подошел и рванул камизу Ии на спине. Ткань разошлась с треском. Разорванная рубашка упала к стопам эльфийки. Она поджимала свои пальчики от холода и страха.

— Я бывала в Флориане... даже служила одному из альдов... — продолжила наемница, скользя лезвием по виску девушки, — и не припомню ни одной альделии по имени Ия...

— Я не альделия... — ответила Ия побелевшими губами, — я дочь простолюдинки и Светлого Альда Илана...

Наемница посмотрела в фиалковые глаза девушки, казалось, амазонка заглядывала в самую душу. Кинжал острием уперся в горло, там где у мужчин обычно кадык. Лезвие немного надрезало нежную кожу, выступила небольшая капелька крови.

— Да... Илан всегда заботится... даже о внебрачных детях... — сказала наконец амазонка, — впрочем, не важно. Ты просто Плачущая. У тебя больше нет отца и матери.

Она убрала кинжал.

— Плачь! — сказала фигура пожилой женщины с пышной грудью. Ия опустилась на колени и отдалась рыданиям. После пережитого страха это ей удавалось легко и естественно. Её окружали такие же плачущие. И лишь наемница не проронив ни слезинки, исчезла, словно её и не было.

Ия точно не помнила, сколько она провела в совместных рыданиях. Это реально её вымотало, словно она целый день шла пешком по горным перевалам. Но в то же время, на душе после этого всего было так легко, словно через слезы из неё вышло

все, что мучило, смущало, не давало покоя все эти годы. Все прочие тоже успокоились, изредка всхлипывая.

Факелы, освещавшие залу, задержались от неожиданного порыва ветра. Все собравшиеся подняли головы. На уровне второго этажа залу опоясывал внутренний балкон. У его перил стояли две фигуры. В одной Ия узнала наемницу, второй была очень старая, похожая на высохшую мумию женщина. Она была единственная из присутствующих в одежде и без маски. Но лицо её было столь покрыто морщинами, что его черты почти не угадывались. Интересно, сколько ей лет? Ие никогда не доводилось видеть столь старых существ.

— После всякой скорби, — сказала старуха надтреснутым голосом, — приходит радость. Мы зальем этот мир слезами лишь для того, чтобы потом возродить его молодым, радостным, полным удовольствия...

Она закашлялась. Наемница заботливо взяла её под локоть.

— Возрадуйтесь, дети мои, — сказала наконец старуха, — возрадуйтесь! Дарите друг другу любовь!

Она взмахнула рукой, факела и свечи вновь вздрогнули от порыва ветра.

— Радуйся! — сказала одна из фигур.

— Радуйся! Радуйся! — подхватили другие. Ия увидела, как члены мужчин начали увеличиваться, груди женщин наливаться и твердеть. Двое сектантов подняли Ию, положили её на большой пиршественный стол.

— Радуйся, радуйся!

Кто-то истерично расхохотался. Кто-то застонал, когда одна из фигур ухватила его за член, стала двигать его крайнюю плоть. Ия вскрикнула, когда один из мужчин раздвинул её тонкие ножки, прильнул лицом к её розовой пещерке. В это же время чьи-то руки гладили её небольшие груди, какая-то женщина

стала покрывать поцелуями её заплаканное лицо, кто-то укусил за острое эльфийское ушко, кто-то вложил член ей в ладонь. Ия застонала от столь многообразных ласк, чувствуя как растёт её возбуждение. Она задвигала рукой, лаская чей-то член, страстно впилась в губы целующей её женщины, закинула ножку на плечо лижущего её вульву мужчины. Целующая её женщина застонала, кто-то овладел ей сзади.

— Радуйся... радуйся... — повторяла она в забытьи, каждый раз, когда член достигал её влажной глубины. Кто-то стал щекотно лизать ступню Ии, мужчина, проникающий языком в её розовую глубину, постанывал. Дама-эльфийка подлезла к нему снизу, и взяла его член в рот. Её саму в это время уже кто-то трахал, быстро дергая тазом. Кто-то вложил член во вторую руку Ии, ещё один член возник у её лица. Они стали соревноваться с женщиной, которая её целовала, по очереди хватая его губами. Все присутствующие слились в единое целое. Оргия объединила всех собравшихся в единый шевелящийся стонущий организм.

Лижущего мужчину сменил здоровяк с огромным членом. Он без церемоний засунул в бедную девушку свою огромную дубину. Но она к тому времени была уже достаточно увлажнена и возбуждена, чтобы принять в себя хотя бы его большую розовую головку. Чтобы прошло остальное, пришлось потянуть ножки в стороны. Она даже выпустила член изо рта, когда эта громадина заполнила её всю. Ох, как хорошо. Он вытащил полностью и снова стал проникать, вызывая нестерпимое удовольствие. Рядом, прямо в ухо стонала женщина, которой в вагину уместилось сразу два члена. С другой стороны нежно вздыхал лесбийский клубок из трех или четырех девушек. Чувствуя себя частью общей мозаики удовольствия, Ия задергалась на члене здоровяка, чувствуя, как и он приближается к разрядке.

Стоны становились все тише. Все участники лежали без сил, особенно те, кто так или иначе трахал новенькую эльфийку. Прочие тоже не отличались особенной бодростью. Ия радостно

вскочила на ноги, давно она не чувствовала такого прилива сил. Она направилась к лестнице, что вела к внутреннему балкону. В голове её смешались чужие образы и мысли. Несмотря, что на лицах присутствующих были маски, она знала их всех. Теперь уже знала.

— Так, так... — раздался голос сверху, — и куда это мы собрались?

Ия подняла глаза. На балконе у лестницы стояла наемница, по-прежнему голая и в черной маске. Она окинула взглядом всех лежащих.

— Никогда не видела такого прежде, — сказала она, достав кинжал, — очень похоже на работу... суккуба.

Ия только улыбнулась и сдернула с себя покрывало Майи. Вместо миниатюрной белокурой эльфийки перед наемницей стояла стройная краснокожая брюнетка с большими зелеными глазами.

— Лионза Луане, как я сразу не догадалась! — сказала наемница.

— А ты Урсула Кастра, не так ли? — усмехнулась Лионза. — Я много о тебе наслышана. Говорят, ты любишь отрезать врагам члены и засовывать их им в рот. Или ещё куда.

— Тебе я просто вырежу сердце, Лионза, — сказала Урсула, оскалившись из-под маски. В отличие от полностью обнаженной Ии, у Лионзы все же был аксессуар, это металлический пояс со странной ручкой, похожей на рукоять меча. Лионза взялась за неё, щелчок и в её руках уже был гибкий меч урум.

Урсула усмехнулась и бросилась в атаку. Гибкое лезвие встретилось с кинжалом. У Лионзы было преимущество в длине клинка. Но зато Урсула двигалась несколько быстрее. Лионза была вынуждена отступать под градом молниеносных ударов.

Кинжал амазонки напоминал разящую стальную молнию. Ещё выпад и Лионза, почувствовала боль в предплечье.

— Надо же... — сказала Урсула, — кровь такая же красная... Тем лучше, значит и сердце у тебя там, где должно быть!

Гибкий меч свистнул, срезал ремешок, на котором крепилась маска Урсулы. Она упала. Под ней оказалось лицо женщины лет 30, со шрамом на всю щеку, жестокое и застывшее, словно ещё одна маска. Ледяные светло-голубые глаза, квадратная челюсть, короткая мужская стрижка. Но была в этом лице и какая-то дикая красота, словно у хищной кошки.

— А ты неплоха... — сказала Урсула, — мало кто держится против меня дольше трех ударов. Но тебя это не спасёт.

Кинжал блеснул на волоске от уха Лионзы. Она отпрянула, но его острое лезвие срезало чёрный локон с виска.

— Ты тоже, — отозвалась Лионза. К счастью она очень хорошо подзарядилась и не чувствовала усталости. Это давало ей некоторое преимущество перед наемницей. Урсула неожиданно сделала выпад кинжалом в живот. Лионза отбила по касательной, но не удержалась на лестнице и покатила вниз. Суккуб несколько раз приложилась о ступеньки, но к счастью осталась в сознании. Она попыталась встать, все тело отозвалось горячей болью, особенно, там, где ребра. Урсула была уже рядом, она наступила босой ногой ей на грудь.

— Сердце суккуба, отличный трофей, — сказала она.

— Можно вопрос? — серьёзно спросила Лионза.

— Надеешься потянуть время или отвлечь? — усмехнулась в ответ Урсула. — Не поможет. Хотя давай...

— Ты подменила настоящую Эвон альрауной? — спросила Лионза.

Урсула рассмеялась.

— Настоящей Эвон никогда не было... — ответила она наконец, склонившись над Лионзой, — в момент рождения я просто рассказала ей то, что она полагала своими воспоминаниями... Хорошо вышло... у неё была даже совесть... которая так не вовремя проснулась...

Урсула занесла кинжал, готовясь вскрыть грудную клетку.

— Забавно вышло... — сказала Лионза, — ты обманула короля несуществующей эльфийкой... а я так же обманула тебя...

Иллюзия против иллюзии. Иллюзии... покрывало Майи... стоп! А где же её покрывало?

Неожиданно вместо одной из рук суккуба появилось щупальце. Оно обхватило запястье наемницы. Та вскрикнула.

— Совсем забыла о покрывале Майи на моей руке — сказала Лионза, выкручивая щупальцем руку, — хорошая вещь. Если веришь в реальность происходящего, можешь менять реальность, как тебе вздумается...

Урсула яростно зарычала, пытаясь освободиться. Но это было бесполезно. Мало кому удавалось разжать хват тифарейского спрута. Она наклонилась, чтобы впиться в него зубами, но мощный удар ногой в висок отправил её во тьму.

— Не подходи! — крикнула старуха. Она стояла у открытого окна, ветер шевелил её распущенные седые волосы.

— Не понимаю, кто ты, — сказала Лионза, — Гуго умер молодым мужчиной в цвете лет... Его вдове сейчас должно быть чуть больше 20. Мать Гуго давно покинула этот мир... Кто же ты тогда такая?

Лионза сделала шаг вперед, в освещенный полной луной участок спальни. Старуха, рассмотрев своего врага, вздрогнула всем телом.

— Ты... ты такая же как она...

— Как кто?

— Такая же, как Та, что Плачет... Красная Плакальщица...

Теперь настал черед вздрогнуть Лионзе. Красная Плакальщица? Неужели она о...

— Я знаю тебя... — сказала неожиданно старуха, — ты была с ней... Вы с ней как близнецы... разные в едином теле... Вы вдвоем... принесли жертву... теперь вы... разделили одну судьбу... Она ищет... ищет то, что скрыто в тебе... Она ищет... и плачет... горько плачет...

— Она жива? Она рассказывала обо мне? — смогла спросить только потрясенная Лионза.

— Нет... она была со мной... она выпила меня всю... всю мою молодость... мою красоту... мою жизнь... но я не умерла, нет... я все увидела... все-все... её мысли... её воспоминания... я поняла, что должна... служить ей...

— Послушай... — сказала Лионза, сделав ещё шаг.

— Не подходи! — выкрикнула старуха, резко откинувшись назад. Мелькнули ноги, крик, звук удара о твердые камни. Лионза подбежала, выглянула наружу. Внизу, на мостовой белело распростёртое тело в луже темной крови.

— И куда мы направляемся? — недовольно спросил Раксен, он терпеть не мог разного рода неожиданности. Лионза сидела на нем верхом, в своей любимой позе, свесив ноги с одной стороны.

— На дальний Запад, — ответила она, — в Сивианну.

— Что мы там забыли?

— Король отравлен ядом альрауны, только правительница Сивианны умеет лечить подобное.

— Альрауны?

— Ну, такое живое существо, выращенное из корня мандрагоры, неужели ты ничего не слышал о таком?

— Хвала Близнецам, что не слышал!

— Ему можно придать любую внешность, и как оказалось даже внушить ему прошлое. Только вот половых контактов стоит избегать. Даже мне.

— Ну хоть с кем-то, кроме меня тебе нельзя. Приятно чувствовать себя в этом мире не одиноким.

Лионза потрепала зверя по голове.

— Кстати, зачем этим дуракам понадобилось травить короля? — спросил Раксен.

— Ради того, чтобы он умер, не оставив наследника. Страна погрузится в хаос междоусобицы, а это много слез.

— И они правда верят в эту чушь?

— Все верят в то, во что, хотят верить. Возможность свалить короля многим была по душе, особенно некоторым баронам...

— А та старуха верила?

— Это не старуха. Это юная вдова Гуго Путешественника. Она встретила суккуба, и чудом пережила эту встречу.

— Суккуба? Неужели...

— Да, её. Она жива, Раксен. И видимо, не намерена отступаться от своих планов...

— Это в её духе. Только зачем она с помощью старухи создала это дурацкое общество?

— Она не создавала. Ты же знаешь, жертвы суккубов, продолжают лихорадочно искать встречи с ними... становятся ими одержимы. К тому же вдова Гуго была неплохим медиумом. Она прочла её мысли, воспоминания. Меня даже видела. И она создала это общество, чтобы служить ей, поклоняться как богине... Надеясь быть ей полезной... А по сути получилась такая глупая пародия. Кривое зеркало.

Раксен фыркнул.

— С такой хозяйкой, как ты, мне точно никогда не будет покоя.

Кошмар замка Ней

Издалека собравшаяся толпа напоминала встревоженный пчелиный улей. Когда Лионза подошла, все смолкли и обратили на неё взоры, словно ожидая, что она сотворит чудо. Но Лионза не умела воскрешать умерших. В фамильном склепе баронов Ней лежала одна из её служанок по имени Мод. И она была мертва.

Лионза, получив баронство и замок, очень быстро побывала в каждом уголке своих владений. Но здесь, в фамильном склепе, она была впервые. И это было легко объяснимо, она искренне не любила все, что связано со смертью. Ворота любого кладбища она переступала лишь, когда того требовала её служба в братстве Драконьеров. Потому, за все время пребывания здесь в качестве хозяйки, она на арбалетный выстрел не приближалась к семейному склепу баронов. Усыпальница находилась в подвале часовни, которая прилежала к западной стене замка. Подвал внутри представлял собой длинный коридор с нишами. В каждой нише находились гробницы от совсем простых до искусно украшенных. Тело Мод лежало возле гробницы довольно зловещего и неказистого вида. Если на иных можно было увидеть барельефы с подвигами и достижениями мертвеца, тот тут только зловеще оскаленные черепа и змеи с ядовитыми клыками. Лионзу пробрал холодный озноб. Она по долгу службы бывала в местах и более жутких. Но замок Ней у неё ассоциировался с отдыхом от этого всего.

Она склонилась над трупом. Мод пришла к ней в услужение совсем недавно, заменив свою одряхлевшую бабу, старую Грен. Это была молоденькая и миловидная девушка с кучерявыми каштановыми волосами, бойкая, черноглазая, острая на язык. Лионза не успела заметить за ней что-то странное. Лионза только вчера слышала её задорный смех, что

отражался от старых стен замка. И вот она лежит мертвая, в бесстыдно задранном платье. Суккуб много раз видела, если заставляла Герду или кого-нибудь ещё из местных женщин за сексом, что они обычно задирали таким образом платье, позволяя любовнику овладеть ими. Сдерживая отвращение, Лионза засунула палец в лоно мертвой девушки. Тело уже начало костенеть и это оказалось непросто. Лионза вытащила палец. Внутри Мод было мужское семя. Лицо девушки застыло в испуге. Жаль, что в мертвых глазах не отражался её убийца. Это бы облегчило его поиски. Лионза вытащила кинжал и распорол котту несчастной от груди до самого низа. То же проделала и с нижней рубашкой камизой. Собравшаяся дворня расходилась прочь, многие делая защитные знаки. Один только кастеллиан Гримберт невозмутимо наблюдал за её манипуляциями с телом. Лионза тщательно осмотрела обнаженное тело девушки. Никаких следов. Ни синяков, ран, царапин. Ничего. Странно. Яд? Непохоже.

— Гримберт! — сказала Лионза стоящему у неё за спиной кастеллиану, — тут есть тайный ход?

— Да, миледи, — отозвался Гримберт, — в конце коридора, если нажать на 15-й снизу кирпич в стене, откроется дверь...

— И много людей об этом знает?

— Это ни для кого здесь не секрет, с времен Багровой Смуты.

— Мда... это усложняет дело...

— Дело?

— Ты же знаешь, я не успокоюсь, пока не найду кто это сделал.

— Да, госпожа. А какие будут распоряжения насчет Мод?

— Похороните достойно. Родителям передайте от меня соболезнования и мешочек с монетами.

Лионза сжала зубы. В её груди смешались жалость к несчастной девушке и гнев к её убийце. Кто бы это ни совершил, он

заплатит, жестоко заплатит. Череп с жуткой гробницы, словно прочитав её мысли, зловеще усмехнулся.

— Кстати... кто здесь похоронен?

Лионза указала на гробницу, возле которой лежала Мод.

— Двадцать третий барон Ней, господин Вигмар.

Тайный ход местами осыпался, однако был в сносном состоянии. Хотя были места, где Лионзе буквально приходилось пролезать на четвереньках. В одном из таких мест колено суккуба почувствовало что-то круглое и твердое. Когда она выбралась в ту часть коридора, где ей удалось распрямиться в полный рост, Лионза осмотрела находку. Это была круглая бусина из желтого янтаря. Такие использовались в монашеских четках. Лионза зажгла лучину, несколько раз прошлась по участку коридора. Она нашла ещё несколько штук. Конечно, их могли потерять в незапамятные времена, мало ли кто и сколько раз пользовался этим ходом. Однако, то чувство, что не раз спасало луанийке жизнь, сейчас говорило, что эти бусины здесь совсем недавно. К тому же на них не успела толком осесть местная грязь и пыль.

Выход был похож на малозаметную пещеру на берегу реки. В лицо Лионзы пахнул сырой ветер. Она поднялась по незаметной тропинке на возвышенность. Сзади неё замок, перед ней зеленоватая ленивая река, заросшая ряской, противоположный холмистый берег, покрытый редким лесом, и монастырь, в котором обитали Тихие Братья, что были с давних пор под покровительством баронов Ней.

Лионза не раз бывала в монастыре, что-то дарила своим подопечным, общалась с настоятелем. Говорят, некоторые бароны до неё даже пытались лезть в его внутренние дела, устанавливать свои порядки. Но суккубу было плевать на это.

Пусть живут, как хотят, пока не мешают другим. Но теперь у неё был разговор к настоятелю, и он обещал быть простым.

Тихие Братья назывались так потому, что верили в то, что жизнь — это переплетение множества снов и потому разговаривали исключительно шепотом, чтобы случайно не разбудить кого-либо раньше времени. Многие и вовсе давали обет молчания, сохраняя его долгие годы. Когда Лионза вошла в келью настоятеля, он сидел, не шевелясь, глядя на пол. Суккуб на мгновение даже подумала, что он мертв. Однако его руки продолжали перебирать четки. С такими же круглыми янтарными бусинами, что лежали сейчас в кошельке Лионзы. Она вынула парочку и показала настоятелю.

— Не знаете, чи они могут быть? — спросила она шепотом. Гостям было не обязательно понижать голос, но сами толстые стены, низкие темные кельи не вязались с чем-то громким. Настоятель долго молчал и Лионза уже начала думать, что он заснул. Однако настоятель еле слышно прошелестел в ответ:

— Наши...

— Откуда вы можете это знать?

— Размер...

— У вас четки определенного размера?

— С вишневую косточку...

— Кто из братьев их мог потерять?

— Брат Олух...

— Почему именно он?

— Суетится...

— В смысле, он... не столь ещё проникся вашим учением?

- Не верит...
- Но почему вы тогда его приняли?
- Никто поначалу не верит...
- А где он? С ним можно поговорить?
- Нет...
- Почему?
- Ушёл...
- Как это ушел? Куда?

Тут Лионза не выдержала, последняя её фраза была в полный голос. Ей показалось, что старые камни в гневе задрожали от такой дерзости.

- В лес...
- Зачем?
- Убежать от своего кошмара...
- А что у него за кошмар?
- Это ведомо только Близнецам...
- Кем он был до того, как пришел сюда?
- Пас овец...
- Он из местных?
- Деревня к юго-востоку...
- Как его звали раньше?
- Мы не спрашиваем...

Лионза молча поклонилась настоятельно и незаметно утерла пот со лба. Этот разговор отнял у неё слишком много сил. Надо завернуть по пути к жене кузнеца, Сване и немного восстановиться. Кстати, может, она что-то знает о нём?

Суккубы имеют как мужские половые органы, так и женские. Причем мужские они могут отрастить любого размера и формы. И даже не в единственном экземпляре. Но с женой кузнеца Сваной, единственной её любовницей в баронских владениях, Лионза предпочитала быть женщиной. Вот и сейчас она жадно схватила её, зажала в углу хлева, впиалась в губы страстным поцелуем.

— Ух, госпожа... Вы прям напугали... — вымолвила Свана, однако её томные глаза горели радостью. Она, несмотря на то, что её муж не ленился и почти каждый день трахал как следует, все же скучала по необычным ласкам краснокожей баронессы. После своей первой беременности девушка стала немного полнее, чем, когда впервые встретилась с Лионзой, однако она оттого казалась ещё более аппетитной. Какая у неё большая грудь. Суккуб зашла сзади, стала массировать соски Сваны сквозь одежду. Та откинула голову назад, горячо застонала Лионзе в ухо.

— Как я люблю... когда вы так делаете...

Лионза в ответ впиалась поцелуем в её шею.

— Ох... след останется... Берт... будет спрашивать...

— Скажешь... что это был вампир...

Рука Лионзы задрала платье Сваны скользнула к её заросшей волосами розовой раковине. Вторая рука продолжала массировать её массивную грудь.

— Слушай... — прошептала Лионза, — ты знаешь одного пастуха из Татунтенна? Он ушел в монахи...

Красный палец луанийки нащупал клитор девушки, его кончик начал делать ласковые круговые движения. Свана на вопрос Лионзы лишь жарко застонала. Но Лионзе и не нужно было

отвечать вслух. Она мгновенно прочла те образы, что всплыли в голове её любовницы. Лионза перед своим мысленным взором увидела большого неуклюжего парня, с такой же кучерявой шевелюрой, как у Мод. У него были красивые женские глаза и довольно нежные черты лица для столь крупной комплекции. Однако, в деревне все над ним смеялись, считали блаженным. Но только не его двоюродная сестра Мод. Когда он играл на тростниковой дудочке, она часто приходила его послушать. Свана не раз видела эту картину. Играющий на дудочке Фаль (так его звали) и Мод, что лежит перед ним на животе, болтая босыми ногами и подперев голову ладонями. Но если бы игрой на дудочке все ограничилось, дело дальше простых насмешек бы не пошло. Люди говорили, а Свана один раз видела сама, иную картину. Тростниковая дудочка лежала в стороне, Мод, все так же лежа на животе и согнув ноги в коленях, сама играла на другой дудочке, что была между ног Фаля. Она то скользила по ней вдоль, кончиком языка, то запускала себе за щеку, то заглатывала почти целиком. Фаль, растрепанный, с закрытыми глазами опирался о дерево и гладил кучерявые волосы Мод, что-то беззвучно шепча. Пикантности этому воспоминанию добавляло то, что Свана в момент, когда наблюдала за пастухом и его кузиной, тоже была не одна. Она стояла на коленях за кустами, и в этот момент её яростно долбил сзади, любовник из благородных, сэр Бертран.

— Милая... — шепнул он Сване, — в следующий раз ты мне сделаешь так же!

И тут же излился в неё большой струей семени.

Лионза и Свана возбужденные этим воспоминанием кончили почти одновременно. Лионза не вынимала из неё палец, пока чувствовала, как содрогается лоно крестьянки. Свану трясло долго, она закрыла глаза, и обессиленная опустилась на соломенный пол. Секс с суккубом отнимает у людей много сил. Потому Лионза очень редко навещала её, и каждый раз видя её в такой усталости, чувствовала вину.

— Как хорошо, госпожа... — сказала Свана с трудом встав и отряхивая платье.

Лионза нежно провела ладонью по её щеке.

— Спасибо тебе, Свана, — прошептала она.

Девушка в ответ неловко чмокнула её в красную ладонь.

Согласно воспоминаниям Сваны, про эти игры вскоре узнали в деревне. Фаля однажды подстерегли местные парни и сильно избили. Однако, это не помогло, эти двое тянулись друг к другу, находили любой способ оказаться вместе. Около месяца после этого, казалось, все наладилось. Их больше не видели в объятьях друг друга. Но так было до той поры, пока одноглазая Свинта не заблудилась, собирая грибы, и не наткнулась на руины старого храма. В руинах она и увидела своим единственным глазом двоих голубков, что сношались прямо на древнем алтаре. Терпение их родни после этого лопнуло. Фаля чуть ли не связанного по рукам и ногам доставили к дверям монастыря Тихих Братьев. И те его приняли. Снова стало тихо, хоть и Мод заметно осунулась, побледнела, ходила с красными заплаканными глазами. Но тут появилась старая Грен, которая и предложила Мод занять её место в замке, если конечно, это одобрит баронесса.

Дальше ход событий был ясен Лионзе. Мод узнала о тайном ходе, нашла способ передать весточку в монастырь, и эти двое устроили свидание прямо в склепе. Все стало на свои места. Кроме одного. Зачем было Фалю убивать ту, кого он любил больше жизни?

Но этот вопрос она собиралась задать беглому монаху, тем более она теперь знала, где его искать.

Подъезжая к руинам древнего храма, Лионза ещё издали слышала звуки тростниковой дудочки. Значит, она не ошиблась,

Фаль сейчас там. Однако, мелодия эта была странной. Вместо льющейся речки, это были то крики сумасшедшей чайки, то плач иволги. Лионза как можно тише спешила у арки, что некогда была воротами, сняла обувь, чтобы подобраться к бывшему пастуху как можно тише. Но предосторожности оказались лишними: Фаль не шелохнулся, продолжая выводить свои безумные рулады, сидя на алтаре. Когда Лионза появилась перед ним, он продолжал играть. Его глаза были пусты, словно две янтарные бусинки. Его шикарные курчавые волосы сбились колтунами, в них торчали листья и ветви деревьев, серая ряса из мешковины тоже была изодрана. Что же с тобой произошло, Фаль?

— Эй! — сказала Лионза. — Ты пойдешь со мной!

Фаль немного вздрогнул, его флейта издала странное мяуканье.

— Давай, я хочу попасть в замок до обеда.

При упоминании замка, Фаль задрожал всем телом. Он уронил дудочку, по его щекам потекли крупные слезы.

— Не пойду... — сказал он, глядя сквозь Лионзу, — не пойду...

— Пойдешь, куда ты денешься.

— Нет, не надо... не надо... там...

— Что там, Фаль?

При упоминании имени, его взгляд неожиданно стал осмысленным.

— Там тень. Страшная тень... Я её боюсь.

— Это девушка?

— Нет! Это господин! Господин в черном! Он напал на неё... унес... господин в черном...

— Какой господин в черном?

— Он кошмар... мой кошмар... он ходит за мной... я хочу проснуться... просто проснуться...

— Пойдем, тебе надо отдохнуть.

— Нет! Мне нельзя спать! Он заберет... он тогда снова заберет!

Лионза протянула руку к лицу безумца. Он резко дернулся, неожиданно вскочил.

— Я не дам ему забрать! Не дам!

Лионза не успела ничего сделать, когда Фаль резко ударил в висок. Суккуб от удара упала на колени. В голове звенело, будто в Дармунде на эльфийский праздник. Она вскочила, но было поздно. Фаль уже скрылся за густыми деревьями. Тьма его разбери... Надо было хотя бы вооружиться. Лионза упрекнула себя за излишнюю самонадеянность. Она сделала несколько шагов, её шатало от удара. Блуждающий взгляд луанийки неожиданно сфокусировался на древнем алтаре. Обтесанный камень квадратной формы, почерневший от времени. Или не почерневший... Лионза потрогала рукой холодную поверхность. Звездный камень. Черный звездный камень. Его использовали лишь те, кто поклонялся в давние времена Бертегизелу, демону и повелителю мертвых. И на его гранях ещё можно рассмотреть нанесённые изображения. Ухмыляющееся черепа. Ядовитые змеи. Совсем такие же, как на гробнице, где нашли Мод! Что там говорил Гримберт? Двадцать третий барон Ней? Надо срочно возвращаться в замок.

Лионза с трудом влезла на Зальца, оседлав его в этот раз помужски, и ударила голыми пятками по крупу. Давай, милый, гони!

Пиршественная зала замка была украшена большим камином, а вдоль её стен висели искусно сделанные портреты всех баронов Ней, кроме Лионзы. Вот, скептически сощулив правый глаз,

смотрит на суккуба, её предшественник, что сейчас сидит в королевской темнице. Вот его отец, с седой бородой, больше похожей на львиную гриву. Вот его лысый дед со шрамом на лбу. Так, где же двадцать третий барон? Она, вообще, какая по счету? Гримберт вроде говорил, но она всегда считала эти знания излишне обременительными.

— Приветствую! — сказал низкий мужской голос за её спиной. Лионза вздрогнула и обернулась.

В другом конце залы стоял молодой человек в черной одежде и с длинными темными волосами. Лицо его было бледно, глаза горели, словно развешанные на стенах факелы.

— Полагаю, Вы ищете мой портрет? Его тут нет. Его сняли и сожгли через несколько дней после... хм... того как был вынужден покинуть эти места...

— Вигмар... — только смогла выговорить Лионза, рука её потянулась к шее, где должен был висеть её серебряный амулет рыцаря-драконьера. Но его не было, он лежал в шкатулке, в её спальне. Замок Ней место её отдыха, потому она всегда убирала атрибуты её приключений подальше. Даже Раксен сейчас лежит на кровати в виде шкуры. И будет в таком состоянии до следующего её похода. При ней был кинжал. Но что он мог сделать призраку?

— Рад, что Вы меня знаете... простите, не знаю, как к Вам обращаться. Несмотря на Вашу необычную внешность, очевидно Вы принадлежите благородному сословию...

— Зачем ты убил девушку, Вигмар?

— Ту простолюдинку? На мгновение показалось, что она похожа... впрочем, не важно. Нам ли благородным плакать о каких-то подлых существах...

— Один из этих... подлых... помог тебе вернуться.

— Да, милое совпадение... всегда недооценивал силу, что выделяется при соитии. Они получили нужную силу, когда занялись этим на алтаре. И потом повторили обряд рядом с моим надгробием.

— Но как ты это подстроил?

— Не поверите. Никак не подстраивал. Их направляла, словно, сама судьба. Всего-то и нужно оказалось, что парочка крестьян, которые сношаются, как кролики в самых неподходящих местах...

— Ну, если не считать того, что ты сведущ в некромантии и оставил магические знаки на своем надгробии.

— Верно, без этого ничего бы не вышло. Иначе они бы разбудили всех моих предков и потомков. Вот была бы потеха!

— Но каков был твой настоящий план?

Вигмар устало махнул рукой.

— Я оставил под алтарем тщательные инструкции по моему воскрешению. Но ни один идиот не додумался туда заглянуть... Я почти разочаровался в людях, если бы не эта парочка.

— Но ты надеялся вернуться в более материальном виде...

— Это так... но уж что есть...

— Так вот зачем тебе понадобилась Мод... ты хотел...

— Да, вселиться в неё, моя дорогая. Прости за фамильярность, но ты так и не назвалась. Но она оказалась такой слабой... что возьмешь с этих подлых...

Лионза в ходе диалога медленно отступала к двери, но призрак в мгновение ока очутился возле неё. Она с содроганием почувствовала ледяное касание на щеке.

— Ты мне нравишься гораздо больше... — сказал он тихим шепотом, — ты наверняка сможешь меня принять... Я чувствую в тебе силу, много силы.

Лионзу передернуло от отвращения. Заниматься этим с призраком? Нет, она не настолько искушена в сексе.

— Всегда было интересно... — продолжал Вигмар, глядя её ледяной рукой, — каково это. Оказаться в теле женщины. Это будет весьма интересный опыт.

Лионза с ужасом почувствовала, как он трогает соски сквозь одежду. Как её учили в Драконьем Бастионе, призраки бывают фантомами, а бывают на стыке миров, когда они достаточно материальны для воздействия на живых, но недостаточно, чтобы стены служили им преградой. Видимо, Вигмар был в этой стадии. Ему даже не нужно было её раздевать. Призрачные руки легко проходили сквозь одежду, касаясь её тела. И при желании он мог засунуть её настолько глубоко, что схватить её сердце. От этой мысли оно забилось ещё сильнее, соски напряглись, но не от возбуждения, а холода. Что там ещё говорили в Бастионе о призраках? Как давно это было. Много выветрилось из головы. Лионза вздрогнула, ощутив на шее холодный поцелуй.

— Ну что ты, — почти ласково шепнул Вигмар, — тебе понравится, обещаю.

Лионза на мгновение увидела перед глазами старую Гилоту, ту самую, что потом объявили святой. Она учила её и других драконьеров, там в Бастионе.

— Не бойтесь призраков, — говорила она, шамкая беззубым ртом, — это лишь энергия. Жизненная сила, которая рассеялась не до конца или сгустилась из-за черной магии. Они страшные, но это просто сгусток жизненной силы...

Сгусток жизненной силы. То, что Лионза каждый раз берет от тех, с кем занимается любовью. Неужели, ей достаточно просто быть собой? Но тогда... тогда ей придется нарушить один из своих обетов. Тот, самый важный...

Вигмар тем временем уже скользил руками по спине, касаясь ягодиц.

— Я хочу взять тебя стоя, — шепнул он, — я так любил это тогда, до моего отбытия. Заниматься этим стоя. Я держу на весу мою дорогую Колетту. Она дергается на мне, нежно вскрикивает. Как хорошо. Я обязательно верну её, когда завладею твоим прекрасным телом. Мы будем заниматься этим, как две шлюхи в борделе Дармунда. Хотя, нет. Я вселю её в мужское тело. И она будет меня брать стоя. Прямо тут, посреди этой залы.

Ну уж нет. В конце концов Лионза давала свой обет в отношении живых. А он мертв, так что...

— Это так возбуждает, — ответила она, преодолевая свое отвращение от его ледяных касаний, — что же ты медлишь, жеребец?

Она почувствовала, как он подхватил её за ягодицы и легко приподнял над землей.

— Хочешь, мы поднимемся к потолку, милая? — спросил он, похотливо лизнув её в глаз. Длинный призрачный язык прошел сквозь глазницу куда-то далеко вглубь. Лионза едва не разрыдалась от ужаса.

— Пожалуй не надо... Ты же сам говорил, что хочешь, как раньше.

— Верно! Скажи, как тебя зовут? Как-то невежливо трахаться с кем-то, кого даже по имени не знаешь...

— У девушки ты имя не спрашивал.

— Этот монах, когда разложил её на полу, только и твердил все время: «Мод, моя Мод, я так скучал». Какое дурацкое простолудинское имя. Ладно, хватит уже медлить.

Лионза вздрогнула, когда что-то холодное и длинное проникло в её лоно. Никогда она не испытывала такого отвращения от

секса. Разве что, в её первый раз, когда она ещё не была суккубом. По старой луанийской традиции, она в особый праздник насадилась на каменный фаллос в храме. Это было ужасно. Лионза думала, что забыла то чувство, но нет, оно сейчас вернулось, в момент, когда её трахал призрак барона. Но ему все нравилось. Интересно, что чувствуют призраки в такие моменты? Какое-то подобие удовольствия? Или наоборот, их чувства острее, потому что они не ограничены условностями тела? Вигмар реагировал так, словно никогда не умирал. Он прикрывал глаза от удовольствия, с силой сжимал её ягодицы. Холодное нечто, что служило ему фаллосом, достигало такой глубины, что Лионза всерьез опасалась, что выходит за пределы её внутренних стенок. Как бы он не зацепил... Об этом даже думать страшно.

— Какая горячая шлюшка мне попалась, — шептал барон, — скажи мне... скажи... тебе ведь нравится? Не молчи, скажи...

— Не нравится, — ответила Лионза, дергая босыми ногами в воздухе. Она могла бы и соврать, но это было столь плохо, что правда сама сорвалась с её губ.

— Умм... тем лучше... Мод тоже не нравилось. Ничего. Это возбуждает даже сильнее. Никто из вас... никто и ногтя не стоит моей прекрасной Колетты. Так что... сейчас я ей можно сказать и не изменяю.

Он неожиданно вытащил свою сосульку из Лионзы. Она на мгновение почувствовала облегчение. Но Вигмар достал свой фаллос лишь затем, чтобы засунуть его в зад суккубу.

— А вот так? Нравится? Кричи! Шлюхи не должны получать удовольствия! Они должны страдать!

И Лионза закричала, потому что к холоду примешивалась боль. Страшная боль. А призрак был неумолим. Он яростно терзал её зад, с силой насаживая на себя.

— Чувствуешь мою силу? — он был бледен и почти просвечивал, — сейчас я кончу и овладею тобой окончательно.

Говори, как тебя зовут! Все равно я это узнаю через несколько мгновений.

Лионза выдохнула, чтобы успокоиться. Теперь он никуда не сбежит.

— Меня зовут Лионза Луане. В те времена, когда ты был жив, я училась в Драконьем Бастионе. Но уже тогда обо мне говорил весь Цвиллиг. Странно, что ты не узнал меня, Вигмар. Про меня один сумасшедший ученый даже написал целый трактат с картинками.

— Лионза Луане... суккуб? Нет!

— Да, дорогой. И сейчас я сделаю с тобой, что обычно делают суккубы со своими жертвами. Давай... кончай... я тоже кончу... И знаешь, что ещё? Твой род угас! И я теперь баронесса Ней!

— Нееет!

Вигмар дернулся, словно испытал сильную боль, но было поздно. Лионза мысленно сняла барьер, тот самый что мешал ей поглощать смертных. Сейчас она была как раньше, демоницей, воплощением зла. Можно было только ослабить призрака и потом сбежать за амулетом. Но он тогда бы скрылся, затаился, вновь ожидая своего часа. Нет, Лионза этого не допустит. Она почувствовала облегчение, даже боль в заднем проходе почти ушла. Она чувствовала, как уходит его жизнь, как бежит его энергия, живительным огнем, растворяясь в каждой клеточке её тела. Это было невероятное удовольствие, которого она лишала себя все эти годы, когда встала на путь Света. Это не могло сравниться ни с одним оргазмом, что она испытывала. Поглощение было не просто взрывом наслаждения, это было так, словно она в мгновение оказывалась в другом мире, где каждую точку её тела ласкали миллионы ласковых перышек, покалывали тысячи иголок. Она закричала так, что замок Ней зашатался, в монастыре Тихих Братьев посыпалась штукатурка, в лесу рухнули колонны древнего темного храма. А потом она шлепнулась на пол. Призрака больше не было. А её боли как не

бывало. Только кайф, которого никогда не испытаешь от простого секса. Её крики переполошили замок, в залу ворвался испуганный капитан с обнаженным мечом. Но опасности больше не было. Лионза встала и с трудом подавила довольную улыбку. После испытанного удовольствия, в её груди стало расти чувство тревоги. Её пугало то, что по прошествии стольких лет, ей по-прежнему нравится то, что составляет главную суть любого суккуба. Поглощать чужую жизнь. А что если однажды она перестанет себя контролировать? Вновь станет убийцей?

Капитан испуганно смотрел на неё и ничего не понимал. Лионза благодарно кивнула ему и что-то сказала, с трудом слыша собственный голос. Ей надо было подняться в спальню и все обдумать. Интересно, несчастный Фаль так и бежит по лесу, прячась от теней? Что его кошмары по сравнению с теми, что сейчас в её душе? Пожалуй, стоит выпить кубок вина. Отпраздновать то ли победу, то ли страшное поражение.

То, что внутри

Суккубы почти совершенны. Они сильны, неутомимы в любви, неспособны забеременеть и, конечно, не страдают от заболеваний, которые обычно передаются половым путем. Даже если суккуба ранить, то достаточно хорошего секса, чтобы раны затянулись, всякая болезнь ушла. Потому Лионза была несколько удивлена тем, что второй день чувствует тошноту и головокружение. Впрочем, не так давно она излечила от вампиризма дюкессу Элеонору, дочь графа Ост-Флюгеля. Все прошло неплохо, однако Элеонора в конце умудрилась её укусить. Лионзу и до того кусали вампиры. Это было больно, но обычно не вело к каким-то неприятным последствиям. Когда ты суккуб, вампиром тебе точно уже не стать. Суккубы и вампиры две абсолютные противоположности, в одних слишком много жизни, в других слишком много смерти. И никогда им не сойтись вместе.

Но это уже было не смешно. Укушенная шея не просто саднила, она горела негасимым пламенем. Лионза постоянно чувствовала тошноту. Особенно неприятно вышло в трактире. Стоило ей отхлебнуть кислого эля, как содержимое её желудка изверглось на стол. Лионза смутно помнила, как её подхватила за руки испуганная трактирная служанка, как она вышла на улицу подышать свежим воздухом и все. Дальше темнота.

Она шла по затхлому темному коридору. Её окружали темнота и смерть. Смерть в каждом склепе. Она была в замке Ней, родовой усыпальнице баронов. От стен раскатами отражался знакомый низкий голос:

— Беги, Лионза, беги!

— Вигмар?

— Они знают о твоём маленьком секрете, дорогая!

— Кто они?

— Беги, шлюха! Нет времени на тупые вопросы!

Вигмар неожиданно захрипел и его сменил женский голос:

— Отдай то, что внутри! Внутри!

Лионза побежала прочь от этого жуткого голоса, но споткнулась и упала.

— Внутри! Внутри!

Лионза с ужасом увидела, как её ноги раздвинулись, луч света разрезал ночную темноту. Не может быть! Как им это...

Свет шел из её вагины и был все ярче и ярче. Так ярко, что у Лионзы выступили слёзы. Это было странное ощущение. Тягучее, неприятное, в то же время волнующее. Стенки её раковины раскрылись, луч ударил в потолок ярким световым столбом. Внутри Лионзы запульсировало так горячо, словно в неё сейчас изливался большой толстый член. Свет стал таким ярким, что у суккуба померкло в глазах.

Лионза открыла глаза. Темно. Где-то тягуче и упруго капает вода. Затхло и сыро. Неужели она и правда в склепе собственного замка? Нет. Глаза постепенно привыкли к полутьме. Лионза была в подземелье, но оно ей было не знакомо. С потолка свисали жуткого вида крюки, стояло странное устройство в виде колеса. Сама Лионза была закована в колодки, вроде тех, в которые заковывают в Цивилизованных королевствах преступников на городской площади. В прорезях колодок надежно зафиксированы её руки и голова. Стоять при этом приходилось в согнутом положении. И ещё Лионза была абсолютно голой. И ввиду того, что она была в пыточной, это её не возбуждало. К тому же укус на шее продолжал болеть, а

комната вокруг суккуба плыла кругами. Так сложно сосредоточиться. К тому же в ушах продолжал звучать тот женский голос:

— Внутри! Внутри!

Откуда они узнали? Как? Этот секрет она носила долго. И он был неизвестен даже Раксену. Или Учителю. Никому. Никому в этом мире. Откуда же тогда...

Стон, в темноте перед ней что-то зашевелилось. Лионза была не одна в подземелье. Прямо перед ней лежал прикованный к столу мужчина. Руки его были заведены вниз, ноги согнуты и зафиксированы цепями. Во рту кляп, в плену был так же его член, перехваченный особым кожаным биндажом. Лионза видела подобные в борделях Кра-Акена. Ладно, то город свободной любви, где оргии не прекращаются днем и ночью. Но тут?

Мужчина был не один. По правую и левую руку от него было еще двое мужчин, точно так же прикованные к столам и так же плененные биндажами. Кроме них Лионза видела вдоль стен чьи-то силуэты, какие-то фигуры бессильно лежали, облокотившись о стены и не шевелились. Может, они мертвы?

Но времени гадать не осталось. Лионза почувствовала ледяной пронизывающий сквозняк. Её красная кожа покрылась мурашками, на лбу выступил холодный пот. Что-то похожее она ощущала от контакта с призраком Вигмара. Суккуб вздрогнула. За свою жизнь она постоянно сталкивалась с нечистью, самой жуткой и кровожадной. Но сейчас, обнаженная и беззащитная, она испугалась. К ней, не касаясь пола, плыла небольшого роста девушка в камизе, покрытой пятнами крови. Какие-то совсем свежие, какие-то уже коричневые и черные. Несмотря на темноту, девушка словно слегка светилась, серебрилась подобно луне. Темные длинные волосы, что давно не знали хорошего гребня, падали на грудь, скрывая лицо. Руки и ноги обнажены. Бледная кожа, сквозь которую проглядывают черные вены. Она была похожа на девочку, которой овладел злой дух, если бы не

ногти. И на руках, и на ногах длинные и ярко-алые. Вампирша! И Лионза была почти уверена, что знает её имя.

— Кармила? — спросила суккуб, с трудом ворочая языком.

— О, мне даже не нужно представляться, — сказала девушка из-под маски спутанных волос. Суккуб вздрогнула. Тот самый голос, что говорил: «Отдай то, что внутри».

Лионза никогда не встречала Кармиллу. Но по долгу службы была наслышана о ней. Она была всюду, и каждый раз ей удавалось уходить от драконьеров. То в Цвиллиге, то Илатти, то Изумрудной Долине, она неустанно обращала гуманоидов в вампиров, создавала целые сети и подпольные ложи. Как-то ей удалось обратить почти полностью династию Светлого Альда Таррина. И в итоге, чтобы победить вампиров, всем королевствам, что поклоняются Близнецам, пришлось воевать с отпавшей страной несколько лет, превратив некогда цветущий край в мертвую зловещую пустошь.

А сколько драконьеров она погубила? Наверно таким количеством даже не мог похвастать сам Бертегизел, который чуть не возродился несколько лет назад. И что обидно, никто не мог её точно описать. Каждый раз Кармила представала разной: то невероятно красивой благородной дамой, то дряхлой нищей старухой, то скромной монашкой. Но была одна общая черта — яркие алые губы и такого же цвета ногти на руках и ногах. В этом сходились все очевидцы. Но не проверять же всех подозрительных женщин, в конце-то концов?

И вот теперь она перед ней. В обличье совсем юной особы, даже моложе своей последней жертвы, дюкессы Элеоноры. Кстати...

Острый красный ноготь вампирши коснулся щеки суккуба.

— Твоя кровь вкусно пахнет... — сказала Кармила, отбросив волосы с лица. У Лионзы вновь что-то сжалось внутри. Лицо Кармиллы было красиво, даже чересчур. Округлые линии, приятные плавные черты, благородная бледность. Но было при этом что-то не так. Во всех этих прекрасных чертах было что-то

неуловимо нечеловеческое. Кукольное. Словно её лицо было просто искусной маской, а под ней нечто такое, что способно свести с ума от одного своего вида. И глаза, которые слегка светились красным, и ярко-красные губы словно подтверждали это.

Кармила прижалась холодной щекой к красной ладони Лионзы.

— Какая ты славная... Нежная кожа... теплая кровь. Знаешь, мы Дети Ночи, очень любим тепло. Особенно тепло чужой жизни. Нам так холодно по ночам. Ваша кровь... единственное что греет нас.

Один из узников снова застонал и пошевелился, гремя цепями.

— Тише... брат Адальберт, тише... твоё время ещё придёт...

Что? Брат Адальберт? Словно читая мысли Лионзы, Кармила усмехнулась:

— Да, обращение Элеоноры было неплохим планом. Чтобы заманить тебя сюда. Мне и самой не верилось, что все окажется так просто...

Брат Адальберт что-то возмущенно замычал сквозь кляп.

— Да, я помню наш уговор. Как только я получу то, что нужно от суккуба, я обращу тебя, нетерпеливый смертный. Если конечно ты это переживешь...

Адальберт от последней фразы вздрогнул и притих.

— Ну что, Лионза? Ты готова отдать то, что ты прячешь многие годы от нас...

— О чем ты?

— О, ты такая самонадеянная. Думаешь, что только ты читаешь чужие мысли, когда совокупляешься с другими? А что если... кто-то другой смог прочесть твои? И сообщить об этом нам? Как думаешь, милая?

Кармила снова провела ногтем по щеке Лионзы, оставляя тонкую саднящую царапину. Не может быть... Как? Кто? Лионза была уверена, что только суккубы на такое способны.

— Впрочем, это не так важно. Сейчас важна кровь. Твоя кровь!

Кармила улыбнулась жуткой улыбкой монстра. Ярко-алые губы обнажили два белых острых клыка. Они вонзились в запястье Лионзы. В рот вампирши брызнула горячая пульсирующая кровь. Казалось, эта тянущая боль длилась целую вечность. Но в самом деле прошло не так много времени. Кармила лишь наполнила рот кровью суккуба и отлетела немного в сторону. Все это время она продолжала парить в воздухе, словно жуткий призрак. Она взмахнула рукой и нечто лежащее у стены взлетело и оказалось в её руке. Что это? Кукла? И те, что сидят вдоль стен тоже куклы? Кармила жутко улыбнулась и поцеловала куклу в губы, оставив на её лице кровавый след. К ужасу Лионзы, ногти на руках Кармиллы вспыхнули ярким пламенем, а кукла зашевелилась. Она соскочила с рук вампирши на пол и заковыляла к Лионзе. Тем временем, Кармила наградила кровавым поцелуем ещё одну куклу. Она тоже устремила к прикованному суккубу. Лионза хотела выпрыгнуть из своей кожи и бежать прочь, когда почувствовала, как мешковина из которой сделана кукла, касается её ноги. Маленькая тварь взбиралась по её ноге, шурша и что-то бормоча. Вторая уже устремила к второй ноге луанийки.

Кармила оживила еще несколько небольших кукол, последний поцелуй она подарила статуе массивного сатира, что живут в горах южного Илатти. Статуя хрустнула шеей, словно решивший размяться боец, и тоже пошла к Лионзе, медленно передвигая каменные копыта.

— Видишь? — сказала Кармила, улыбаясь кровавой улыбкой, — мы умеем не только забирать жизнь. Но и давать её.

Лионза в ответ вскрикнула, первая кукла пронзила её сосок иголкой насквозь.

— Ты же любишь все эти игры, не так ли, суккуб? — спросила Кармила, — и даже пользуешься этим, чтобы забрать энергию своих врагов, обессилить их.

Вампириша подлетела к мужчине, что лежал прикованный напротив Лионзы и провела ногтем по его обнаженной груди.

— И я тут подумала... — продолжила Кармила, — а что будет, если заставить тебя трахаться с чем-то, что не имеет души. С чем-то, что нельзя утомить, ослабить... победить всеми этими твоими чарами. Тогда перед нами не могущественный суккуб, а просто напуганная сучка, которую насилюют ожившие куклы. Не так ли? Впрочем, можешь не отвечать. Твой рот сейчас будет... немного занят.

Одна из кукол переползла через колодки и оказалась у самого лица Лионзы. Какой-то длинный овощ, то ли кабачок, то ли огурец, что держала кукла, резко раздвинул её губы, ворвался в рот. Лионза закашлялась, её душила тошнота. Но похоже, там в трактире, она выблевала все, что можно. В то время ещё одна кукла со свистом опустила на её спину плеть. Третья пронзила второй сосок и соединила их между собой цепью. Четвертая, сидя на её спине, стала засовывать в зад морковь. Но страшнее всех была статуя сатира. Она подошла медленно сзади, схватила Лионзу за ягодицы и резко насадила на огромный каменный член.

Собственно, эти статуи всегда делали с членами немыслимого размера. Лионзе доводилось отсасывать настоящему сатиру, и она точно знала, у них и вполтину таких огромных нет. Но тамошний культ плодородия определял моду на сверхразмеры. Как же это больно! Он сейчас разорвет изнутри! Суккуб издала страшный мычащий звук, когда в её вагину ворвалась каменная дубина. Страшнее было то, что член каменного сатира еще и вращался вокруг своей оси, словно бур, которым сверлят дыры в стенах.

Удар плетью, бурящая фрикция, цепь, что больно тянет соски, морковь в заднице, нечто длинное во рту. Такой муки она не испытывала даже когда трахалась с призраком.

— Тебе нравится? — спросила Кармила, — и не надейся. Они не устанут делать тебе больно. Никогда. Так будет продолжаться пока, ты не ослабнешь. И то, что скрыто в тебе не выйдет наружу...

— Нет!

Лионза так сжала зубы, что раскусила поганый горький овощ в своем рту. Лионза содрогнулась от спазма и её снова вывернуло. От напора кукла не удержалась и шлепнулась на пол, смешно шевеля ножками и что-то возмущенно бормоча. Но прочие мучения это не могло остановить.

Вращающийся член достигал такой глубины, куда не мог залезть даже огр. Удары плетью стали злее и резче. Теперь они оставляли на спине не просто синяки, но и кровавые раны. Лионза чувствовала, как её теплая кровь стекает вниз. Что самое ужасное, Лионза привыкла во время соития читать чужие мысли, заполнять себя чужими воспоминаниями, эмоциями, горем и радостью. Сейчас этого не было, только противное чувство, словно её облепил ком шевелящихся насекомых.

Кармила тем временем села на лицо прикованного мужчины. Это было странно. Насколько Лионза знала вампиров, секс им был глубоко неинтересен. Даже такой, в форме муки и принуждения.

— Пойми, — сказал Кармила, ритмично ерзая костлявым задом на лице пленника, — нам эта вещь пригодится гораздо больше. Ну что ты с ней делаешь? Просто прячешь от мира? Мы, Великий Ковен, найдем ей гораздо лучшее применение.

Член мужчины от манипуляций Кармиллы стал твердеть и увеличиваться. Он качался в стороны, словно маятник, чья амплитуда по мере роста становилась все меньше и меньше. Бандаж уже натянулся, словно поводья, что удерживают

могучего жеребца. Лионза даже почувствовала смутное желание. В отличие от того каменного, которым сейчас нещадно долбили её, этот был живой и настоящий. Она бы не оказалась им поиграть. Эти мысли немного отвлекли её от того, что с ней вытворяли ожившие куклы. Даже стало немного приятно. От Кармиллы явно не ускользнуло возбуждение суккуба. Она снова улыбнулась и сказала:

— Знаешь, почему я так делаю?

Вампирша довольно обнажила клыки, продолжая ерзать. Она буквально вколачивала задом голову несчастного в стол.

— Там, в мужском фаллосе собирается самая вкусная кровь! Все лучшее из тела стекается туда, чтобы дать новую жизнь. Обожаю!

Кармилла нагнулась над членом в бандаже, который превратился в изнывающую от желания, опухшую красную палицу и впилась в него клыками. Мужчина под её задом издал булькающий звук, задергал ногами. Но было поздно. Кармилла присосалась к его члену и совсем не так, как привыкла это делать Лионза. Она жадно пила кровь, вся дрожа от наслаждения и жадности. Пленник дернулся еще несколько раз и затих.

Кармилла подняла лицо, все измазанное кровью и гортанно засмеялась. Как ни странно, в этом жутком смехе было впервые за все время что-то живое. Словно на мгновение чужая жизнь, покинувшая тело оживила и это тело мертвеца.

— Как там у тебя дела, суккуб?

Лионза молча плакала. Каменный сатир продолжал её яростно натягивать на себя, одной рукой он держал её за ягодицы, другой схватил ту куклу, что совала ей в анус морковь и стал засовывать туда эту куклу почти целиком. Лионза с ужасом почувствовала, как с каждым ударом о внутренние стенки, что-то горячее сдвигается, опускается все ниже. Нет! Они все-таки добрались до неё!

— Отойди, я не откажу себе в таком удовольствии! — сказала Кармила, облетев Лионзу сзади. Сатир послушно отошел, впрочем, оставив куклу в заднице Лионзы. Кукла противно шевелилась и пыталась выбраться. Суккуб почувствовала, как сзади в неё проникают два пальца с длинными ногтями.

— Так... ещё немного... я его чувствую! — радостно сказала Кармила.

В глубине Лионзы, так сильно разработанной огромным фалоссом, оказалась вся рука вампириши целиком. Впрочем, она не собиралась доставлять боль или удовольствие. Она схватила нечто горячее и резко потащила.

— Вот оно!

Лионза даже развернутая в другую сторону увидела, как яркий свет заполняет подземелье. Как она сама растворяется в нем, становится его частью.

Снова темно. Снова подземелье. В этот раз снова под замком Ней. Она лежит на полу, в той же позе, что её мертвая служанка Мод. А над ней её убийца — призрак барона Вигмара. Он смотрит на лежащую луанийку слегка насмешливо.

— Я кажется уничтожила тебя, — сказала Лионза, — ещё в прошлом месяце. Почему ты до сих пор тут?

Вигмар оскалился, так же гадко, как Кармила.

— Тут, это где, Лионза?

— Тут, это в замке...

— Нет, моя дорогая. Тут, это в тебе. Ты тогда поглотила меня. И теперь я — часть тебя, нравится это нам обоим или нет.

— Но почему? Я же поглощала и раньше. И...

— Ну, я все же посильнее обычного смертного, на мне особое некромантское заклятие, сама понимаешь, это способствует некоторой устойчивости.

— И что теперь?

— Ничего. Я не хочу умирать. Лучше быть частью тебя, чем перестать существовать. А ты умираешь. Ты не послушала меня, не стала бежать. И теперь эта кровососка просто добьет тебя.

— Но что я могу сделать? Мои чары бессильны!

— Твоя глупая магия, да. Но... не только я часть тебя. Подумай...

— Моя голова... она раскалывается на части...

— Подумай... как Кармила оживила всех этих тварей. А?

— Моя... моя кровь...

— Именно. Твоя кровь. Хватит тут валяться. Иди и сражайся, проклятая шлюха!

Подземелье было наполнено нестерпимым светом. Лионзе понадобилось время, пока с глаз сошли слезы. Кармила парила прямо перед ней, сложив лодочкой ладони. Над ладонями висел светящийся шар, такой нестерпимо-яркий, словно второе солнце.

— Вот оно... то, что внутри... внутри... оно моё... только моё.... — заворуженно шептала вампириша.

— Ну уж нет, — прошептала одними губами Лионза.

— Что? Ты ещё жива? Впрочем, это уже не важно. Уже не важно... — Кармила снова отвлеклась на шар, что висел перед ней.

— Куклы! Хватайте её за ноги! — велела Лионза.

— Что?

Кармила в замешательстве задержала ногами, в которые мертвой хваткой вцепились её собственные куклы.

— Что это ещё такое? Я вас создала! Вы должны меня слушать!

— Но в них моя кровь! Они часть меня!

Кармила в панике закружилась на месте, пытаясь сбросить кукол. Светящийся шар плавно поплыл в воздухе в сторону Лионзы.

— Ах вы так, негодницы!

Ногти Кармиллы вспыхнули огнем, куклы замерли и стали сыпаться вниз, словно мертвые клопы.

— Неплохая попытка, Лионза... Но ты все равно проиграла!

Кармила метнулась к суккубу, размахнулась, чтобы разрезать ей горло ударом своих алых ногтей, которые стали похожи на пять длинных кинжалов. Её прекрасное кукольное личико исказилось, стало уродливой мордой летучей мыши.

— Тебе конец! — прорычало чудище.

Свист, удар. Лионза сжалась. Но она была явно цела, а вот Кармила сцепилась с каменным сатиром. Он навалился на неё всей своей мощью, пытаясь засунуть в неё свой вращающийся фаллос. Кукла, что пихала в рот суккубу горький овощ, была еще жива. Ей удалось встать, и она медленно ковыляла к Лионзе.

— Освободи меня! — велела луанийка. — Открой засов на колодке.

Впервые за долгое время Лионза наконец распрямилась. Болела шея, зад, спина. Тьма разбери, Лионза давно не чувствовала себя такой уставшей и разбитой. Кармила вонзила ногти в глаза сатиру. Они вспыхнули и расплавили мрамор, словно это был воск. Она пронзила его голову, словно раскаленными иглами, а

потом резким ударом срубила голову с плеч. Во все стороны брызнули каменные осколки, массивное тело сделало шаг назад, еще один и рухнуло на спину, наполняя подземелье пылью и грохотом.

— Ты время зря не теряла, — сказала она Лионзе, паря под потолком, — но это не имеет значения.

Вампирша протянула руку, приманивая к себе шар. Он послушно полетел к ней.

— Какой же он... теплый... теплее любой крови...

Кармила замороженно коснулась шара. Он моргнул, загудел и вспыхнул ярким светом. Лионза упала лицом вниз, Кармила закричала от страшной боли.

— Нет! Не может быть! Ты... ты не хочешь принять меня! Нет!

Кармила вспыхнула как старая ветошь и осыпалась на землю золой. Неведомая сила подняла Лионзу к потолку, где корчилась от мучения Кармила. Ноги суккуба сами раздвинулись, и она почувствовала между них нестерпимый жар, а потом тепло и спокойствие. Чувство было такое, словно она играет с вульвой, поливая её струей теплой воды. Лионза плавно опустилась на пол, из её вагины бил луч света, но он становился все слабее и слабее, пока в подземелье вновь не стало темно. Лионза прижала руку чуть ниже груди. Все нормально. Оно на месте. Все так, как и должно быть. Все вернулось на круги своя. Или нет. А что если кто-то ещё теперь знает? Может, поэтому вернулась Лиорона? Как много вопросов, а ответов нет...

Надо выбираться отсюда, а то она упадет от усталости прямо на пол. Среди обломков, кукол и трупов. Кстати, один из пленников жив. Лионза развязала кляп.

— Сестра Лионза!

— Брат Адальберт... Где мы?

— В пыточной, под восточным фортам драконьеров, где же ещё? Эта тварь добралась даже сюда. Но Вы... Ваша отвага смогла остановить нечисть. Лионза! Сестра Лионза! Вы куда? Развяжите меня! Немедленно развяжите!

Храм Сокровенных Желаний

— Трррахать! Тррррахать!

— Хать! Хать! Хать! — отражалось от стен древнего храма.

— Заткнись, проклятая птица! — гаркнула ведьма. Ветер раздувал её длинные седые волосы, что выбились из-под капюшона старого плаща. Длинный острый нос был похож на клюв старого ворона, что сидел на её плече. Она стояла посреди огромного, некогда величественного зала, у полуразрушенного алтаря. Столько лет поисков, проб, ошибок. Ещё эти проклятые драконьеры всегда на хвосте. Но теперь это не важно. Скоро она получит своё. Всякий жаждущий всегда получает то, что хочет. Это непреложный закон. И она, Рагенильда Темнорожденная, наконец добилась своего. Пусть на это ушло почти семьдесят лет. Но теперь это не важно.

Она безмолвно застыла перед алтарем. Вернее, колодцем. Да, это было немного странно. Рагенильда ожидала, что увидит нечто величественное, вроде огромного черного алтаря Бертегизела, украшенного оскаленными черепами. Но в Храме Сокровенных Желаний все было иначе. Несмотря на то, что храм был столь огромен, будто построен ограми, алтарь был просто небольшим круглым колодцем, выложенным камнем. Он находился в самом центре залы, на полу которой была выложена карта мира. Колодец находился в самом её центре. Вернее, те кто рисовали эту карту, полагали, что центр мира находится вовсе не в городе Кра-Акен, а здесь, в пустошах Пограничных марок, что лежали между Цивилизованными королевствами и

зверо-княжествами. Для всякого картографа это было бы нелепо, но для Рагенильды это было правдой. Её поиски заканчивались здесь. Это был центр её личного мира.

Ведьма сунула руку в котомку и достала потемневшую серебряную монету. Рука немного дрожала. Может старческое, а может волнение. Немудрено, все что осталось сделать это сказать слова древней молитвы и бросить эту монету в глубину колодца. Вроде бы так просто: сказать слова и бросить монету. Но чего стоило Рагенильде сначала узнать об этом храме, потом узнать слова нужной молитвы. Сложнее всего было с монетой. Какая попало не подходила. На ней должны были быть особые священные символы, сама монета должна была быть отчеканена из оскверненного демоном серебра. Но и это не всё: монете надо было приносить жертвы, обагрять раз за разом её в крови. Чем больше людей будет принесено в жертву, тем более могущественное и масштабное желание способна исполнить монета. Рагенильда всегда была последовательна и старательна. Своей монете она принесла полторы тысячи жертв. Богатых, бедных, людей, эльфов, гномов, даже лесных орков и одного горного дракона. Именно тогда ей заинтересовались эти проклятые рыцари Света. Ей даже пришлось принести одного, самого пронырливого в жертву. Сколько воспоминаний. Она потратила почти всю жизнь, чтобы сейчас этот колодец исполнил её самое заветное желание. Оно того стоило.

— Тррррахать! Трррахать!

— Захлопни клюв!

Рагенильда со злостью взмахнула крючковой палкой, стараясь ударить ворона. Но тот увернулся тяжело махая черными крыльями. Ведьма едва не выронила монету. Конечно, её старый ворон Фиакр всегда говорил одно и то же похабное слово. Это её не смущало, Рагенильда все-таки не монашка, что заливается румянцем от слова «Задница». Просто сейчас его похабное карканье сбивало её торжественный и радостный настрой. Трахать. Все это суета, достижение цели — вот, что дает

истинное наслаждение. В последний раз Рагенильда делала это полвека назад с обдолбанным следопытом. Не самые приятные воспоминания. Рагенильда представила эту сцену живо, словно она произошла с ней только что.

Это было сразу после первой жертвы, совсем юного паренька, что неосмотрительно согласился разделить ужин с одинокой путницей в лесу. Ведьма до сих пор помнила выражение его глаз, когда она вонзила ему кинжал под ребро. Это было искреннее удивление. Он ожидал от своей случайной знакомой чего угодно, только не этого. А зря. Но тогда она плохо умела избавляться от тел. Она просто закидала его сухими ветками и подожгла. Но тело не сгорело, лишь слегка поджумилось. А по её следу пошли опытные эльфы-следопыты, ведь парень оказался внебрачным сыном местного лорда. И один из следопытов настиг её спустя несколько дней на Северо-Западном тракте. Это был очень странный и неприятный тип. От эльфа у него были только длинные остроконечные уши. Все прочее — от пьяного скота. Грязного, заросшего неряшливой бородой, с гнилыми зубами и глазами, блестящими от эльфийской настойки, которая позволяла бодрствовать несколько дней подряд.

— Наконец, я тебя догнал, маленькая дрянь! — сказал он, пахнув на неё смрадом изо рта. Раге выхватила кинжал, но он перехватил руку, вывернул так, что в запястье что-то хрустнуло.

— Ах ты, сучка... — сказал он, продолжая выкручивать ей руку. Он прижимал её к огромному дубу, раздвигая ноги коленом.

— За твою голову назначена щедрая награда, — шептал он ей в самое ухо, — но только за голову... Все остальное лорда мало волнует. Потому меня ждет двойная награда. Я буду тебя трахать... трахать... трахать. Снова и снова, пока не заполню все твои грязные дырки... Как тебе такая мысль, сучка?

Раге пыталась отвернуться, только чтоб не чувствовать этот ужасный запах, но он не давал этого сделать. Вот бы сейчас появился Элиассар и унес её прочь на своих могучих кожистых крыльях... Но чудес не бывает. Следопыт задрал её платье, схватил за ягодицы и грубо овладел ей, прижимая к стволу дерева. Его короткий толстый член напористо таранил её, причиняя даже не боль, а что-то тревожно-неприятное. Это можно было стерпеть, что нельзя сказать о вони изо рта и гнусном бормотании:

— Я буду тебя трахать... трахать... трахать... пока не польется изо всех щелей...

Он видимо очень распалился, Рагенильда с ужасом почувствовала, как его мерзкий отросток становится все горячее и горячее, как он начинает пульсировать, чтобы осквернить её своим липким семенем. Но он неожиданно закричал. И это явно был не крик наслаждения. В его волосы и глаза вцепился Фиакр. Рагенильда не теряла времени. Она схватила выпавший кинжал левой рукой и нанесла удар в сердце. Так уж вышло, что ведьма одинаково хорошо владела обеими руками.

Она обессиленно опустила у остывающего тела. Кровь толчками выходила из раны на груди, короткий член продолжал раскачиваться. Ей на плечо сел Фиакр и закаркал, противно передразнивая интонации мертвеца:

— Тррррахать! Тррррахать!

— Заткнись... — сказала ему Рагенильда и достала монету. Нужно было быстро провести обряд, пока кровь была еще свежей.

Рагенильда подошла к колодцу и заглянула в него. Темнота. Древние верили, что этот колодец не имеет дна, ведет в самые глубины Подземного мира. И те самые желания выполняет тот, кто породил все темное, что есть в мире. Вампиров, демонов,

личей, даже самого Бертегизела. Даже саму Смерть... Она стала произносить нараспев слова давно забытой в этом мире молитвы. Они отражались от стен колодца, напоминая воронье карканье. Фиакр внял её просьбам заткнуться и сейчас не сводил своих черных глаз-бусинок с зажатой в руке ведьмы монеты. Как всякую глупую птицу, его завораживал блеск серебра.

Рагенильда произнесла последнее слово и протянула руку над бездной. Ладонь покрылась холодным потом, в грудь ведьмы словно вонзилась огромная сосулька. Было страшно, но в тоже время так возбуждающе. Ещё мгновение и она воочию увидит его. Элиассара...

Свист. Руку ведьмы обожгла резкая боль. Монета выпала, но только не в колодец, а в сторону от него, покатилась по полу, с задорным металлическим звоном, которому вторило эхо.

Раге тупо посмотрела на свою истекающую кровью руку, металлический обруч с остро заточенной кромкой, который её ранил и потом в ту сторону, откуда он прилетел. В проходе стояла краснокожая молодая женщина с зелеными глазами. На пальце она крутила ещё один обруч. А рядом с ней стоял, скаля зубы и хлестая себя хвостом, леопард. На груди незнакомки блестел серебром самый ненавистный знак, который только был известен Рагенильде — дракон с двумя головами. Драконьеры! Как они её нашли?

— Я все знаю, Рагенильда, — сказала краснокожая, — и не дам тебе этого сделать!

— Что ты можешь знать, драконьер? — усмехнулась ведьма, залечив рану жестом-заклятием. Конечно, это все было неожиданностью, но Раге умела быстро приходить в себя от любого потрясения. Так близко к цели. Интересно, сколько с ней ещё рыцарей? И где монета? А вот она, укатилась в сторону незваной гостьи. Лежит ровно посередине между ними, там, где на полу нарисована Лунная Страна.

— Ты хочешь возродить вампира Элиассара. И я, именем Братства, и силой данной мне Драганом и Драгой, не могу дать тебе этого сделать.

Откуда она это знает? Хотя понятно откуда. Рагенильде вздумалось немного поговорить, прежде чем принести в жертву жирного полугнома-купца. Всегда одна, из собеседников только ворон, который твердит слово «Тррррахать». Так и с ума сойти можно. Когда этот жирдяй, весь трясясь как желе, стал говорить, что его нельзя убивать, что он такой важный и значимый для Союза Городов, Рагенильда рассмеялась ему в лицо. И поведала, что его жалкая жизнь послужит куда более великой цели, чем он может себе вообразить. Она с наслаждением рассказала ему всю историю от и до. А потом разрезала горло кинжалом. Но оказывается, в мешках прятался чертов мальчишка-слуга. И ему удалось уйти. Ведьма не придавала этому особого значения. Все жертвы принесены, пора было отправляться в Храм. Неужели теперь придется пожалеть об этом? Ну уж нет. Ведьма выкрикнула заклинание. Несколько камней из арки с грохотом рухнули вниз. Но краснокожая оказалась проворнее. Она метнула в Раге обруч и успела откатиться в сторону. Ловкая стерва. Ведьма остановила летящий обруч заклятием, потом криком баньши отбросила от себя леопарда, что уже готовился прыгнуть на неё.

Фиакр, громко каркая, бросился на драконьерку, но она встретила его кулаком. В воздухе закружились черные перья. Краснокожая встала, сняла с шлема еще один обруч. На её остроконечном шлеме было надето ещё несколько штук. Кажется, такое оружие использовали южане. Рагенильде доводилось видеть такое, когда она была в Кра-Акене. Их называли шакранами, а использовали, да, точно... Такие вот краснокожие, как эта мерзавка. Луанийцы. Древний народ, чья родина давным-давно утонула. Какой только сброд не берут нынче в драконьеры. Что за времена пошли?

— Кто ты такая? — спросила Рагенильда, надеясь немного потянуть время, чтобы обдумать дальнейшие действия.

— Лионза Луане, младший брат-драконьер... то есть сестра...

— краснокожая отсалютовала ей шакраном, который продолжала вращать на пальце.

— Похоже, ты пришла сюда одна, сестра, — усмехнулась старая ведьма, — так не терпится выслужиться перед вашими главными? Стать старшей сестрой? Или как там у вас это называется?

— Нет, просто не было времени объяснять Капитулу.

— И ты думаешь остановить меня в одиночку? А ты самонадеянна. Совсем как я в твои годы. Но только я с тех времен стала намного сильнее. И никакая кошачья шкура, от которой за лигу несет дешевой магией, тебе не поможет!

— Я бы попросил так не выражаться, — обиженным голосом сказал леопард, пытаясь встать. Его сильно шатало после атаки звуком.

— Послушай... в мире и так много зла, — сказала Лионза, продолжая вращать шакран, — зачем его множить дальше? Сколько горя принес Элиассар в прошлом. И сколько он способен принести сейчас! Думаешь, он даст тебе вечную молодость? Сделает своей помощницей? Как бы не так! Я читала хронику его жизни и падения! Он буквально шел по трупам! Омывал ноги по колено в реках крови. Он не щадил никого, даже самого близкого...

— Поверь мне, сестра. Я знаю об Элиассаре гораздо больше тебя. Нет в мире ни одного мыслящего, что знает о нём больше.

— Даже если так. У тебя такой шанс! Исполнить любое свое самое заветное желание. Неужели ты хочешь потратить его на воскрешение какого-то древнего кровососа?

В ответ на это Рагенильда расхохоталась и стены храма эхом повторяли этот хохот. Что могла знать эта дурочка? Никто в мире не знал и не понимал Раге. Никто. Разве что старый сумасшедший ворон.

Темнорожденной Рагенильду называли вовсе не из чувства пафоса, присущего всем силам зла. Просто в её захолустном графстве так называли любого ребенка, чей отец неизвестен. И отношение было к таким детям соответствующее. Насмешки, презрение, от свор деревенских мальчишек даже летящие камни. Дети всегда жестоки, они любят сбиваться в стаи и травить всякого, кто не может дать отпор. Уж тем более, если взрослые и сами объявили этого другого изгоем. Так оно и было, пока однажды их проделки не зашли слишком далеко. Они подстерегли Раге, когда она собирала в лесу грибы и общалась с птицами. С людьми она была менее разговорчива, что укрепляло местных в мнении, что она помешанная. И вот, идя по тропинке, она услышала пицание. Перед ней был птенец ворона, что выпал из гнезда. Обычно в этом случае вороны активно атакуют всякого, кто приблизится к несчастному. Но черных птиц поблизости не наблюдалось. Зато стоило Раге сделать пару шагов к птенцу, как из кустов вывалила компания мальчишек во главе с Йодером, сыном охотника Гунда. Говорят, он был наполовину лесным орком, ведь у его отца отродясь не было жены. Но если нет матери, это в здешнем крае считалось нормальным. А если нет отца, то все ты уже темнорожденная и изгой. Насчет полуорка, конечно вранье, орки слишком далеки от людей биологически. И их злобный дикий нрав далек от того зла, что было в Йодере. Но внешне он был очень близок к огромной свиноподобной твари. Именно он проявлял особую злобу и изобретательность в проделках над Рагенильдой. Гнусно усмехаясь, он поднял свою массивную ножищу и сказал, что сейчас раздавит птенчика. На глаза Раге навернулись слезы. Однако Йодера и его компанию они не тронули, а только раззадорили ещё сильнее.

— Хочешь оставить птичку живой? — спросил пастух Рогир, второй в компании после Йодера, — тогда придется поработать ртом!

После этого он достал из штанов свою кожаную дубинку под свист и улюлюканье всей компании. Раге закрыла лицо руками.

— Давай! — по-свинячьи взвизгнул Йодер. — Или воронье рагу, или немного свежего молочка за щеку!

Раге заплакала ещё сильнее, но вороненок запищал особенно жалобно. Она села на колени перед Рогиром, не понимая, что от неё хотят.

— Целуй его! — велел пастух.

Она, не переставая плакать, зажмурилась и чмокнула его в головку. Все снова загоготали. Но Рагенильда почувствовала в этом смехе какие-то новые, чужие нотки. Смех был более хриплым и низким. Словно у кавалеров её матери, когда она вела их уединиться на стоге сена.

— Вытащи язык, оближи его! — продолжал Рогир.

Раге замотала головой в знак протеста, но Йодер вновь занес ногу над птенцом.

Рагенильда содрогаясь от рыданий высунула кончик языка и коснулась им кончика розовой головки. От прикосновения та набухла и стала ещё больше. Раге замерла в испуге.

— Продолжай, лижи!

Она снова коснулась головки кончиком языка.

— Так дело не пойдет! Ты должна это делать как корова, что лижет соль! Давай коровка, покажи, что ты умеешь!

Рагенильда начала лизать красный набалдашник вращая языком. Рогир часто задышал. И не только он. Несмотря, что в лесу было по-весеннему прохладно, все прочие тоже покрылись каплями пота и часто задышали. Один из компании, к ужасу Рогенильды, скинул штаны, достал свой вздыбленный фаллос и стал охаживать его своей ладонью.

— Хорошая коровка... — сказал Рогир, — хорошая... Давай полижи ещё Рогирю...

— Я тоже хочу! — вмешался Йодер.

— А я уже! — радостно сказал тот, что наярывал себе ладонью. Раге почувствовала, как на её волосы брызнуло что-то противное, похожее на соплю.

— Подожди... подожди... — совсем запыхавшись возражал Рогир, — я сейчас... Открой рот пошире!

Раге, уже не соображая, что делает, повиновалась, и упругая плоть оказалась между её зубов. Рагенильда инстинктивно сжала челюсть. Рогир заорал.

— Отпусти! Отпусти! Аaaa, как больно!

Раге с отвращением выплюнула назад плоть, с её губ текла кровь пастуха.

— Она откусила мне его! Откусила! — орал благим матом Рогир.

— Ниче, заживёт! — сказал Йодер, с видом знатока осмотрев рану. — Так, зубами слегка задела. Белка и та сильнее может прихватить.

— Йодер, прикончи эту проклятую птицу, — ныл в ответ Рогир.

Но Йодер хоть и не подавал вида, но был очень доволен таким поворотом. Этот Рогир стал много на себя брать. Все последние затеи были его идеями. Так, глядишь, он Йодера подвинет на второе место.

— Надо её наказать, Йодер, — вторил Рогирю парень помладше.

— Давай её оприходуем как следует! — предложил тот, что наярывал свою дубину. Она от этих слов зашевелилась и снова стала расти.

— Нет! — сказал Йодер. — Раз она так, то пусть... пусть... трахнет себя сама!

Все удивленно замолчали, даже Рогир перестал стонать.

— Вот этим! — злорадно усмехаясь сказал Йодер, подняв с земли толстую крючковатую палку, — давай, Темнорожденная!

— Нет! — вскрикнула Раге.

— Или эта палка опустится на птичку!

Йодер протянул палку Рагенильде, которая так и сидела на коленях.

— Что, прям здесь? — спросила она.

— А где ж ещё!

Девушка села на землю, нерешительно задрала край платья.

— Не останавливайся... — сказал Йодер, — засунь эту палку в себя.

Палка была толстая и с сучками. От такой точно можно нацеплять заноз. Да и вообще, Рагенильда с ужасом представляла это в себе.

— Да, засунь! — согласился парень без штанов, который снова стал наяривать свое хозяйство. Рогир потянулся к вороненку, но огреб подзатыльник от Йодера и снова жалобно застонал.

Раге осторожно, двумя пальцами раскрыла свою пещерку, в которой ещё никто не бывал до того. Взяла палку и прижала её кончик к самому входу. Ощущение было не из приятных. Шершавое грубое дерево коснулось нежной розовой поверхности.

— Продолжай... — сказал Йодер, снова тяжело задышав. Ещё один из парней при виде происходящего достал член и заработал кулаком. Раге вдавила немного поглубже. Её кожа натянулась, отозвалась болью.

— Глубже!

Рагенильда вскрикнула, кончик палки скользнул внутрь, разрывая девственную плеву. Потекла кровь. Но легче от этого не стало. Грубая древесина терзала её сокровенный бархатный мешок. Будь что будет, подумала в этот момент Раге. Все равно уже не жить. Сейчас она проткнет себя этой палкой, истечет кровью и умрет прямо здесь. Все легче, чем жить в постоянном страхе. Она стала сильнее двигать рукой, вгоняя в себя орудие своей казни. Оно пошло немного легче, видимо кровь сыграла в какой-то мере роль смазки. Йодер весь покраснел от напряжения, будто это ему сейчас засовывали палку в задний проход. Двое наярывающих кончили почти одновременно, забрызгав босые ноги Раге.

— А теперь... — сказал Йодер. Его лицо напряглось, видимо выдумывая очередную гадость. Но послушался дробный стук копыт по дороге.

— Шухер! — крикнул Рогир, в мгновение ока банда брызнула в разные стороны, словно испуганные куропатки.

Когда на месте экзекуции оказался местный настоятель храма, Благословенный Ги, там была лишь Рагенильда и закапанный кровью птенец ворона. Раге тогда еще не знала, что обряд соединения кровью проходят все ведьмы со своими волшебными питомцами — импами. Правда, это выглядело не столь изуверски. Откуда ей это было знать.

Ги стало жаль девочку, он давно к ней присматривался, но она почти не посещала храм, мать её не отличалась благочестием. И теперь он решил взять её к себе, храму нужны были прислужницы, которые со временем могли стать и жрицами. Рагенильда оказалась очень способной. Она быстрее прочих освоила чтение и с большим рвением стала читать все подряд книги в храмовой библиотеке. Там же часто любил бывать молодой послушник Альбин. Ему предстоял экзамен на звание жреца, потому он усердно занимался с утра до ночи. У него были светлые длинные волосы, и лицо, на котором не было ни

единой волосинки, несмотря на то, что он уже как год достиг совершеннолетия. Он был красив, и сложно сказать, какая красота тут преобладает, мужская или женская. Но Раге могла точно сказать, что ей больше всего в нем привлекала его необычная мягкость, как во внешности, так и характере. А также большие глаза удивительного цвета цветущей фиалки. Она так любила бросать на него взгляды исподтишка, млела, когда он случайно задевал её руку, истекала женским соком, представляя, как он её целует. И только её ворон был способен вернуть Раге обратно в реальность, громко каркая «Фиакррр! Фиакррр!». Слово «Трррахать» он подцепил позднее, после того случая со следопытом.

Но повышенный интерес Рагенильды не ускользнул от Ги. И он перевел Альбина в Хильдсбург, под предлогом того, что там библиотека намного лучше и полнее. Это повергло Раге в бездну тоски. Каждый день она слонялась в апатии, молясь, работая и даже читая скорее в силу инерции. А ночью ей снился Альбин, такой далекий и недоступный. Он целовал её между ног и разом проходили и боль, и то унижение, некогда испытанное ей. Однажды она без особого интереса перелистывала древний кодекс. Это была летопись давно погибшего королевства Эргалла. Но там были большие красочные иллюстрации. Это и не давало Рагенильде захлопнуть эту древнюю пыльную книгу. Она больше смотрела на те или иные картинки. То сожжение города, то пытки пленных, то казни восставших. Рагенильда сама часто представляла во всех красках, как будет расправляться с обидчиками, особенно Йодером и Рогиром. И потому, эти картинки не могли оставить её равнодушной. Они ярко и зримо, во всех подробностях, воплощали то, что она представляла себе довольно смутно. Но когда она дошла до Повести об Элиассаре, то поняла, что пропала. Дело в том, что обычно все источники изображали Элиассара чудовищем, самым настоящим демоном, с огромными клыками, звериными когтями, крыльями дракона, остроконечным хвостом аспиды. Но в «Повести» идея была в том, что за всякой внешностью, даже самой прекрасной способно скрываться самое гнусное зло.

Потому на иллюстрациях к ней Элиассар изображался прекраснейшим из смертных. И он был очень похож на Альбина. Только в отличие от него делал со своими врагами такое, что явно нравилось Рагенильде, одержимой жаждой мести. Мести всему этому миру. Её очень расстроил конец повести. Элиассара сожгли, прах его развеяли над полем, то поле засыпали солью. И ничто уже не способно возродить этого вампира, разве что кто-нибудь не решится загадать подобное желание в Храме Сокровенных Желаний. Но какой дурак решится на подобное? Но Рагенильда решилась. И всю жизнь неустанно шла к этой цели.

Часто во сне она видела, как прекрасный Элиассар укрывает её своим серебристым плащом, поднимает высоко в небо, крепко сжимая в мускулистых объятиях, дарит ей тянущие засосы своими клыками. Они целую вечность летят над облаками, предаваясь всем возможным видам любви. А потом они обрушиваются вдвоем на жалких смертных, неся им боль и разрушения... Как же хорошо!

Луанийка, видя, что старая ведьма немного отвлеклась, погрузившись в воспоминания, резко бросилась к монете. Ах ты, мерзавка! Рагенильда взмахнула посохом и с его кончика вырвалась стая шершней.

— Раксен, прими их на себя! — крикнула драконьерка своему леопарду.

— Эй, мне тоже больно от их укусов!

— Но они тебя не убьют!

— Лучше бы убили...

Леопард заскулил, забегал по кругу, когда его облепили жужжащие и жалящие черные точки. Лионза бросила шакран и срезала наверх посоха. Теперь он был просто бесполезной

палкой для ходьбы. Рагенильда выругалась заклинанием проклятия, но на рыцаре вспыхнул серебряный амулет, защищая её от злых чар. Ведьма выругалась уже обычным способом и метнула посох в луанийку, словно дротик. Лионза не успела увернуться, палка ударила в грудь, выбивая дыхание. Раге резко наклонилась, схватив монету. В спине больно стрельнуло. Проклятая старость... Ничего, главное теперь бросить монету. Правда, надо сосредоточиться. Без этого желание будет не до конца понято тем, кто сидит там, на дне колодца. Она развернулась в сторону алтаря, когда драконьерка из положения лежа резко схватила её за ногу и дернула. Монета вновь выпала, покатила на северо-восток, в Изумрудную долину. Лионза прыгнула, схватила её, и ведьма усмехнувшись увидела в зеленых глазах рыцаря нескрываемое торжество. Тоже мне, воин Света. Сама-то только и думала весь путь, какое бы желание загадать колодцу. Правда ведь?

Лионза подошла к колодцу и заглянула в его бездонную глубину. Сердце её часто забилося. А что, если... взять и бросить. Ведь тогда она... увидит снова Луанию... остывающую от дневной жары храмовую крышу, звезды, Лиорону... Ту Лиорону, какой она была до этого всего... И сама Лионза будет просто танцовщицей. Никаких страданий. Никаких моральных выборов. Никаких смертей. И никакого секса. Она не будет суккубом. Будет просто танцовщицей Лионзой из Дома Божественной Гармонии. Она будет танцевать обнаженная у алтаря, самозабвенно кружиться, а по ночам лежать на остывающей от жары крыше, смотреть на звезды и держать за руку свою единственную подругу...

— Трррахать! Тррррахать!

Лионза не успела отдернуть руку, когда монету у неё вырвал старый ворон.

— Молодец, Фиакр! — крикнула Рагенильда, тяжело поднимаясь с пола. — Кидай её мне! Фиакр! Я с тобой разговариваю, проклятая птица!

Но Фиакр продолжал самозабвенно кружить под полуобвалившимся потолком, сжимая в клюве то, что так давно жаждал заполучить.

— Эй, Фиакр! — крикнул леопард, на которого прекратилось действие магических шершней, — может у тебя есть какое-то желание? Лично я хотел бы снова...

— Тррррахать! — отозвался ворон и выронил монету из клюва. Лионза и Рагенильда застыли, наблюдая как она, перевернувшись несколько раз в воздухе, упала в колодец.

Тихо. Они так и не услышали, как она звякнула о пол или ушла под воду. Тихо, будто этот колодец и правда не имеет дна. Но через несколько ударов сердца мир стал таким невыносимо-ярким, что у Лионзы и Рагенильды померкло в глазах.

Сначала Рагенильде показалось, что ничего не изменилось. Она стояла у колодца, рядом та краснокожая драконьерша, чуть поодаль сидел леопард. Но когда лунийка посмотрела на ведьму, то изменилась в лице. Что-то с ней было явно не так. Спина не болела, колени не ныли. Ведьма испуганно посмотрела на свои руки. Нет старческих пятен, молодая кожа, красивые розовые ногти. Волосы, снова русые и струящиеся каскадом. Грудь! О, у неё всегда была хорошая крепкая грудь. Что происходит? Это и было желание Фиакра? Сделать её снова молодой? Что за чушь...

— Rrrrrage! PPRage!

Рагенильда подпрыгнула от неожиданности, к ней спускался таинственный незнакомец с крыльями и в плаще. Правда, черном. Он заключил ведьму в крепкие объятия и взмыл вверх, сквозь дыру в потолке к голубому небу. Старый плащ с капюшоном с Рагенильды сорвал ветер, но ей было так тепло в объятиях крылатого спутника. Она подняла голову, стараясь рассмотреть его лицо, и в ужасе замерла. Вместо человеческой

белокурой головы у небесного кавалера была черная голова с длинным клювом. Да, у него было человеческое тело, но голова и крылья явно принадлежали ворону.

— Фиакр...

— RRRRaге... — отозвался Фиакр, — Фиакrrrrру нrrrrравится Rrrраге.

— Отпусти меня, дурень! Ты... ты все испортил! Столько лет я потратила зря!

— Не зррря! Не зррря! Фиакrrrrру нrrrrравится. Фиакrrrr и Rrrраге! Фиакrrrr и Rrrраге!

Рагенильда со страхом почувствовала, как нечто упругое растет и увеличивается там, где она прижималась к бывшему ворону промежностью.

— Не надо, — сказала она жалобно, глядя в черные глаза-бусинки ворона.

— Фиакrrrr осторrrрожно! Фиакrrrr хорrrрошо!

Человеческое тело нового Фиакра было также покрыто мелким, плотно прилегающим опереньем. Касание этих перышек голого тела ведьмы вызывали приятное волнение. А упругая штуковина там внизу, приятные тянущие ощущения между ног. Если так подумать, в плане секса Раге было всегда хорошо, только когда она уединившись фантазировала о вампире, нежно трогая свой заветный цветок. Раге потерлась щекой о пернатую грудь ворона. Как же хорошо. Может даже и лучше, чем с каким-то вампиром. Хотя, может это не её мысли. Это часть желания этого пернатого негодяя? Будь, что будет! Все равно другой монеты больше нет.

Она обхватила голыми ногами его торс. Где-то внизу в степи какие-то местные кочевники, видя на небе странный тандем, стали падать на колени. Смотрите, смотрите на нас жалкие смертные! Мы сейчас покажем вам величайший из полетов

любви. Член Фиакра стал большим и твердым. А между ног Раге стало тепло и мокро от всех этих мыслей. Она двинула бедрами, вгоняя в себя член ворона. Он вошел идеально, словно был точно рассчитан на её размеры. Впрочем, так видимо все и было. Рагенильда впервые в жизни застонала от наслаждения, когда её наполнил упругий теплый фаллос. А потом ворон начал двигаться, мощными взмахами крыльев поднимая её все выше и выше, к облакам. Каждая фрикция дарила Раге такое удовольствие, что она сама все выше и выше взлетала к неизведанным доселе высотам. Она обвила руками его могучую шею, зарылась лицом в оперенье, крепко сжала его бедра своими. Член скользил в идеально смазанной вагине, словно они были единым, идеально подогнанным друг под друга механизмом, собранным гномами. Но чего-то не хватало.

— Перевернись на спину! — сказала она Фиакру.

— Хоррроршо! — отозвался он. Ворон резко откинулся назад, максимально раскрыв крылья в сторону, стал падать на землю спиной вниз. Раге оседлала его сверху и стала мощными ударами вгонять его в себя. Ощущение падения, тянущее чувство в груди и между ног привели её к мощнейшей разрядке. Она закричала во всю мощь молодых легких, и почувствовала, как пульсирует, изливается горячим семенем в неё Фиакр. Они кончили почти у самой земли, на глазах у пары кентавров, которые сношали друг друга, но при виде падающих сверху Раге и Фиакра застыли, словно два каменных изваяния.

Ворон выровнялся и вновь взмыл в небо с Раге, не вынимая из неё члена. И ведьма вновь почувствовала приятную упругость и твердость. Как же хорошо! Пусть это длится вечно!

Они давно миновали Пограничные марки и опустились на опушку леса, в мягкий мох. Она легла на спину, раскинула ноги и ещё долго кричала, стонала, вздыхала, пока Фиакр раз за разом дарил ей то удовольствие, которого она была лишена более 70 лет. Что ж, стоит потратить ещё столько же, чтобы все наверстать.

— Да... — ошарашенно протянул Раксен, — такого финала нашего приключения я точно не ожидал.

— Я тоже, — отозвалась Лионза. Они сидели с леопардом у выхода из древнего храма и заходящее солнце приятно согревало её красные босые ноги, которые она вытянула, сидя на камне.

— Жаль, что тебе не удалось загадать желание, — сказал леопард и потерялся мордой о её ступню.

— Но мы ведь тогда с тобой бы не встретились, — отозвалась Лионза, — я в самом деле ни о чем не жалею. Ни о чем. Наша жизнь — путь, что определен на небе. И надо просто дойти до конца, хотим мы того или нет.

— О, это из цитатника Мудрого Волка!

— Да иди ты, вечно все испортишь!

И они рассмеялись вдвоем, и от этого смеха Лионзе было так хорошо, как не бывало порой даже от самого лучшего секса.

Тайна лунного перстня

Кири́н и феникс

Обнаженную Лионзу, на которой был надет один ошейник, нес на руках голем, который выполнял роль евнуха в гареме. И Лионза ещё до конца не могла поверить в то, что буквально за месяц её жизнь столь круто изменилась. Вот она была рыцарем-драконьером, что едет с важным поручением на Дальний Запад, и теперь она наложница в Черепаховом дворце, одной из резиденций правителя Лунной Страны. Как такое произошло? Суккуб и сама ещё толком не осознала, слишком много всего происходило в вокруг неё, тут уж не до размышлений. Важно одно. Она пленница, хоть и относительно почетная. И этот дурацкий ошейник каким-то образом блокирует её магию, её особенности. Сейчас она просто женщина, просто луанийка. Не об этом ли она мечтала все эти годы? Сбросить с себя бремя ответственности, самоконтроля, кому-то другому отдать то, что она скрывает от мира внутри себя? Нет, все равно что-то не то.

Когда они шли через коридор, другие наложницы тайком выглядывали из-за полога, и Лионзу буквально жгло от этих взглядов, полных зависти и даже ненависти. Когда её проносили мимо покоев Азами, красивой лесной эльфийки с кошачьими желтыми глазами и прекрасными каштановыми кудрями, луанийке показалось, что слышит, как звенят её шпильки с колокольчиками. И в этом звоне была чистая, ничем не замутненная злость. Лионза и Азамы сразу друг друга невзлюбили. Луанийка вообще поймала себя на мысли, что с времен, когда она была храмовой танцовщицей, уже успела позабыть, что такое сообщество, состоящее из одних женщин. Настоящая змеиная свадьба, мерзко сплетающийся клубок. Потому, когда Лионзу впервые за все время пребывания здесь, пожелал видеть хозяин гарема, царь Лунной страны Шаньи, она даже обрадовалась. Хоть одно мужское лицо, кроме безликих

големов, которым даже не вылепили носа и рта. Жуткие статуи с темными провалами глаз. Хотя на ощупь теплые, словно нагретые банные камни. И пальцы у голема были очень приятные и гладкие. Он тщательно исследовал её лоно и анус. Лионза стонала, прося делать это быстрее и немного глубже. Но голема интересовал лишь один вопрос: вдруг луайника что-то спрятала в этих потаенных карманах. К государю наложниц всегда приносили на руках, голыми и без посторонних предметов. Безопасность прежде всего. Ничего не найдя, он стал натирать её маслом и благовониями. Лионза, чья вульва горячо пульсировала, требуя продолжения, разочарованно вздохнула. Ладно, отыграемся на правителе, раз он сегодня пожелал видеть именно её. И это было немного волнительно, несмотря на то, что Лионза насмотрелась за свою долгую жизнь на разных царственных особ, как в одежде, так и без. Собственно, она и попала сюда, когда отправилась искать лекарство для короля Цвиллига.

Голем остановился перед украшенной золотом двустворчатой дверью. По бокам от двери неподвижно стояли два голема-стражника. Они были выше и крупнее гаремного голема, руки скрещены на груди, с внешней стороны кистей их рук торчали остро отточенные обсидиановые лезвия. Лионза слышала, что в распоряжении правителя целая каменная армия, с которой его предки и завоевали столь обширные земли. Собственно, она и была схвачена големами, прежде чем оказалась здесь, в Черепаховом дворце. Тут же была старшая наложница, Киао, суровая властная дама, несколько располневшая, и уже не имеющая доступа в спальню правителя. Однако, за свои боевые качества удостоенная высшей чести стать наставницей и смотрительницей над всеми прочими. Киао окинула Лионзу долгим пронизывающим взглядом. Все должно быть идеально. Тело чистое, ногти ухожены, волосы уложены в прическу, лобок тщательно выбрит. Она тщательно искала в теле луанийки малейший изъян, но не нашла.

- Ты все помнишь, Лио?

Лионза кивнула. Как только она тут очутилась, Киао сразу рассказала то, как подобает вести себя в гареме, особенно в спальне правителя. Глаза опущены. Говорить, только если спросят. Делать только то, что просят. Никакой инициативы. В глазах любовь и обожание. Правитель орошает священным семенем только свою Божественную супругу. Наложница нужна, лишь, чтобы распалить огонь его страсти. Кажется, все.

Киао взяла Лионзу за подбородок, словно ребенка, и потрепала по щеке:

- Не подведи меня!

Лионза кивнула, взгляд её скользнул по округлым плечам старшей наложницы, и она замерла от неожиданности. Плечи Киао украшала шкура леопарда, и не просто леопарда, а её Раксена! Лионза не видела его с тех самых пор, когда была захвачена големами в плен с месяц назад. У неё отобрали все, одежду, оружие, Священный Знак Близнецов и конечно Раксена. Она уж думала, что потеряла его навсегда.

- Откуда у Вас... это? – спросила Лионза, впрочем, не надеясь на ответ. Старшая наложница отличалась строгостью и высокомерием.

Киао неожиданно улыбнулась:

- Это подарок от Его Полнолуния. Нравится?

Лионза сглотнула комочек и кивнула.

- Постарайся хорошо в спальне, он и тебя чем-нибудь одарит – сказала Киао, погладив леопардовую шкуру с материнской нежностью.

Стражи расступились, дверь открылась, звеня колокольчиками, голем, медленно и торжественно внес Лионзу в царскую спальню.

Опочивальня правителя оказалась не такой уж огромной, хоть и роскошно обставленной. Большую её часть занимала огромная кровать с красным балдахином, перевязанным желтыми шелковыми кистями. Сам правитель, небольшого роста, с заметным животиком, безволосый, как и все лунары, сидел скрестив ноги, сзади него сидела среднего возраста женщина, такая же лысая, как и царь. Лионза никогда не видела жителей Лунной страны, пока не оказалась здесь. Но за все время своих путешествий, она насмотрелась на разумных существ всех цветов и форм. Потому лунары её уже не могли чем-то удивить. У местных жителей кожа была серебристого цвета. Никаких волос на теле, даже бровей и ресниц. Огромные глаза, даже больше чем у эльфов. Маленький, еле заметный нос. Шанью и женщина в будуаре выглядели как типичные лунары, только на лбу у обоих был изображен золотистый полумесяц рогами вверх. Насколько Лионзе было известно, это знак высшей власти. А так без одежды, все люди одинаковы, уж это суккуб хорошо знала.

Правитель облизнул языком тонкие капризные губы и сказал, обращаясь к женщине:

- Красный цвет к удаче, Божественная Сестра. В этот раз все получится, у меня был вещий сон...

Лионза села на пятки, ожидая, когда на неё обратят внимание.

- Да, она выглядит очень... гармонично – согласилась женщина, тяжело задышав.

- Да, больше никаких опытов с полуживотными... Только те, кто подобны нам. Ползи сюда, маленький Феникс... - сказал Шаньи, откинувшись головой на колени сестры.

- Откуда ты такая? – спросил он, когда Лионза очутилась возле его паха, где твердел и рос небольшой серебристый фаллос лунного царя. Лионза хотела его погладить, но сдержалась, вспомнив наставления Киао. За месяц заточения в гареме, она очень соскучилась по мужским членам. Магия, заключенная в её ошейнике, действовала очень странно. Она подавила в ней все способности суккуба. Но её желание получать сексуальное удовольствие не снизилось. Она очень мучилась, даже пришлось прибегать к самоудовлетворению. В бытность её суккубом, в этом не было смысла. Но теперь это был единственный способ забыться в оргазме.

- Я Лионза, рыцарь из Братства Драконьеров... - ответила Лионза, не сводя глаз с члена.

- Что такое рыцарь? Не нужно разговаривать со мной варварскими словечками!

- Воин, что служит правителю.

Шаньи расхохотался, его толстый животик вместе с фаллосом заходили ходуном.

- Ты? Воин? Но ты женщина!

- На Востоке и женщины могут воевать...

- Нелегко вам наверно без големов. Даже женщинам приходится сражаться. И что... воин... - после этого слова Шаньи снова залился смехом, - воин вроде тебя... забыл у нас в стране? Ты пришла нас завоевать в одиночку?

Лионза внутренне напряглась. С одной стороны, миссия была секретной. С другой, это был шанс попасть на свободу, и может быть, даже продолжить начатое. Может, сыграют в этом царь братские чувства к другому монарху. Хотя, если эта женщина и правда его сестра, то звучит двусмысленно.

- Мой правитель болен. Очень редкой болезнью. И лишь одно средство способно его вылечить...

- Уж не о си-юнай ты говоришь?

- О волшебном молоке из страны к западу от вас, Сивианны.

- Я об этом и говорю! Страна Си, что в горах на краю мира. Только зря ты сюда пришла... воин-феникс.

И Шанью снова рассмеялся, смех этот не очень уверенно подхватила его сестра.

- Почему?

Смех стих, зрачки царя недобро сузились.

- Негодные киннари уже двадцатую луну не хотят торговать с нами. Ну ничего, я уже отправил туда генерала Пи-Рота. Он покажет этим фазанам, как не уважать меня, Шанью Луноликого!

- Киннари?

- Да, Феникс, киннари. На что ты рассчитывала, если даже не знаешь ничего о стране Си? Она населена киннари, полулюдьми-полуптицами с золотой кожей. Редкие негодники, хуже сяо.

Лионзе никогда не приходилось слышать о подобных существах. На суровых скалистых островах северного моря конечно водились гарпии, но они не были разумны.

- Кажется, одна киннари была в твоём гареме, Божественный Брат – сказала тихо женщина, лаская пальцами свой небольшой сосок. Лицо Шанью исказила гримаса отвращения:

- Да, была... Но оказалась порченной. Как и весь их народ. Ничего, мои големы от их поганой страны камня на камне не оставят!

Неожиданно зазвенели колокольчики, двери снова открылись и голем внес на руках такую же натертую маслом и голую Азами. Её кудри были тщательно уложены, её любимых шпилек в волосах уже не было. Она встретилась глазами с Лионзой и суккуб увидела в них удивительное сочетание ненависти и злорадного торжества.

Царь довольно причмокнул губами.

- А вот и вторая... - сказал он.

- О, ты меня удивляешь, Божественный брат — прошептала царица. Её рука скользнула между ног.

- Да, я люблю удивлять — отозвался Шаньи, - ползи сюда, маленький Кирин.

Лионза тайком осмотрела эльфийку, ей не доводилось видеть её обнаженной. И нужно было отдать должное, она была очень красива. Даже с точки зрения Лионзы, которая повидала на своем веку прекрасных эльфов и эльфиек. Все они меркли перед налитым соком, тугим и гибким телом Азами. Лесные эльфы жили к западу от Илатти, в густых лесах Элии. Кожа их имела бронзовый оттенок, черты лица более острые и похожи на кошачьи. Фигура подобная песочным часам, упругие большие ягодицы, большая грудь с торчащими темными сосками, рельефный торс, словно у илаттийской статуи. Она была прекрасна и совершенна, Лионза на мгновение даже забыла свою вражду и почувствовала желание, глядя на то как она ползет к ней, как движутся мышцы под её атласной смуглой кожей.

Азами подползла к паху Шаньи, и села на пятки напротив Лионзы. Её груди упруго колыхнулись, заставив Лионзу потечь соком.

- Покажите мне свои ступни — велел царь.

Лионза и Азами почти синхронно откинулись на спину и приподняли ноги, так чтобы царь мог их разглядеть. Лионза случайно коснулась приятно-прохладной ступни Азами, но та еле слышно фыркнула, словно кошка, и отдернула ногу.

- Как несправедлива природа... - вздохнул Шаньи, не отрывая глаз от женских натертых маслом ступней, - он наградил столь дикие и варварские народы такой совершенной красотой...

Его сестра незаметно вздохнула. Лионза посмотрела на неё, насколько позволяло ей принятая поза. Лунарка была по-своему красива, её гладкое безволосое тело было очень приятно на вид. Но, видимо, у царя было иное мнение.

- Феникс, - обратился он к Лионзе, - ты погладь мой Божественный стержень. А ты, кириин, положи свое чудесное копытце мне на лицо.

Лионза обхватила затвердевший серебристый член ножками и стала двигать вверх-вниз. Заниматься сексом, не чувствуя мыслей партнера было непривычно. Обычно секрет её успеха был в том, что она всегда чувствует и знает, чего от неё ждут. Сейчас ей приходилось нелегко. Но, Шаньи, кажется, всё нравилось. Он издавал довольные смокчущие звуки, обсасывая пальчики на ноге Азами. Она осторожно двигала ступней по его лицу, слегка массируя его щеку выставленным вперед большим пальцем. Остальные пальцы были во рту Шаньи. Вторая нога Азами нежно скользила по безволосой груди лунара. Его сестра тихо вздыхала, скользя по клитору пальцем.

- Феникс, прояви фантазию — сказал Шаньи, выпустив пальцы Азами из плена своих капризных узких губ, - а ты продолжай, мой прекрасный Кириин!

И он стал тщательно вылизывать пятку Азами, лицо её побагровело, судя по всему она сдерживала смех от щекотки. Тем временем, Лионза решила проявить больше фантазии. У неё был богатый опыт в ласках ногами, просто не читая любовника, было немного сложновато. Она изящно выгнула одну ступню,

на которую член оперся, как подставку. Второй она заскользила вдоль ствола по уздечке. Она слегка выгибала пальцы, лаская ими головку и уретру. Крайней плоти у лунаров тоже не было, но судя по тому, что царский стержень стал ещё тверже, и как он довольно замычал, смена тактики пошла на пользу. Его член был нежен и приятен на ощупь. Немного растерявшись Лионза стала быстро входить во вкус. Она проводила ступней по мошонке, то щекотала большим пальцем анус, то нежно гладила, то сжимала член в нежные тиски. Азами тоже не теряла времени. Она уже ласкала обоих лунаров. Одна нога гладила по щеке Шанью, вторая скользила по губам его царственной жены-сестры. Та самозабвенно сосала большой пальчик ноги эльфийки, нежно вздыхая. Самой эльфийке, судя по всему, тоже нравился процесс, она прикрыла глаза и прикусила нижнюю губу в наслаждении. Лионза сейчас больше всего на свете хотела, чтобы у неё как в старые добрые времена вырос член, она бы грубо завалила Азами на спину, и потом бы трахнула эльфийку без особых прелюдий. Ошейник, словно прочитав её мысли, немного сжался. Сестра царя опустилась на спину и раскинула свои тонкие серебристые ножки:

- Кирин! - выкрикнула она. Но Азами не нужно было лишних объяснений. Она склонилась к лону царицы, проникла в неё языком. Лунарка закрыла глаза и жарко застонала, словно в горячке. Азами страстно извивалась, оттопырив свой пышный зад. Её лицо блестело от выделяемого серебристой женщиной сока. Шаньи жестом велел Лионзе остановиться, потом молча указал на эльфийский зад. И Лионза тоже все поняла без слов. Она склонилась к подпрыгивающим ягодцам, немного развела их в стороны, чтобы побольше растянуть анус. Азами замерла, дрожа то ли от испуга, то ли от негодования. В следующий момент Лионза языком проникла в её зад, Азами глухо застонала между ног лунарки. Лионза хорошо знала, какие невыносимые тянущие чувства вызывают подобные ласки. И продолжила безжалостно терзать заднее отверстие соперницы острым горячим язычком. Азами вздрогнула и стала дергать

своим чудесным задом в протяжном оргазме. Луанийка же продолжала работать языком, делая его ещё острее.

- Феникс... Кирин... в сторону! - сказал задыхаясь Шанью. Член его налился максимальной силой и торчал почти вверх. Лионза и Азами быстро отползли, а Шанью навалился на свою жену и вошел резким хлюпающим движением. Она тихо застонала, подмахивая в такт его яростному напору.

- Да свершиться Воля Небес... да изольется священное семя... да никогда не покинет оно... священного правящего рода... да пребудет вечная чистота... во имя Всеблагой... Луны!

Царь начал бурно кончать, не вынимая члена, плотно прижимаясь к бедрам царицы. Та, судя по блеску в глазах и вздохам, тоже пришла к финалу. Шанью перекатился на спину.

- Это было чудесно... - сказал он еле слышно, - давно у нас не было такого... Он долго лежал без движения, глядя в потолок немигающим взглядом. Его сестра-жена закрыла глаза и судя по всему, уснула. Лионза сидела все в той же позе на пятках, иногда бросая взгляды на Азами. И если их глаза пересекались, то луанийка видела в них острый блеск кинжалов ненависти. Что она такого ей сделала? Подумаешь, не стала отмалчиваться в ответ на её колкости. Не в характере Лионзы терпеть и молчать, опутив голову.

Шанью неожиданно встрепнулся, дернул за один из шелковых шнуров, что свисали с балдахина, вдалеке послышался тихий звон колокольчика. Снова звон колокольчиков, уже тех, что висели у двери. В спальню вошли два гаремных голема, что принесли наложниц. В каменных руках они держали покрывала из пуха цапли. Вместе с ними низко кланяясь зашла старшая наложница Киао и несколько служанок.

- Свершилось ли задуманное? - спросила старшая наложница, не смея поднять глаз на государя.

- Свершилось... во имя Луны!

- Во имя Луны... - почтительно повторила Киао, и сделала запись на дощечке.

- Подай красную шкатулку — велел Шанью одной из служанок. Когда та почтительно и трепетно вложила её в руки царя, он достал оттуда несколько украшений и бросил Лионзе и Азами.

- Вы хорошо поработали, Кири и Феникс, пусть Луна будет к вам благосклонна.

Девушек завернули в тонкие покрывала из пуха цапли и понесли обратно в гарем.

- Эй! - сказала Лионза голему, когда он наконец поставил на пол в её покоях, - может ты ещё поищешь у меня там... что-нибудь запрещенное?

Ей конечно понравилось в спальне правителя, однако это не приблизило её к свободе, и она даже не кончила. Хотя бы последнее надо было исправить. Но голем, не вняв её просьбам, развернулся и тяжело зашагал прочь. Бездушный истукан. Тут женщина изнывает, а он!

Ладно, придется опять ласкать себя пальцами. Кстати, надо посмотреть царские подарки. Не то, чтобы Лионзе нравились все эти побрякушки, но было все же интересно. Они тогда быстро сгребли подарки, едва коснувшись друг друга руками. Азами тогда зашипела и отдернула руку. Так, что тут интересного? Золотая шпилька, отделанная яшмой. Красиво. И ей при желании можно замок вскрыть. Правда, тут нет нигде замков. Налобная подвеска в виде луны. Тоже ничего. А это что? Перстень? Какой красивый, хоть и серебряный. Тем более, что серебро Лионза любила даже больше золота. Тем более, что долгие годы её единственным украшением и оберегом был Священный Знак Близнецов из серебра. Перстень выглядел

очень древним, по всей его поверхности проходил тончайший узор. Он был украшен круглой печатью, состоящей из двух частей. Полумесяца из неизвестного луанийки белого светящегося камня и темной лунной стороны, представленного камнем такой черноты, что он казался отверстием, темной дырой. Лионза заворуженно смотрела на перстень, не в силах оторвать взгляд.

Полог заколыхался, Лионза вскочила. В её покоях стояла Азами, и вид у неё был как у разъяренной кошки.

- Ты... ты воровка! - выкрикнула она, скаля зубы.

- С чего это?

- Ты украла мои подарки!

- Мы их поделили поровну.

- Нет! У меня только два подарка. А у тебя три!

Лионза криво улыбнулась. В ней стала просыпаться давно дремавшая стерва.

- Кто сколько заслужил — ответила она, внутренне скривившись от своих слов. Ей было не жалко этих побрякушек, она при желании хоть все готова была отдать эльфийке. Но нельзя прогибаться, когда тебя пытаются продавить. В следующий раз она потребует больше.

- Что? - закричала Азами, - да я больше тебя сделала в три, нет, в четыре раза! Пока ты там ногами дрыгала, я...

Лионза быстро и упруго подошла босыми ногами к эльфийке и неожиданно впиалась в её губы поцелуем. Та яростно замычала, отталкивая луанийку. Лионза с трудом оторвалась от этих сладких мягких губ и прошептала ей в ухо:

- ... а ты кончила от моего языка в заднице...

Азами отпрыгнула в сторону, словно испуганная белка, посмотрела на Лионзу с гневом, топнула ногой.

- Ты... ты заплатишься за это... не будь я Азами Остролист!

Резко развернувшись, она вышла, яростно звеня шпильками в своих кудрявых волосах. Лионза все ещё ощущая сладость её губ, и вспоминая, как эльфа протяжно кончала, легла на кровать, засунула в себя палец, сжала бедра и разразилась таким мощным оргазмом, что комната закружилась вокруг неё, словно детский волчок.

Маленький человечек

В голове Лионзы теснилось много вопросов. Что делать дальше? Как вызволить Раксена с плеч старшей наложницы? Как самой сбежать? Куда бежать: дальше в Сивианну или назад, за Железные горы? Как жить после того, как её таинственным образом лишили возможностей суккуба? Как сохранить то, что спрятано внутри неё без прежних сил и возможностей? Эти вопросы всплывали один за другим, не давая ей расслабиться и заснуть. Она лежала с закрытыми глазами и накручивала себя этими вопросами до изнеможения. Вдобавок к этому примешивалось желание, так и не удовлетворенное пальцами. Все её идеи и фантазии о побеге неизменно заканчивались жаркой сценой группового секса с пятью-шестью невиданными ранее существами. От всех этих волнующих мыслей у неё даже пересохло в горле. Надо позвать гаремного голема и попросить принести кувшин... В гареме лунного царя была жесткая иерархия, иметь личных служанок могли позволить себе только особо любимые правителем наложницы. Лионза открыла глаза и замерла. Она была не одна в комнате.

Некто маленький, приоткрыв сундук, бесшумно копался в её вещах. Но Лионза умела быть не менее бесшумной, даже сейчас, без способностей суккуба. Она приподнялась на кровати и прыгнула, накрыв телом незваного гостя. Существо беспомощно запищало, придавленное тяжелой грудью луанийки. Лионза встала, удерживая пленника, наклонилась, чтобы рассмотреть

его, насколько позволяла ночная темнота. Это было маленькое человекообразное существо. Такое же гладкое и безволосое, как и лунары. Отличалось оно тем, что имело на голове нечто вроде костяного гребня, а на кончиках пальцев рук и ног круглые присоски. Лионза несколько раз видела подобных существ, пока была в плену. Их называли сяо, и эти существа имели дурную репутацию. Хотя наложница Ай, родом с юга Лунной страны, считала их духами предков и всегда норовила оставить молоко в блюдечке или ещё какое-то угощение. Но все прочие полагали их мерзкими воришками. Часто та или иная наложница жаловалась на пропажу вещей. Их неизменно списывали на проделки сяо. Азами хвасталась, что проткнула одного сяо своей острой шпилькой. Лионза долгое время считала этих существ плодом больного воображения местных девиц. Но однажды одна наложница подняла дикий визг. Сбежавшимся девушкам она указала на свой сундук, который трясся и подскакивал. По её словам, она обнаружила сяо, что копался в её вещах и резко захлопнула крышку. Прибывший голем на глазах Лионзы вытащил оттуда извивающегося и пищущего человечка и понес прочь, удерживая каменной хваткой.

И вот теперь такое же существо было в руках Лионзы. Оно сжалось, мелко дрожало, из глаз текли слёзы.

- Бедный... - сказала Лионза, - не бойся. Я не причиню вреда.

Лионза разжала руки, но сяо видимо был так потрясен внезапной поимкой, что продолжал лежать и хныкать.

- Ну что ты... - прошептала Лионза, - я не хотела напугать, прости.

Луанийка прижала существо к себе, поглаживая по голове и гребню, который оказался довольно приятным на ощупь. Сяо всхлипывая что-то говорил Лионзе на своем языке, но она его не понимала. Однако, судя по интонациям, он жаловался. На что именно, трудно сказать. Особенно когда лишен способности читать мысли. Лионза его молча слушала и покачивала на руках,

словно ребенка. Сяо потихоньку успокаивался, его речь стала все более спокойной и монотонной.

- Может, он и вправду ещё детеныш? – подумалось Лионзе, и она его прижала к груди. И тут же поняла, что ошиблась. Существо часто задрожало, только в этот раз не от страха. Сяо приоткрыл рот, его длинный язык, похожий на щупальце, обвился вокруг соска Лионзы.

- Проказник... - тихо засмеялась луанийка, чувствуя приятное возбуждение.

Её рука скользнула к паху сяо и нащупала возбужденный упругий фаллос. Он был небольшим, в длину как средний палец Лионзы, в объёме, как большой. Но все лучше, чем никакого. Противный лунный царь позволил только погладить свой ногами. Маленький человечек явно был сговорчивее. Палец Лионзы заскользил по анусу и мошонке сяо, такой непривычно маленькой, но очень туго набитой. Этому бедняге давно не перепало секса.

- Похоже, мы нашли друг друга — сказала Лионза, часто дыша. Язык-щупальце туго сжимал её грудь, словно веревка. Когда он сдавливал сильнее, луанийка тихо стонала от удовольствия на грани боли. Она осторожно, двумя пальцами, обхватила маленький член сяо и быстро задвигала ими. Сяо запищал, выпрямил ноги. Лионза точно не могла знать, но судя по его реакции, ему это очень нравилось. Он обхватил языком вторую грудь Лионзы, сжал так, что она стала похожа на обвязанный бечевкой окорок. Луанийка с порыве страсти слегка прикусила гребень на голове сяо.

- Дай мне его сюда... - прошептала она своему миниатюрному любовнику, и как ни странно, сяо её понял. Лионза села, сяо стал перед ней. Однако, даже этого не хватило, чтобы его пах оказался ну уровне лица луанийки. Но это было поправимо с помощью подушки. Лионза открыла рот и высунула язык. Сяо обхватил её лицо маленькими ручками с присосками, и стал тереться своим маленьким членом о кончик языка Лионзы.

Время от времени она осторожно вбирала его в рот целиком, в эти моменты сяо закрывал свои огромные глаза, а его гребень топорщился вверх, как у колючей рыбы. Лионза чувствуя у себя во рту маленький, но такой упругий и горячий инструмент, обильно текла. Он нежно сдавливала его губами, чувствуя как трепещет её любовник. Ей даже казалось, что она может, как раньше, читать его мысли, чувствовать его страх, смешанный с удовольствием. Соски её, ещё с полосками от сжатия длинным языком, набухли и немного покалывали. Она немного приподнялась, и обхватила своими красными грудями член сяо. Смазанный её слюной, член маленького человечка легко скользил между двух атласных грудей, когда в разрезе появлялась напряженная головка, луанийка сдавливала груди руками, и её бросало в приятную горячую дрожь при виде того, как головка члена от её сдавливания надувается словно небольшой шарик, как проступают на маленьком члене синие вены, как неистово стонет сяо, высунув свой длинный язык-щупальце. Лионза ловила кайф оттого, что даже сейчас не утратила способность дарить удовольствие и получать его самой.

Потом она раскинула красные ноги, бесстыдно обнажив перед сяо изнывающую от желания горячую вульву, её темно-красный цветок, который так долго не опыляли. Сяо взял в руки свой небольшой фаллос, провел по разгоряченным жадным лепесткам и неожиданно скользнул ниже. Лионза вскрикнула от неожиданности, когда маленький человечек овладел её задним проходом. Идеально смазанный он легко проскользнул внутрь. Маленький,но такой горячий, он приятно двигался в её анусе.

- Ах, малыш... - стонала Лионза, откинувшись назад. Малыш двигался с силой и мощью, какая бывает не у всякого человека или эльфа. Он таранил её с такой страстью и напором, что она закрыла лицо руками, чтобы не закричать, и не перебудить половину гарема. Она когда он склонил голову, высунул длинный язык-щупальце и обхватил им клитор, Лионза до крови укусила свою ладонь и начала кончать так сильно, что перед

глазами поплыла багровая пелена. Сяо, чувствуя оргазм своей огромной любовницы, тоже запульсировал и Лионза почувствовала, как он извергается ей в зад, наполняя его горячим семенем. Сладкие конвульсии длились целую вечность, а сяо, даже кончая, продолжал яростно вгонять член в задницу луанийки и ритмично сжимать клитор длинным языком.

Когда мир вокруг обрел четкость, он продолжал лежать на её животе, не вынимая члена. Лионза нежно погладила его по маленькой голове. Сяо немного вздрогнул, когда она коснулась его головы пальцем, на которую был надет серебряный лунный перстень. Он неожиданно вскочил, его усталости как не бывало. Он указывал своим длинным пальцем с присоской на перстень и что-то возбужденно говорил.

- Тебе нравится? - спросила Лионза, ничего не понимая.

Сяо замолк на секунду и снова возбужденно запищал, изображая руками что-то большое и круглое. Лионза на мгновение вспомнила шкуру Раксена на плечах Киао. В Черепаховом дворце, видимо, добрая традиция дарить друг другу вещи, украденные у законных владельцев. Может, этот перстень принадлежит сяо? И они не просто так копаются в вещах наложниц? Они ищут его?

- Он твой? - спросила Лионза.

Сяо радостно закивал, словно иностранец, которого наконец поняли.

- Ну тогда забирай! - сказала луанийка и протянула перстень существу. Конечно по размеру, он явно был для человеческого пальца, для сяо перстень выглядел целым браслетом. Однако человек крепко ухватил его своими длинными пальцами, сказал что-то Лионзе, прыгнул на пол и пропал. Лионза вскочила следом, но сяо больше не было в комнате. Магия, да и только. Может, это ей все привиделось? Однако, сперма сяо текла по её ноге, убеждая в обратном. Лионза обтерлась и упала

на кровать. Надо немного полежать, пока её тело пронизано лучистым удовольствием от недавнего оргазма.

Однако, понежиться в постели Лионзе не довелось. Зазвенели знакомые колокольчики в шпильках, полог зашевелился и в спальню Лионзы заглянула Азами.

- Эй... - прошептала она, - ты не спишь?

- Сплю... - буркнула в ответ Лионза, но все же приподнялась с постели. Желанию поспать все же мешало любопытство. Зачем она опять пришла? Азами тоже расценила это, как приглашение. Она быстро прошла и села на край кровати.

- Слушай, - сказала она заговорщическим шепотом, - ты не обижайся на то, что было утром. Я не со зла. Просто, золотая шпилька... Она такая красивая...

Лионза сладко потянулась, как кошка, коснувшись ногой сидящей эльфийки. Та в этот раз не стала отпрыгивать, как тогда, в царской спальне.

- Давай меняться – предложила Азами, - что ты за неё хочешь?

Лионза усмехнулась. Все в этом дворце помешаны на безделушках. Но свой запас доброты она уже истратила на сяо, и не была готова так просто расстаться с царским подарком. В конце концов, это холодное оружие. Правда, против големов, что охраняют дворец, оно бесполезно. Лионза привстала, подползла сзади к Азами и слегка прикусила кончик её длинного эльфийского уха:

- Я не против... - тихо прошипела луанийка.

Азами часто задышала от возбуждения.

- И что ты хочешь? – спросила она жарким шепотом.

Лионза, сидя сзади, обхватила её голыми ногами и поцеловала в шею:

- Ты видела новый плащ у Киао?

Азами резко оттолкнула голову Лионзы:

- Эту пятнистую безвкусицу? Да, такое даже гоблины побрезгуют надевать!

Лионза оскалила зубы и попробовала укусить лесную эльфийку за плечо:

- И тем не менее. Моя цена – шкура леопарда. Иначе... никакой сделки...

Лицо Азами передернуло от смеси отвращения и ненависти.

- Смотри, Лионза – прошипела она по-змеиному, - я дала тебе последний шанс... Не хочешь по-хорошему, будет гораздо хуже.

- Я уже вся дрожу от страха. Совсем как ты, от возбуждения, когда я ласкаю твою нежную шею...

Азами вскочила, глаза её горели гневом.

- У тебя всё? – промурлыкала Лионза, сладко потянувшись в постели.

Эльфийка что-то прорычала и выскочила из спальни. Лионза улыbnулась и наконец-то погрузилась в глубокий сон без сновидений.

Лионза несколько раз видела Азами, пока гуляла в саду и обедала за большим общим столом, что накрывали для младших наложниц под открытым небом. Эльфийка в окружении своих подруг бросала на луанийку взгляды, полные ненависти, и что-то говорила. Её подруги на это заливались визгливым смехом.

Но Лионза в ответ на это раскрыла два пальца и пошевелила между них своим языком. Это вызвало новый приступ гнева у эльфийки, противный смех её подружек смолк. День тянулся медленно и монотонно. Лионза конечно же не рассчитывала на то, что Азами добудет её Раксена. Но тот или иной план его возвращения и дальнейшего побега, неизменно ломался о какое-то гипотетическое препятствие. Измученная этими мыслями, Лионза была даже рада наступлению вечера. Она дошла до кровати, рухнула на неё, чувствуя себя так, словно целый день сражалась с живыми мертвецами или скакала на лошади. Но за пологом вновь послышался знакомый звон.

- Принесла моего леопарда? - спросила Лионза, издевательски улыбнувшись. Однако улыбка тут же сошла с её лица: Азами, пытая и обливаясь потом, бросила на пол пятнистую шкуру. Лионза вскочила, не веря глазам. Да, это Раксен! Его нельзя было спутать ни с кем другим. Пятна, раны, полученные в боях, слегка обугленный кончик хвоста. Это был её давний друг.

Азами смотрела на Лионзу слегка опустив голову, даже в полутьме было видно как блестят её глаза.

- Теперь дело за тобой... - шепнула она.

- Да, конечно... вот... - Лионза была сбита с толку и растеряна.

- Вот... шпилька... и эту штуку на лоб тоже забирай...

Азами приняла из дрожащих рук Лионзы подарки, зловеще ухмыльнулась и вдруг закричала тонко и пронзительно. И так громко, что у Лионзы заложило уши.

- Воровка! Воровка! Грязная воровка!

Послышался топот ног, на крики сбежались почти все в женской половине дворца. Лионза, сбита с толку шумом ничего не понимала, она замерла, вцепившись в шкуру Раксена. Когда девушки расступились под мощным напором старшей наложницы, Азами закричала:

- Эта краснокожая стерва украла царский подарок!

Щеки Киао, похожие на два небольших мешочка, затряслись от ярости. Она была без пудры и румян, седеющие волосы торчали в разные стороны. Её лицо казалось ещё более широким и отдутловатым. А взгляд, что обычно смотрел поверх собеседника, сейчас яростно сверлил Лионзу.

- Взять её под арест! - завизжала она подошедшему голему.

- Но это не я... - смогла ответить только Лионза.

- Да! Я видела, как Азами несла подарок сюда! - неожиданно крикнула девушка-полурослик с множеством косичек.

- Это ложь! - закричала Азами и вцепилась в косички полурослика.

- Тихо! - закричала Киао, перекрикивая поднявшийся гомон, - под арест обеих! А там разберемся!

Арест явно не входил в планы Лионзы, несмотря на шум вокруг, она вспомнила, что ей приходилось выпутываться из более серьезных передряг. С ней Раксен, значит время пришло. Некогда размышлять! Она склонилась к его уху и произнесла заклинание. В мгновение на глазах визжащих девушек шкура превратилась в леопарда.

- Вперед, Раксен! Бежим отсюда!

Раксен растерянно моргнул глазами, однако ему было не впервой просыпаться посреди сражения или какой-то странной ситуации. Он оскалил желтые зубы, громогласно зарычал и прыгнул в гущу наложниц. Несколько в ужасе упали в обморок. Лионза метнулась в образовавшийся проход. Они что есть сил мчались по коридору.

- Кстати, где мы? - спросил Раксен, не снижая скорости.

- Черепаховый дворец! Сейчас налево! - ответила Лионза. На ней из одежды была только легкая накидка, в которой она обычно спала. Зато ничто не сковывало её движений.

- Теперь направо! Бежим к воротам!

По пятам слышался дробный топот каменных ног.

- Мой котик! Что ты сделала с моим котиком! - кричала им вслед Киао.

- Это она про меня? - удивленно спросил Раксен.

- Да... вы были с ней... отличной парой...

- Теперь понятно, откуда этот мерзкий запах духов... ап-чхи!

Леопард чихнул и в этот момент огромный голем-страж резким ударом отбросил его в сторону. Лионза прыгнула и кулаком вонзилась в его пустую глазницу. А вдруг, может там управляющий кристалл или что-то такое? Но это оказалось бесполезно. Тяжелая каменная рука сдавила ей горло. Что-то противно хрустнуло. Он сломал ей шею? Нет, всего лишь ошейник... Впрочем, следующий тяжелый удар в висок лишил Лионзу сознания, она погрузилась в темноту.

Лунная черепаха

Лионза долго лежала, прислушиваясь к себе и окружающим звукам. Конечно, она и раньше попадала в переделки, и открывала глаза сразу же, как только приходила в себя. Но в этот раз было иначе. Виной тому совсем уж забытое чувство, которое не посещало её около месяца. Голод. Не физический, а тот самый голод суккуба. Он пронизывал её тело, проходил по нервам, вызывал чувство пустоты и дискомфорта в том месте, где у человеческих женщин находится матка. Лионза чувствовала себя так, словно у неё между ног ещё один желудок и ему срочно нужна пища. Это было невыносимо. И это было

странно. Ведь с тех пор, как она была схвачена големами в Лунной стране, у неё не было этого чувства. Незвестная ей магия чудесным образом подавляла все её особенности суккуба. И вот снова? Интересно, почему? Она потрогала рукой шею. Ошейник был на месте. Однако что-то изменилось. Гладкий камешек в ошейнике не был больше гладким. Лионза чуть пошевелила его пальцем, и он раскрошился на несколько серых осколков и мелкие крупички. Странно, на вид обычная галька. Но, похоже, именно он блокировал её все это время. А во время побега голем повредил камень. Стоит проверить и остальные способности. Лионза облизнула сухие губы и представила, как бросает на пол и овладевает эльфийкой Азами по-мужски. И вот ответ на эту возбуждающую фантазию: она почувствовала, как растёт у неё в районе паха налитый кровью и желанием красный фаллос. Значит, все способности на месте. И чтение мыслей при соитии, и умение получать энергию, и умение её использовать в качестве магии. Лионза была снова собой. Но как это поможет ей выбраться из темницы, где она оказалась?

Она осмотрела место своего заключения. Маленькая комнатка с низким потолком и без окон. Стены сделаны из странного материала. Явно не дерево и не камень. Больше всего похоже на... кость. Гладкая и пористая структура. В камере — ведро для неотложных нужд, подстилка из соломы, на которой и лежала суккуб. Стены гладкие, без швов. А на потолке... Лионза едва не вскрикнула от неожиданности. На потолке было вырезано изображение полной луны, состоящей из узкого полумесяца и темной стороны. Знак, такой же как на перстне, что она отдала сяо!

Лионза встала, её немного пошатывало. Не столько от удара по голове, сколько от суккубьего голода и волнения от открытия. Проход из камеры в коридор не был закрыт дверью. Коридор был виден и даже соседняя камера. Однако это была нечеткая картинка, словно дверной проход закрывала какая-то рябь. Лионза коснулась её рукой, поле загудело и мягко оттолкнуло её пальцы. Такой магии луанийке не доводилось видеть за всю

свою жизнь. Странно. Похоже на защитное поле, что создают некоторые сильные маги. Но их поле напоминает сферу и бьет молнией, если случайно её коснуться. Да, луннары и правда странные существа. У них все не такое, даже магия.

В камере напротив что-то пошевелилось, Лионза услышала шуршание. Видно сквозь эту защитную пелену плохо, зато звук проходил нормально.

— Эй! — сказала Лионза шевелящемуся нечто. — Кто здесь?

— Всего лишь твоя кукла для развлечений, — донесся в ответ вечно обиженный голос Раксена.

Сердце луанийки радостно забилося, значит с леопардом все в порядке. Его, конечно, сложно убить. Разве что сжечь шкуру или разрезать её на множество частей. Но с местной магией можно было ждать самого худшего. Но, видимо, големы не стали изощряться и просто посадили волшебного леопарда в соседнюю камеру.

— Где мы, Раксен? — спросила Лионза.

— Судя по всему, по уши в грифоньем дерьме, — ответил Раксен.

— Это точно, брат, — отозвался незнакомый женский голос, молодой, однако низкий и с металлическими нотками.

— Так, мы тут не одни... — сказала Лионза, — давайте знакомиться! Я Лионза из Луании. А напротив мой друг Раксен из...

— Просто Раксен! После потери моего человеческого облика я просто Раксен.

— Я — Зери с Черного Побережья, — отозвалась незнакомая женщина.

Лионзе живо представилась красивая девушка с черной кожей, полными чувственными губами, огромной тяжелой грудью. Суккубу доводилось бывать на Черном Побережье, что к югу от Тифарейских островов. Там живут очень красивые люди. Именно там она и познакомилась с Раксеном...

— Тут есть ещё кто-то, кроме нас троих? — спросила Лионза, отогнав нахлынувшие воспоминания.

— Да, напротив меня новая пленница, доставили вместе с вами. Кричала, что это ошибка, что она не воровка.

Лионза улыбнулась:

— Привет, Азами!

Но эльфийка ничего не ответила. Лионза представила её гримасу гнева и отвращения, словно Азами была сейчас перед ней, и едва не рассмеялась в голос.

— Азами? — переспросила Зери.

— Да, мы вместе попались на возвращении украденной у меня вещи.

— Я не вещь! — возмутился Раксен.

— Да, прости, неправильно выразилась!

— Ты... ты ответишь за это, Лионза! — не выдержала Азами. Её голос был слабее обычного, видимо, она была сильно подавлена. Суккубу даже стало её немного жаль.

— Это все? — спросил Раксен.

— Нет, брат. Тут ещё одна пленница, за стеной от меня. Но она не особенно разговорчива. Иногда ходит, шуршит чем-то. А бывает — поет. Очень красиво. Но о чем, я не понимаю.

— Привет! — сказала Лионза.

В ответ послышалось тихое шуршание и снова тишина. Ладно, будем считать, что это было ответное приветствие.

— Ты давно тут, Зери? — спросила суккуб.

— Второй год. Из меня хотели сделать подстилку для этого серого червяка и его сестрицы. Но я при первой возможности накинула голему покрывало на голову и бежать.

— Неплохая идея с покрывалом! Я не додумалась!

— Толку от этого оказалось мало, потому я здесь. Ещё повезло, что успела покувыркаться с этими уродцами.

— Почему?

— Ну закон тут такой: если тебя коснулся царь, казнить нельзя. Вот и держат тут, пока сами не сдохнем.

— Что это за место?

— Подземелье Черепахового дворца. Могло быть и хуже. Тут хоть не сыро и не воняет.

— Да, тут странные стены.

— Мне девушки говорили, что тут все сделано из черепашьей кости.

— Это какого размера должна быть черепаха?

— Это большая черепаха, сестра. Та самая Лунная Черепаха, которая и принесла луннаров в эти земли. А у нас, в Катунге, говорят, что луна и есть огромная черепаха. Её запустила на небо Матушка Ойи ещё в начале времен.

Зери продолжала рассказывать древнюю легенду своего народа, а Лионза вновь задумчиво посмотрела на потолок, и лунный знак. Черепаха, что принесла лунаров в эти земли...

— А тебе не встречалась легенда о лунном перстне? — спросила суккуб Зери.

— Нет, — удивленно ответила девушка, — ну разве что детский стишок...

— Какой стишок?

— Да так... тут была одна служанка, совсем ещё девочка. Часто его повторяла, особенно когда тосковала по дому и родным. Я его уже почти забыла... Сейчас...

Лунный перстень поскорей подними под облака.

И неси отсюда прочь, пока сила есть в руках.

Азами презрительно фыркнула. У Лионзы немного похолодели кончики пальцев. И зачем она отдала перстень? Вдруг он и правда был волшебный? Коридор наполнился гулкими шагами. Голем-охранник нес миски с теплой похлебкой. Лионза откинулась на лежанку, а в голове раз за разом крутился странный детский стишок о лунном перстне.

Здесь был полумрак. От лунного знака на потолке шел едва заметный серебристый свет. Вторым источником света было защитное поле на двери. Голем, кстати, проходил сквозь него без каких-либо проблем. А жаль. Лионза надеялась, что в момент, когда он заходил в камеру, можно воспользоваться исчезновением поля. Какой-никакой шанс на побег.

Без окон сложно сказать, день на улице или ночь. Потому Лионза потеряла счет времени. Обед, разговоры с Зери и Раксеном, сон и чувство суккубьего голода, что не давало покоя, заставляло сходить с ума. Она уже возбуждалась от одного только голоса Зери или недовольных звуков, что издавала Азами. И зачем голем сломал камень в ошейнике? Так хотя бы помогали фантазии и два пальца в вагине. А сейчас? Фантазии лишь умножали муки, делали голод невыносимым, сводили с ума. Ещё немного и начнет царапать ногтями стены и выть. Потом биться головой о пол. Потом... Лучше даже не представлять, что будет потом.

«Лунный перстень поскорей подними под облака», — шептала она, глядя на лунный знак. И стало немного легче, Лионза заснула.

Проснувшись она от осторожного прикосновения к лицу. Лионза едва не вскрикнула от неожиданности. Прямо у неё на груди сидел сяо. Ещё несколько заглядывали своими немигающими черными глазами справа и слева. К своему стыду, суккуб точно не могла сказать, был ли среди них тот, кому она отдала перстень. Впрочем, это было не так важно. Реакция голодного суккуба была мгновенной. Она притянула ближайшего сяо к себе и жадно облизнула языком. От неё пошел жар и мощнейшая магия притяжения, которой мало кто способен противостоять. Разве что чистокровные гномы и ожившие мертвецы. Сяо, среди которых было четверо мужчин и две женщины, тут же распрямили свои гребни на головах, что видимо говорило об их крайнем возбуждении. Лионза жадно взяла в рот твердеющий маленький член ближайшего сяо, а руками схватила за члены ещё двоих. Женщины-сяо высунули длинные языки-щупальца, охватив её соски. Четвертый сяо-мужчина присосался к её клитору. Лионза закрыла глаза и отдалась самому приятному на свете занятию. Перед её внутренним взором проносился калейдоскоп чужих мыслей, эмоций, взрывы их чувств. И то, что она видела, захватывало не меньше, чем жаркая оргия с маленькими человечками.

Она, опьяненная забытыми чувствами мысленного единения с другими существами, как сквозь туман, чувствовала, как двое мужчин сяо одновременно засунули свои маленькие члены в её вагину. Лионза остро ощущала их удовольствие от того, что они трахают великаншу и от того, что их члены трутся друг о друга. Она чувствовала взрывы кайфа двух женщин сяо, которые оседлали её торчащие соски, стали насаживаться на них, словно на члены, в то время как оставшиеся двое сяо в этот момент фонтанировали ей в рот сладковатым семенем, и Лионза сама заходила в очередном оргазме, чувствуя, как им сейчас хорошо, видя причудливые образы, что проносились сейчас в

мыслях маленьких существ. Ещё один оргазм, в этот раз тех, кто яростно буравили её пещерку. Лионза сама не выдержала и застонала, едва не откусив член сяо, который тот не успел вытащить из её рта. Женщины держались дольше. Они никуда не торопились, получая удовольствие от каждого касания, каждого ощущения, каждой фрикции на упругих карминовых сосках луанийки. Они повернулись друг к другу лицом и жадно лизали друг друга языками-щупальцами, то захватывая подпрыгивающие маленькие груди, то скользя по животу, лаская клиторы друг друга, то поднимаясь выше к шее. Потом они неожиданно обвили языками вокруг шей друг друга, даря себе острые пронизывающие чувства, и кончили одновременно, заливая грудь Лионзы прозрачным соком.

Суккуб вся сжалась от пронизывающей её чистой энергии, сжала ноги, чувствуя как там бурлит и пульсирует горячий фонтан. Сяо, что не успели вытащить свои опадающие члены из её вагины, были сметены потоком сквирта, с пищанием отлетели прочь и шлепнулись на пол.

— Эй, сестра! — крикнула встревоженно Зери. — Что там у тебя происходит?

Но Лионза не могла внятно ответить, настолько она была во власти кайфа, который не прекращался, проходил волнами по всему её телу.

— Полагаю, с ней все нормально, — ответил за Лионзу Раксен. Он слишком хорошо знал свою хозяйку.

Когда Лионзу отпустило, она встала, радостная, полная энергии и главное, теперь точно знающая в чем секрет лунного перстня. Сяо лежали, кто на подстилке, кто на полу, и казались мертвыми. Лионзе стало стыдно, ведь у таких маленьких человечков не так много энергии. Но они были живы, хоть и в крайней степени бессилия. Она наклонилась над тем, которому она отдала кольцо и нежно погладила его по гребню. Теперь она

точно не могла его спутать с соплеменниками. Его звали Ки. И он был кем-то вроде принца.

— Лионза... — позвал её Раксен.

— Со мной все прекрасно, — отозвалась Лионза, — и у меня хорошие новости для нас всех.

— Это какие? — спросила Зери.

— Мы очень скоро покинем это неприятное место!

Сяо хорошо знали это место, ведь тысячи лет оно было их домом. Огромная Лунная Черепаха, что принесла народ луннаров с луны сюда, на землю. Когда-то луннары были такими же маленькими. Там, на луне, эти маленькие существа достигли больших высот в науке и магии. Но все имеет свою цену. Их мир, откуда они черпали энергию для своих магических экспериментов, не давая ничего взамен, однажды не выдержал. Начались невиданные бедствия: ураганы, засухи, землетрясения. В конце концов извергся величайший из вулканов. И это было не просто извержение, а страшный взрыв, что в одно мгновение сжег весь воздух, стер с лица луны почти все живое. Луна стала просто мертвым камнем в темном холодном пространстве. Но среди луннаров были те, кто предвидели эту катастрофу. Над ними смеялись, считали сумасшедшими и сектантами. Но те, не оставляя попыток образумить остальных, строили великий корабль, способный унести их в соседний, большой мир. Для его создания они вырастили огромную черепаху, поскольку только её панцирь способен был защитить странников от всех опасностей перелета. В день, когда вулкан уничтожил все живое на луне, черепаха с избранными уже летела прочь, в новый мир. Такой непривычно огромный и пугающий. Когда черепаха приземлилась, луннары вышли на поверхность, расселились на новых землях, смешались с местными великанами, став более

высокими и стройными. Однако были те, кто не захотел покидать их корабля-черепахи. Они продолжали жить в её трюмах и складах, в то время как их потомки презрительно называли их малышами-сяо. А позднее и вовсе забыли о том, что некогда они были одним народом. Как и о том, что это за корабль и зачем он был нужен. Часть его помещений стали использовать как подземелье и тюрьму. И лишь культ луны оставался напоминанием о том, что произошло в далекие времена.

Это все Лионза успела рассказать остальным, пока бедняги сяо приходили в себя от оргии, что им устроила голодный суккуб. Даже Азами и та неизвестная пленница прильнули к стене, слушая этот рассказ. По крайней мере, так показалось Лионзе.

— Это, конечно, интересно... — протянул Раксен самой зануднейшей из своих интонаций, — но не дает ответа на вопрос о том, как мы сбежим отсюда. Допустим, эти... сяо выведут нас из тюрьмы. Но черепаха находится под дворцовым садом. Нам предстоит очередная встреча с големами.

— Есть ещё кое-что! — радостно отозвалась Лионза, — это лунный перстень. Очень важный артефакт, который был утерян сяо. Они собственно и копались в вещах всех, кто был во дворце, лишь с одной целью — разыскать этот перстень! И вот они обрели его!

— И?

— Он ключ, способный пробудить корабль-черепаху!

— Так вот почему в том стишке перстень способен был поднять к облакам! — радостно воскликнула Зери.

— Заткнитесь вы уже! — раздраженно вскрикнула Азами. — Хватит этих детских сказок!

— Ты не любишь сказки, Азами?

— Нет в них никакого толку. В них всегда все заканчивается хорошо. А в реальности пираты убивают твоих родителей, насиляют твою сестру и брата, а тебя продают в рабство в страну на краю света!

— Эх, сестра... — отозвалась Зери, — у меня похожая история. Но сказки это единственное, что помогло мне не потерять надежду даже здесь.

— Ну и дура! — огрызнулась Азами.

— Эй, не так грубо, сестра. А то я...

— Что ты?! Придешь в мою камеру и вцепишься мне ногтями в лицо?

Азами резко прекратила свою тираду и застыла с открытым ртом. В её камере словно ниоткуда возникла луанийка в обществе шестерых сяо.

— Как... как ты?

— Это всего лишь сказки, Азами. Просто закрой глаза и не верь дальше!

Весь корабль-черепаха был испещрен небольшими лазами и тайными ходами. Сяо за тысячи лет проживания здесь узнали их как шесть своих длинных пальцев с присосками. Конечно, для Лионзы эти ходы были узковаты, но в целом их оказалось достаточно, чтобы протиснуться по ним из камер заключения в место гораздо более приятное.

И вот все пленники уже перебрались из своих камер в просторный зал с двумя большими круглыми окнами и сооружением на высоте, что напоминало капитанский мостик на корабле.

Лионза была первой и встречала каждого нового гостя радостными объятиями. Раксен, потрепанный, с недовольной мордой, но живой и здоровый. Взлохмаченная Азами, которая зашипела и оттолкнула Лионзу. Зери значительно превзошла ожидания Лионзы. Эбонитовая лоснящаяся кожа, большие чувственные губы, невероятное по красоте и стройности тело, огромная черная грудь, едва прикрытая лохмотьями одежды. Зери была не менее красива, чем Азами. Потому немудрено, что оказалась здесь, в гареме лунного царя. Она радостно улыбнулась белозубой улыбкой и крепко прижала к себе Лионзу. Зери оказалась выше луанийки почти на голову, потому лицо Лионзы вжалось между двух упругих грудей. Тем временем из прохода с большим трудом вылезла последняя пленница черепахового подземелья. Лионза и её спутники застыли от удивления и восхищения.

Перед ними стояла девушка с золотой кожей, вместо волос её голову венчала корона из перьев. На её бедрах, словно разделенная юбка, красовались два небольших крыла, а сзади пышный хвост, словно у фазана. Впрочем, сейчас он не столь впечатлял, как мог бы.

— Кто это? — спросили одновременно Зери и Раксен.

— Это же... киннари! — воскликнула Лионза. Она вспомнила, как Шанью рассказывал ей об этих существах. И она родом из Сивианны, страны, куда Лионза и держала путь до попадания в неволю. Киннари, услышав от суккуба знакомое слово, с достоинством поклонилась, не проронив ни слова.

— Какая красивая... — сказала Зери, подойдя ближе, — и за что же ты угодила под землю?

Киннари ничего ей не ответила, но от наметанного глаза Лионзы не укрылась одна деталь её внешности, скрытая крыльями на бедрах. У киннари, несмотря на две округлые женские груди, между ног свисал небольшой золотой член. Судя по всему, такого лунный царь стерпеть не мог. Впрочем, это не отвечало на вопрос, а плодило множество новых. Вид у киннари был

весьма подавленный. Она тихо вздыхала, погруженная в печальные думы.

Но разговоры и размышления прервал звон на капитанском мостике. Сяо по имени Ки ударил в небольшой бронзовый колокол, привлекая внимание к себе. Он важно заговорил, и теперь Лионза прекрасно понимала каждое его слово.

Ки сказал, что пророчество, наконец, сбылось, Лунный перстень вновь обретен благодаря чужестранке с красной кожей. Теперь ничто не мешает истинным луннам покинуть это место и найти себе более уютный дом. Столько лет они ждали этого часа, и вот он настал. Конечно, прежде в качестве благодарности корабль-черепаха доставит краснокожую чужестранку и её спутниц туда, куда они пожелают.

Лионза переводила его слова остальным и видела, как радостно горят глаза Зери, как распушила перья киннари, которая видимо прекрасно понимала лунный язык, и как помрачнела Азами.

Тем временем Ки поднял над головой перстень, демонстрируя его всем собравшимся. А сяо тут как-то незаметно для Лионзы, собралось огромное количество. Они ответили своему вождю радостным писком сотен маленьких глоток. Многие радостно щетинили гребни и высовывали длинные языки. Ки надел перстень на руку, словно браслет, и поднес его к круглой выемке, которая повторяла рисунок на его печати. Послышался гул, стены задрожали, в полутемном помещении вспыхнул яркий свет. Сяо запищали разом в восторге, но тут же свет погас, гул прекратился. Ки с непониманием и досадой посмотрел на браслет, попробовал снова. Слабое дребезжание и тишина. Сяо недовольно зароптали. Лионза побежала по лестнице наверх, поднялась на мостик к Ки.

— В чем дело? — спросила она сяо.

Тот беспомощно развел ручками.

— Сила! — крикнул кто-то из толпы внизу. — Сила!

Лионза посмотрела вниз и увидела старуху-сяо, что опиралась на корявую палку.

— Черепахе нужна сила! Это только ключ, но ещё нужна сила!

— И где её взять? — беспомощно пролепетал Ки. Вид у него был смешной, но при этом очень несчастный.

— Нужно принести жертву! Здесь, в священном круге! — крикнула старуха-сяо. Прочие человечки удивленно посмотрели себе под ноги и отступили. Лионза явственно увидела на полу круг, покрытый знаками, такими же, как на перстне. В круге остались только Зери, Раксен, Азами и киннари. Они не понимали языка сяо и были в недоумении от происходящего.

— Принесем в жертву чужестранцев! — пискнул кто-то из сяо.

— Верно! В них много силы! — поддержала его старуха.

— Этому не бывать! — закричал разгневанный Ки. — Мы обязаны им обретением ключа!

— А какой толк в ключе, когда нет силы, чтобы взлететь? — резонно возразила старуха. — Убьем великанов! Пусть ответят за всех наших братьев и сестер, погибших от их огромных рук!

Старуху поддержало дружное пищание множества сяо.

— Я властью этого браслета приказываю тебе замолчать, женщина! — закричал Ки.

— Стойте! — крикнула Лионза на языке сяо. — Я знаю, что делать!

Она спустилась вниз и стала в центре круга со своими новыми друзьями.

— У нас, в Луании, жертвоприношения не обязательно подразумевают чью-то смерть! Каким-то богам приносят статуэтки, каким-то льют свежее цветочное масло, а есть такие боги, которым приносят жертву в виде танца или соития!

— Не говори глупости, краснокожая! — зло закричала старуха.
— Нас не проведешь!

— Смысл жертвы в выбросе энергии, — возразила Лионза, — а добыть эту энергию можно многими способами. Дайте нам попробовать!

Поднялся гвалт, но Ки снова ударил в колокол:

— Властью браслета велю чужестранке Лионзе принести жертву в таком виде, какой она считает нужным!

Лионза сбросила остатки одежды. Она не раз приносила подобные жертвы, будучи храмовой танцовщицей. Танцевать надо было полностью обнаженной, и никак иначе. Ничто не должно сковывать движения, ничто — разделять танцовщицу и богиню. Лионза поднялась на цыпочки, сделала ритуальные движения руками и самозабвенно закружилась, не нарушая границ ритуального круга. Она не танцевала почти девяносто лет, но руки и ноги в точности повторяли все движения, словно она танцевала последний раз буквально вчера. Лионза то кружилась, то ритмично двигалась, имитируя страстный секс, то плавно покачивала бедрами. В её голове звучала музыка, забытая ныне музыка, что всегда играла в храме. Но здесь, в ритуальном круге, лишь луанийка могла её слышать. Краем глаз Лионза видела, как все собравшиеся завороченно смотрели на невиданный ранее танец. Все, даже Азами, что растеряла свою злость и надменность. Она стояла, широко открыв свои кошачье-эльфийские глаза, и накручивала на палец каштановый локон. Зери, возбужденная, тяжело дышала и поглаживала свою налившуюся упругую грудь. Только киннари оставалась печальной, к тому же Лионза заметила под глазами девушки-птицы темные круги. Она явно была больна, суккуб остро чувствовала неприятные флюиды, что шли от тела несчастного существа. Однако, несмотря на всё это, киннари слегка пританцовывала ногами в такт. Возможно, будь она в лучшей форме, немедленно бы пустилась в танец наравне с краснокожей танцовщицей.

Кожу суккуба покалывали сотни невидимых иголочек. Но энергии одного танца было недостаточно. Нужна была помощь друзей. Лионза приблизилась к Зери, схватила её за руки и закружила вместе с собой.

— Я одна не справлюсь! — сказала Лионза чернокожей девушке.

— Что нужно делать? — серьезно и испуганно спросила Зери.

— Расслабься и получай удовольствие! — ответила Лионза и впилась в большие сладкие губы Зери поцелуем. Та ответила луанийке не менее горячо и страстно. Немудрено, она не занималась сексом несколько лет, с тех пор как угодила под землю. Часто в камере ей снилось её родное черное побережье, ночь, высокое пламя ритуального костра, ритмичный стук барабанов и секс с множеством мужчин её племени, что мог длиться до самого утра. Как ей не хватало всего этого. Зери потянулась рукой к паху Лионзы и неожиданно нащупала там нечто, чего совсем не ожидала. Фаллос. И ровно такого размера, как у мужчин её родины, огромный, словно боевая палица. Она, не веря своим глазам, наклонилась.

— Вот это да! — выдохнула она восхищенно.

— Мир полон чудес, ты и сама это знаешь, Зери! — усмехнулась Лионза, вспомнив любовь чернокожей девушки к сказкам и преданиям. И тут же задохнулась от удовольствия, жадный горячий язык Зери заскользил по огромной красной головке. Черный палец девушки меж тем исследовал пространство ниже, гладил пещерку Лионзы. Суккуб обожала такое: одновременный минет и ласки её вагины.

Лионза посмотрела на Азами. Та сидела в центре круга рядом с Раксеном и закрывала лицо руками. Раксен тоже стеснялся и отворачивался. С леопардом было понятно: секс с участием суккуба мгновенно убил бы его. К тому же ему было не очень привычно лично присутствовать во время оргии, обычно он в это время был превращен в шкуру. А вот помощь Азами совсем

не помешала бы. Круг уже гудел, образуя энергетический купол. Но нужно было больше. Не сговариваясь, девушки с красной и черной кожей окружили лесную эльфийку. Та недовольно зашипела, словно кошка. Лионза близко наклонилась и шепнула, слегка укусив острый кончик эльфийского уха:

— Помоги... Мы без тебя не справимся...

Азами слегка скривилась:

— Тут каждый сам за себя.

Зери, что села рядом с эльфийкой, впилась поцелуем ей в шею, та дернулась, отстраняясь.

— Сейчас от всех нас зависит, сбежим мы отсюда или нет, сестра — тихо сказала чернокожая девушка.

— Но я не хочу отсюда сбежать!

Лионза провела рукой по пышной груди эльфийки:

— Неужели тебе некуда вернуться?

И почувствовав возбуждение Азами, она сама тут получила ответ на этот вопрос в виде яркого образа. Горящая деревня, мертвые эльфы, связанная Азами, совсем еще юная и невинная, и её сестра, что кричит, раздираемая двумя огромными членами. Потом цепи, рабство, долгий переход через степь, мертвые рабыни, которых бросают прямо на дороге, как падаль. У Лионзы покатились слезы по щеке. Гудение купола стало стихать. Только не сейчас! Зери с силой сжала сосок Азами:

— Сестра, мы тебе поможем, но и ты помоги нам!

Но эльфийку уже не надо было уговаривать. Пока на суккуба действовала её история, ослабив её чары, сама Азами уже успела им поддаться. Она впилась горячим поцелуем в губы чернокожей девушки. Лионза, утерев слезы, собралась. Сейчас не время раскисать. Она прильнула к эльфийке, та оторвалась от Зери и подарила не менее жаркий поцелуй Лионзе. Все три

девушки сплелись в клубок, даря друг другу жаркие ласки. Киннари устало сидела рядом с Раксеном, а тот пытался расспрашивать её на всех известных ему языках, но это было бесполезно.

Что касается сая, они совсем забыли, зачем они все собрались в этом зале. Танец Лионзы, а затем жаркий секс трех больших женщин ввел их в такой экстаз, что их собрание превратилось в огромную оргию. Лионза видела подобные в Кра-Акене, но не была уверена, что там они были столь масштабны. Сотни маленьких существ сплетались длинными языками, трахали друг друга членами, руками, ногами.

Лионза тем временем слегка толкнула Азами и Зери так, чтобы они легли на спину. Эльфийка и южанка, забыв обо всем, жарко ласкали друг друга.

— Трахни меня первой... — простонала Зери, левой рукой лаская свою пещерку, а правой Азами.

— Нет, меня... Мы с тобой... Раньше познакомились... — капризно возразила Азами, извиваясь телом от ласк Зери.

Лионза засмеялась:

— Раз так, придется мне показать вам, глупым, что умеют суккубы!

Её член поднялся, налился силой и стал увеличиваться вширь. Зери на мгновение ахнула от ужаса, ведь гигант уже достиг такого размера, что способен просто разорвать. Но к её ещё большему удивлению, огромный красный член раздвоился, разделился на два поменьше. Когда трансформация закончилась, у Лионзы между ног было сразу два крупных члена. Они слегка покачивались в полной готовности.

— Видите, ваш спор разрешить оказалось куда проще, чем предполагалось, — усмехнулась Лионза, склонилась, двинула тазом. Зери и Азами застонали в унисон, когда два члена суккуба одновременно проникли в них. К огромному

удовольствию Лионзы, обе вагины были мокрыми и горячими. Девушки сладко стонали, не разнимая объятий. Их чувства, мысли, воспоминания причудливо переплетались в голове луанийки. Впрочем, их жизни во многом, и правда, были похожи. Обоих похитили, обратили в рабство, увезли из родных краев в далекую Лунную страну. Только Зери не сдавалась, надеясь однажды вернуться, а Азами просто жила, не зная, куда деть свою силу, ум и страсть. Сейчас, когда один из красных членов яростно таранил её, доставая до самой матки, Азами впервые за многие годы была счастлива. Она впервые в жизни испытывала удовольствие от члена, но дело было даже не в этом. От Лионзы исходило столько доброты и уверенности в завтрашнем дне, что она просто таяла от этого тепла, словно восковая свеча. Подобного чувства она никогда не испытывала, разве что в подростковых фантазиях, когда представляла себе, как выйдет замуж за... Проклятье, она даже забыла, как его звали. И как он выглядел, просто мимолетный образ, что согревал её ночами в гареме. Лионза тоже видела это, и продолжая двигаться все быстрее, она не уставала удивляться. Ведь обычно это она, суккуб, брала себе чужую энергию, неужели и она сама способна что-то давать при этом другим?

Зери же вновь и вновь вспоминала Черный берег, костер, полную луну, бой барабанов. Она вспоминала, как же тогда было хорошо, и, забывшись, кричала что-то на своём языке. Лионза двигалась, огромные груди эльфийки и южанки колыхались в такт, они обе закрыли глаза, забывшись в удовольствии. Все три девушки кончили одновременно. Впрочем, их стоны заглушил гул и жуткий грохот. В момент, когда Лионза, Зери и Азами бились в сладостных судорогах, корабль поднимался в воздух.

— Ну, что? — спросила Зери, когда Лионза вошла в отведенную для гостей комнату. Она не отличалась просторностью, но зато в ней они больше не были пленницами.

— Сяо так рады, что готовы всех нас отвезти туда, куда мы пожелаем. И только после этого они будут искать себе новый дом.

Лионза села между Зери и Азами, слегка их приобняв. На соседней кровати киннари издала слабый звук, похожий то ли на стон, то ли щебетание. Бедному существу становилось все хуже и хуже. Она буквально таяла на глазах.

— В общем, сначала они отвезут меня и киннари в Сивианну, — сказала Лионза, — надеюсь, на родине ей станет полегче. Да, и мою миссию никто не отменял. Потом они отвезут тебя, Зери, в Катунгу.

Глаза чернокожей девушки засветились радостью. Азами, напротив, снова помрачнела и надулась.

— Но по пути в Катунгу, — продолжала Лионза, — они свернут немного на юг и остановятся в одном прекрасном месте. Знаешь, Азами, я и сама некогда потеряла свой дом.

Эльфийка недоверчиво посмотрела на Лионзу.

— Моя родина, Луания, давным-давно на морском дне... Я тоже была в полном отчаянии после катастрофы. Но знаешь, я все же нашла себе новый дом. Место, где живут бок-о-бок сотни рас и народов. Где говорят на всех языках мира...

Азами недоверчиво фыркнула, словно Раксен, когда он был не в настроении.

— Это город Кра-Акен, — спокойно продолжала Лионза, — и я полагаю, Азами, тебе он вполне может стать новым домом. Что скажешь?

Луанийка нежно провела пальцем по щеке эльфийки, та недовольно отбросила красную руку и ответила:

— Я подумаю...

— Лионза плохого не посоветует, сестра, — возразила Зери, сжав руку Азами в своей ладони. Эльфийка фыркнула гораздо тише и положила голову на плечо Лионзе, словно кошка, которой хочется немного тепла.

Они так и сидели вдвоем, пока лунная черепаха несла их на Дальний Запад, поднявшись выше облаков.

Торжество жизни

Дорога шла через благоухающий всеми ароматами луг. Удивительные цветы и ягоды всех возможных расцветок, мерный гул пчел и трава ярко-изумрудного цвета. Так красиво, почти как в Луании. Лионза очень любила Изумрудную долину, особенно поздней весной, когда её природа начинала цвести. Суккубу хотелось петь, или сбросить с себя одежду и кружиться в танце по этому прекрасному ковру.

Лионза любила жизнь, и сейчас мир вокруг был её воплощением, праздником, настоящим торжеством. Другим поводом для радости было то, что её старый друг, альд Лантаны Эрван, забыл старые обиды, больше не держал на неё зла. Ещё бы, он пригласил её на свою свадьбу, после стольких лет размолвки. Потому Лионза ехала на юго-восток, в сторону самой маленькой страны в Долине, Лантаны, и сердце её было полно радости. Хотелось плакать, но светлыми слезами. Чтобы смыть этим потоком все плохое, что происходило с ней все эти годы, оставить лишь эту радость и предвкушение праздника, совсем как в детстве. А вокруг неё кипела жизнь в лучшем своем проявлении.

Но все же что-то было не так. Лионза не могла расслабиться, отдаться этой радости, словно неистовому сексу. И дело было не в обычной осторожности рыцаря-драконьера. В этой идиллии было что-то не так. Среди изумрудной травы она видела нечто острое и зеленое. И это ни с чем спутать было нельзя. Гоблины! Мастера маскировки, особенно в лесу. Но острые кончики длинных ушей неизменно их выдают. Так и сейчас. Лионза окинула окрестности взглядом и насчитала пять пар. Странно, что они забыли здесь, в Изумрудной долине? И ладно бы ещё в пограничье, но здесь, под носом у флорианских следопытов? Эту загадку следовало разгадать.

Лионза остановила коня, но спешиваться не стала, чтобы не спугнуть. Гоблины, особенно самцы, существа весьма боязливые, несмотря на дурную славу, что о них ходит. И не то, чтобы эти слухи об их звериной жестокости несправедливы. Они правдивы, но в отношении мужчин. Их они не просто убивают, а мучат долго и с садистским сладострастием. Но что касается женщин, пусть и других видов, они их не трогают, если не прикажет их старшая самка, домина. А если её нет, они к женщине не подойдут на арбалетный выстрел. Всем известна поговорка, что любая дама пересечет Гоблинскую пустошь туда и обратно без приключений.

Судя по всему, в зарослях прятались одни самцы, и это было Лионзе весьма кстати. Они были достаточно близко, чтобы попасть под её чары суккуба. Но нужно было время, слишком сильны их инстинкты.

Лионза терпеливо сидела в седле, удерживая Зальца, который рвался бежать во весь опор через все это великолепие. Вот одна пара ушей исчезла, но лишь затем, чтобы появиться чуть ближе. Вторая пара тоже переместилась в её сторону. Гоблинов тянуло к ней с неодолимой силой. Вот один уже высунул зеленую голову с длинным кривым носом, но тут же быстро исчез. Лионза усмехнулась:

— Давайте ближе, ушастики, ближе... Не бойтесь.

Вот первый, самый смелый, вышел на дорогу. Маленький, сгорбленный. Если бы Лионза сейчас их стояла на земле, он едва доставал бы ей до пояса. Луанийка несколько раз имела дело с их доминами, они были вдвое выше, некоторые даже были одного роста с ней. Но их мужчин-коротышек она видела впервые так близко. Вот ещё один, следом ещё. Вот уже все пять гоблинов, настороженно шевеля ушами, словно лошади, боязливо моргая и пригибаясь, подошли к странной краснокожей самке. Они не носили никакой одежды, их небольшие члены подрагивали, готовые подняться. Под действием чар суккуба они явно воспринимали её как женщину

своей расы. Уши их, в отличие от членов, были довольно длинные. Побольше даже, чем у самок. Что немудрено. Длина ушей определяет их место в иерархии. Ведь тот, у кого уши больше, быстрее услышит приказ от домины. По крайней мере, так они сами считали.

Лионза высвободила одну ногу из стремени, позволила самому длинноухому почтительно поцеловать кончик её походной обуви. Стоящий за его спиной попытался лизнуть подошву, но получил подзатыльник от жоака, жалобно заскулил. Разговаривать с ними было бесполезно, потому Лионза рассчитывала прочесть их мысли. Но для появления контакта гоблины были недостаточно возбуждены. Суккуб ударила жоака хлыстом по щеке. У того выступили слезы радости, член его резко дернулся вверх. Лионза почувствовала чужой клубок мыслей и эмоций. Но разобраться в нём не было возможности, слишком темно сознание. Лионза вздохнула, на телепатический допрос явно понадобится больше времени и сил, чем она рассчитывала.

— Я хочу сойти! — приказала она.

Гоблины послушно сложились в удобную ступеньку, чтобы госпожа могла сойти с лошади. Когда суккуб наступила на них, что-то хрустнуло. Лионза вздохнула, искренне надеясь, что не сломала никому позвоночник. Но волны боли и удовольствия, полученные от её странных любовников, убедили луанийку, что всё в порядке. Они окружили её, стоя на четвереньках. Гоблины не позволяли себе никакой инициативы без приказа, даже поднять голову. Это было в них вбито сапогом матери.

— Ну же, — сказала Лионза вполголоса, обращаясь к себе, — зачем вы здесь, говорите...

Но в ответ она получала больше эмоции, чем связные мысли. Ночной переход через лес, страх, эльфы рядом, пожирание оленя ещё живым. Ничего интересного. Но кто же вас послал? И зачем?

Лионза наступила ногой на лицо жожаку, уши его мелко задрожали. Давай, сосредоточься. Но в ответ только воспоминания, как домина оказала ему огромную честь, избрав на время большого пира подушечкой для ног. На том пиру были какие-то переговоры, но с кем? Лионза наступила на лицо следующего гоблина. Уже лучше. Во время того пира он был прямо под госпожой. Она велела ему вылизывать её зад, пока она беседует с гостем. Но не видно ни лица гостя, ни уж тем более не слышно предмета их разговора.

Следующий... Во время того пира вовсе не было в землянке, он в кустах дрочил на обломок черного кривого ногтя домины. Опять не то. Следующий... Этот был подставкой для гостя. Тот держал свои ноги скрещенными, вытянув. Лионза почувствовала вместе с гоблином легкие запахи трав. Так не пахнет ни от гнома, и ни от человека, только от эльфа. И, наконец, последний гoblin с самыми короткими ушами. Он, как самый младший прислуживал за столом.

Ну-ка, что там у тебя? За столом с доминой и вправду сидел высокий эльф, но на его лицо был наброшен капюшон. Он говорил на языке гоблинов медленно, но без явного акцента. Впрочем, время от времени, не найдя аналогов в гоблинском, он вставлял эльфийские словечки.

— ... он поедет к невесте.

— Невешште? — переспросила домина.

— К своей домине.

— ШШШШеншшшшине... так бы и шшшшкажжал.

— Так вот, он поедет один и ночью. Это тропинка в лесу, будет хорошо освещена сияющими цветами. Ваша задача сделать так, чтобы он... так и остался на этой тропинке.

— Как-то вшшщё слишком легко. В шёём подвох?

— Священная Роща охраняется древостражами. Эльф или человек точно не пройдут. Да и ты тоже. А вот твои... хмм... мальчики вполне.

— Хорошшо... Только плата вперёд...

— Само собой. Кстати, возможно, ваша помощь и не понадобится, если... — эльф самодовольно хмыкнул, — если сработает отвар из клевера.

— Тогда зашшшем это вшшшё?

— Это на случай, если основной план не сработает. Тогда действовать будете вы. Плату можете в любом случае не возвращать.

— Да, ты хорошший... для глупого мушшщины... Не хочешшь шегодня ошштатья?

— В другой раз, Шешши, в другой раз... Есть много неотложных дел, альд сам себя не свергнет.

Лионза вздрогнула, совсем забыв, что стоит обеими ногами на маленьком субтильном гоблине. Альд? Убийство на тропинке? Та тропинка ведь часть свадебного обряда! Жених приезжает к невесте ночью через Священную Рощу, преодолевая ритуальные препятствия! То есть, Эрвана хотят убить?! Или отравить отваром клевера, или с помощью гоблинов. Впрочем, запасной план теперь точно не удастся. Нужно срочно скакать в Лантану и предупредить альда! Гоблин под подошвой Лионзы захрипел. Его удовольствие давно перешло в ощущение удушья. Суккуб торопливо сошла с последней жертвы. Лицо гоблина сейчас было не зеленым, а красным, почти одного цвета с кожей Лионзы. Все пятеро гоблинов лежали на спине, их члены торчали вверх, словно выросшие после дождя грибы. Суккуб фыркнула, зрелище было довольно забавное. Но она вновь придала себе серьезный вид и разрешила короткоухому кончить самым первым в благодарность за полезную информацию. Уши короткие, а всё слышат. Лионза всегда говорила, что размер не имеет значения. Он выстрелил таким высоким фонтаном, что

едва не задел Лионзу. Но она уже перекинула ногу через седло и готовилась мчаться изо всех сил по дороге на юго-восток. Природа вокруг была по-прежнему идиллически-безмятежна. Но Лионзе уже было не красоты вокруг.

Лантана была первым альдством в Изумрудной долине. Именно здесь осели эльфы-рабы, сбежавшие из древнего королевства Эргалла. Именно отсюда началась их экспансия на благодатные земли Долины. Именно тут находилось Священное Древо Близнецов. Потому неудивительно, что лантанцы до сих пор оставались верны традициям и консервативны. Тогда как другие эльфы перенимали у людей пашенное земледелие, способы ведения войны, обычаи и одежду, в Лантане жили так, словно Исход произошел пару лет назад. Это все способствовало своеобразию страны, но отнюдь не её силе и богатству. Впрочем, её альды, в том числе и Эрван, всегда считались моральными авторитетами, эдакой совестью эльфийского народа. И потому особенно не стремились к первенству.

Но соблюдать традиции в этом сумасшедшем мире становилось всё трудней и трудней. Потому альд Эрван и женился впервые, когда ему исполнилось 92 года. И дело было вовсе не в его легкомыслии. В жены альду Лантаны подходила только чистокровная эльфийка. Это определялось по огромному количеству признаков, от родословной вплоть до Исхода до замеров формы груди, ушей и черепа. И с каждым годом найти подобную женщину становилось всё труднее и труднее. Эрван нашел прекрасную Амелию много лет назад. Но проблема была в том, что она только родилась. И альду пришлось ждать многие годы, прежде, чем его нареченная достигнет совершеннолетия. И вот, когда будущей альде исполнилось ровно 20 и звезды на небе сошлись благоприятным образом, была назначена свадьба.

Церемония эта долгая и сложная. Сначала альд собирает всех своих слуг, вассалов и гостей. Он устраивает им большой пир.

Потом проводит торжественное богослужение. И наконец, когда солнце скрывается за верхушками деревьев, альд в одиночку едет через Священную Рощу, преодолевая препятствия, пока не приезжает к небольшому храму, где все это время ждёт его невеста.

Но до ночи было ещё далеко. Праздник был в самом разгаре. Лионза вбежала на поляну, слегка запыхавшись. Залыца ей пришлось оставить у входа в Священную Рощу, местные древостражи были суровы и непреклонны в этом вопросе. Сам альд Эрван сидел на трон-дереве, живом кресле состоящим из множества переплетенных ветвей и мягких листьев. Лицо его было покрыто сложным гримом, одежда состояла из листьев, костей, камешков, ветвей, искусно соединенных древней магией их бывших хозяев-эргалийцев. Но самым впечатляющим элементом одежды были конечно две живых змеи, что обвивали шею альда. Под действием магии лимонный полоз и черная ядовитая гадюка сидели смирно на эльфе, не причиняя ему ни малейшего вреда. Они символизировали собой Близнацов, единой сущности в двух разных телах. Такого уже не увидишь даже у Светлого Альда Илана, тот предпочитает стилизованное золотое украшение.

По левую и правую сторону от него прямо на траве сидели его гости. Многие нахмурились и презрительно скривились. Её тут не жаловали уже многие годы после той истории с Таррином. Но Эрван не повернул в сторону луанийки головы, продолжая сосредоточенно смотреть перед собой. В этом был весь он. Обряд прежде всего. Он отдавался всем этим глупым условностям полностью, словно речь шла о жизни и смерти. Хотя так написано на их скрижалях из больших листьев. «Неукоснительно соблюдай обряды и будет твой народ благоденствовать под сенью Великих Близнацов». Но друид Огден, старейший в Лантане эльф с огромной бородой, встал навстречу новой гостье:

— Приветствуем тебя на празднике, человек Лионза из Луании. Займи своё место в нашем круге!

— Послушайте... — сказала в ответ суккуб, — я тут узнала...

— Займи своё место, Лионза — перебил её Огден, указав на молодого эльфийского глиссара, рядом с которым ей надлежало сесть.

— Но...

Огден неодобрительно тряхнул бородой, гости скривились ещё сильнее. Он склонился и негромко сказал ей:

— Твое приглашение не означает прощения твоих проступков. Просто так заповедовано предками...

— Что именно?

— В день великого праздника прости всех своих обидчиков...

Лионза вздохнула, она-то надеялась, что Эрван и вправду передумал.

— Я узнала о заговоре против альда...

— Не говори глупостей, женщина — возразил Огден, — у нас в Лантане не бывает всей этой суеты.

— Но это так! Они хотят отравить Эрвана во время свадьбы!

— Кто?

— Я не знаю, лица не видела!

— Займи своё место, Лионза!

— Но...

— Займи место... Ты же знаешь, я почувствую любой яд на расстоянии. И я его не ощущаю.

Лионза вздохнула и шлепнулась на мягкую траву рядом с молодым эльфом. Тот слегка вздрогнул и отстранился от луанийки, словно от прокаженной. Ладно, она будет начеку, даже если её об этом никто не просит. Суккубу не впервой было спасать тех, кто этого сам не желает.

Подошло ещё несколько гостей, которые торжественно уселись на траву. Когда все были в сборе, гости образовали большой круг. Своего рода перстень, где драгоценным камнем был трон альда. Церемония началась.

Двое молоденьких эльфов торжественно принесли ритуальную чашу, сделанную из черепа Пророка Кедара, что вывел народ из эргалийского рабства. Лионза много была про неё наслышана, но видела впервые. Выглядела она совсем не так, как она себе представляла. Она думала, что чаша будет выглядеть, как страшный оскаленный череп, но на деле просто костяная пиала, сделанная из верхней части черепа. Впрочем, не стоило отвлекаться. Яд наверняка там, в душистом эльфийском хмеле! Первым из чаши должен испить альд, затем она по кругу пойдет к гостям. Лионза посмотрела на Огдена, что сидел по правую руку от Эрвана. Лицо старого друида слегка напряглось, ноздри раздулись. Он явно пытался почувствовать яд. Но потом оно расслабилось. Выходит, хмель не отравлен? Но Лионза чувствовала опасность, её интуиция редко подводила.

Эрван торжественно принял чашу и начал медленно подносить к губам.

— Нет! — закричала Лионза, вскочив на ноги, — не пей!

Руки Эрвана дернулись, он едва не пролил священное питьё. Гости зароптали, Огден встал, его глаза горели от гнева:

— Что ты себе позволяешь, человек?!

— Там яд! Я точно это знаю!

— Какой яд? — удивленно спросил Эрван, повернувшись к Огдену.

— Эта сумасшедшая говорит, что Вас кто-то желает отравить! Но я не чувствую яда!

— С чего ты так решила, Лионза? — мягко спросил Эрван. За толстым слоем грима сложно было увидеть его эмоции, и лишь

змеи на его шее словно слегка забеспокоились. Полоз высунул раздвоенный язык, гадюка нервно заерзала.

— Я слышала разговор... Они хотят отравить тебя... отваром клевера!

На мгновение воцарилась гробовая тишина, а потом словно гром разразился дружный смех. Лионза растерянно смотрела на эльфов, она была единственным человеком среди гостей. И те искренне смеялись, словно она была не драконьеркой, а придворным шутом. Впрочем, Огден и Эрван сохраняли спокойствие.

— Клевер не ядовит, — сказал Огден, когда смех стих, — он и как лекарство так себе. Займи своё место, Лионза!

— Но...

— Да свершится торжество! Торжество Жизни, которая вечно побеждает смерть! — сказал Эрван и сделал глоток из чаши.

Лионза сглотнула комок, глядя, как движется кадык по эльфийскому горлу. Тихо. Альд посмотрел на луанийку, которая так и не села, и сказал, слегка улыбнувшись:

— Я ценю твою заботу, недостойная. Потому не буду изгонять тебя с праздника. В хмеле и правда был странный привкус. Но меня это...

Его слова прервало змеиное шипение. К ужасу всех собравшихся, змеи начали извиваться, гадюка обнажила зубы и впилась альду в шею. Эрван закричал и выронил чашу. Лионза подбежала к альду. Полоз пытался скрыться в траве. Гадюку в истерике бил посохом один из глассаров Эрвана. Огден бормотал заклинание, альд с закрытыми глазами откинулся на спинку трон-дерева и тяжело дышал.

— Кто бы мог подумать... — сказал Огден, — клевер снимает заклятие со священных змей... Я ведь помнил это... много лет назад... Но забыл... старый дурак!

— У тебя есть противоядие? — спросила Лионза.

— Нет... — вместо Огдена ответил Эрван, — против их яда не может быть противоядия...

— Огден, что, совсем ничего нельзя сделать? — Лионза была в полном отчаянии.

Тот насуплено покачал головой. На величественного друида сейчас было жалко смотреть.

— Лионза... — слабым голосом сказал Эрван, — ты должна помочь...

— Как?

Он неожиданно взял её за руку.

— Торжество Жизни должно закончиться как надо... Я знаю, ты можешь мне помочь в этом... Ты же суккуб...

— Что?

— Ты способна носить в себе чужое семя и потом передавать его другим, — вмешался Огден.

— Да... могу... но что вы...

— Возьми моё семя... и... передай... Амелии...

— Но это тебя убьёт, ты слишком слаб!

— Я знаю... Но мне и так осталось недолго...

Лионза посмотрела на Огдена, испуганных эльфов, альда, который держал её за руку и заглядывал в глаза. У него такие большие красивые глаза, Лионза уже и забыла, как некогда тонула в них, словно двух хрустальных озерах.

— Сделай это... во имя... Жизни... пожалуйста...

Лионза вздохнула. Это всё претило её принципам. Но ситуация была критическая. Она молча кивнула.

— Оставьте нас! — напрягая голос из последних сил, сказал Эрван.

Лионза последний раз занималась сексом с Эрваном более 15 лет назад. Но с тех пор он совсем не изменился. Но это немудрено, чистокровные эльфы начинают резко стареть после 100 лет, а до того выглядят так, словно им от силы 20. Но таких почти не осталось в Долине, большая часть настолько перемешалась с людьми и гномами, что отличаются разве что остроконечными ушами, и то не всегда.

Лионза хотела освободить тело альда от одежды, но это не понадобилось: отвар клевера снял заклятие не только со змей, но и то, что соединяло все элементы костюма в единое целое. Стоило суккубу коснуться тяжело вздымающейся груди Эрвана, как его шикарный наряд осыпался кусочками коры и листьев. Тело эльфа было бледным, безволосым и гладким. Лионзу всегда оно восхищало своим совершенством. Впрочем, у неё не было времени на любование или прелюдию, она уже видела, как темное пятно порчи расходится по телу, захватывая шею, плечо, нижнюю челюсть. Обычный яд можно было бы высосать, но эта священная гадюка за годы воздействия на неё магии, накопила в себе немалый её запас. Эх, будь здесь целительница Асцелина, она бы точно смогла. Но она умерла, и другой такой больше в мире не было. Как бы Лионза хотела не забирать энергию и жизнь, а наоборот, отдавать. Но ничего не поделаешь.

Она быстро сбросила обувь и шоссy, оседлала чресла Эрвана, коснулась телом о член, что лежал, прижатый к животу. Она взяла его рукой, чувствуя, как он наливается силой. Лионза пощупала мошонку альда, она была туго набитой, Эрван по традиции хранил воздержание несколько недель до свадьбы. Что же, оно и к лучшему, Лионза боялась, что альд может умереть, так и не кончив в неё. Суккуб приподнялась и

направила в себя упругий эльфийский елдак. Эрван открыл глаза и слабо улыбнулся.

— У тебя было столько мужчин... — сказал он тихо, — а раковина все такая же узкая и сладкая... как у девушки...

Лионза ласково провела пальцем по его щеке и ласково прикрыла ему рот:

— Не трать силы на разговоры, мой господин...

Он полулежал в трон-дереве, а Лионза жарко постанывая, прыгала на его бедрах. Когда его длинный член достигал максимальной глубины, она откидывалась чуть назад, закрывала глаза и вскрикивала. Её берет упал в траву, иссиня-черные волосы ласкал теплый весенний ветер. Стонам суккуба вторили лесные пташки. Лионзе было так хорошо, что она на мгновения даже забывала, что речь идёт о жизни и смерти. Впрочем, Эрван разделял как её удовольствие, так и настрой. Он, чувствуя, как его член трется о бархатные стенки луанийки, а её тренированные мышцы сжимают его, усиливая наслаждение, вспоминал всех своих женщин и мужчин. А их было много за 92 года жизни. Но конечно, такой любовницы, как Лионза, у него не было никогда. Только с ней он мог бы заняться сексом на смертном одре. И дело было не в красоте. От неё шло такое тепло, такая сила, такая страсть, что альд сгорал в ней, как в сухой пруттик, что попал в бушующее пламя.

Эрван с силой сжимал её пышные ягодицы, он приподнимал зад суккуба и с силой насаживал на себя. Он так увлекся, что забыл обо всем на свете, даже о прекрасной Амелии, которую ждал столько лет. Лионзе так нравилось происходящее, что она прикусила нижнюю губу. По красной щеке катилась слезинка. Эрван притянул лицо суккуба к себе, впился страстным поцелуем. Она горячо зашарила в его рту языком, словно неопытная, но страстная ученица. На губах Лионзы был горьковатый привкус грима, нанесенного на его лицо. Она трахала эльфа с такой силой, что бедное трон-дерево содрогалось и хрустело, с его спинки сыпались листья, падая на

её распущенные черные волосы, плечи, идеально гладкую и красивую грудь Эрвана.

— Никогда не думал, что меня затрахают до смерти... — сказал альд. Его член, в очередной раз достигнув глубины, мелко запульсировал и Лионза почувствовала, как наполняется горячим эликсиром.

— Лионза... — стонал Эрван, — Лионза... знай... я... никогда по-настоящему... никогда...

Он выпустил в луанийку последнюю струю и неожиданно замер, оборвавшись на полуслове. А Лионза несколько мгновений ещё разделяла его огненный всплеск страсти, продолжая забирать его энергию и остатки жизни. Когда оргазм суккуба прекратился, Эрван уже не дышал. Порча не успела убить его, это сделала суккуб, забрав последние силы.

Он так и не успел закончить фразу, но Лионза давно прочла это в его мыслях. Он никогда по-настоящему не злился на неё. Просто по закону чести он не мог и дальше общаться с той, что погубила его двоюродного брата Таррина. Но теперь это было не так уж важно. Лионза встала с мертвого тела. Член Эрвана, ещё большой и твердый, медленно опускался вниз. Грим, нанесенный на лицо, почти стерся. Суккуб склонилась и нежно поцеловала Эрвана в щеку, которая уже начала чернеть.

Было уже темно, но тут, в Священной роще, мерцали разноцветными огоньками тысячи удивительных цветов. Красные, синие, желтые огоньки создавали ощущение праздника. А ещё в воздухе резвились стаи светлячков. Поляна вокруг небольшого круглого храма, похожего на огромный гриб, казалось, была наполнена волшебством. Лионза остановилась, невольно любуясь ночной красотой. Даже и не верилось, что не так давно умер её старый друг. Здесь все было так спокойно, безмятежно и красиво. Лишь ночная птица

немного портила идиллию, издавая протяжные плачущие звуки. Но возможно, она просто скорбела вместе со всем народом Лантаны.

Суккуб подошла к двери храма и трижды постучала. Дверь открылась и Лионза увидела легкий девичий силуэт. По обычаю, невеста к приходу жениха была полностью обнажена. Лионза невольно залюбовалась прекрасными изгибами тела. Высокая небольшая грудь, длинные ноги, густые зеленовато-каштановые волосы до самых ягодиц. Сами ягодицы небольшие, но идеальной формы. Интересно, их тоже замеряют, когда определяют чистокровность?

Амелия испуганно вскрикнула, она явно не ожидала, что вместо альда к ней придет странная краснокожая женщина. Но Лионза вместо слов протянула записку от Огдена. Девушка быстро прочла, и глаза её наполнились слезами. Лионза, которой все это время приходилось держать себя в руках, тоже не выдержала. Она обняла Амелию и они обе горько зарыдали.

— Что теперь будет? Что теперь будет? — повторяла Амелия, словно в забытьи.

Лионза нежно осушила её слезинку поцелуем:

— Всё будет хорошо. Ты сегодня зачнешь ребенка от Эрвана и он унаследует его трон-дерево...

— Но он же... — не договорив, Амелия снова разразилась рыданиями.

— Часть его во мне... Огден написал об этом.

— Но я все равно ничего не понимаю!

Лионза осушила слезу на другой щеке. Амелия часто задышала, её высокая грудь набухла, сосочки встали торчком.

— Я суккуб... — сказала Лионза после того, как поцеловала Амелию в мягкие губы. Девушка вопросительно посмотрела на луанийку. Она явно не знала значения этого слова. Немудрено,

долгие годы Лионза оставалась единственным в мире суккубом. Ну почти...

— В общем, долго объяснять... — продолжила Лионза, — я лучше покажу...

Она взяла руку Амелии и спустила её вниз, прижала к своему лобку, где уже рос и наливался силой длинный красный член, точная копия члена Эрвана.

Амелия испуганно вскрикнула, но Лионза нежно провела языком по её щеке, слизывая соленую влагу.

— Я имею немало разных способностей... Но одна из них состоит в том, что я могу принимать и потом отдавать другим семя... Во мне сейчас как раз семя альда Эрвана. Он очень хотел, чтобы ты...

— Я поняла! — ответила Амелия. Она мелко дрожала. Бедная девушка явно не так себе представляла первую брачную ночь. Но как истинная альда быстро взяла себя в руки.

— Не бойся, это будет приятно, — прошептала Лионза, нежно сжав пальцами её острые сосочки. Она исследовала тело девушки губами. Там, где Амелии было особенно хорошо, суккуб чувствовала легкую дрожь. Лионза уселась у ног эльфийки. Это было очень удобно. Можно было целовать внутреннюю сторону бедер, пальцами осторожно раздвигать девственные нижние губки, дразнить языком набухший клитор и задний проход. Она пробовала разные комбинации, но в конце концов остановилась на пальце на клиторе и языке, скользящем по створкам девственной раковинки. Амелия, нежно вздыхая, уселась Лионзе на плечи. Она гладила суккуба по черным волосам, двигала тазом навстречу её движениям и ласкам.

Прелюдия явно затянулась, но Лионза никуда не торопилась. Все-таки это был первый раз Амелии, нужно было как следует её подготовить, чтобы не было больно. Луанийке не так часто попадались девственники или девственницы, потому она сама

трепетала в некотором волнении, боясь слишком увлечься и как-то навредить.

Когда Амелия потекла так, что стала заливать лицо Лионзы, словно слезами, суккуб поняла, что пора переходить к самому главному. Из мыслей Эрвана и Амелии она уже знала, что по традиции первый раз должен быть только в позе оленя. Лионза взяла девушку на руки, отнесла в густую мягкую траву, осторожно поставила её на колени. Сама опустилась сзади. Девушка задрожала от ночной прохлады, легкого страха и при этом нетерпеливого ожидания. И Лионза не стала заставлять её ждать. Она осторожно прижала красный член к её мокрой и горячей дырочке и очень медленно и осторожно стала раздвигать головкой сомкнутые створки. Амелия вся сжалась, ожидая боли и крови, как её учили старшие сестры и служанки. Но она лишь чувствовала, как что-то горячее и упругое постепенно наполняет её. И это не было больно, а очень даже приятно. Более того, чем дальше, тем приятнее. Но при этом медленно, слишком медленно. Эльфийка застонала и двинула тазом навстречу члену, торопясь насадиться полностью. Когда ей это удалось, она остановилась, прислушиваясь к себе и новым необычным ощущениям.

— Мне говорили, что будет больно!

— Только не со мной, — усмехнулась Лионза. Она медленно вытащила член полностью и снова медленно и осторожно раздвинула головкой створки. Никакой крови. Лионза была довольна собой. Чистая работа.

Амелия слегка прогнулась, вновь ощущая в себе твёрдую упругость. Она окончательно расслабилась, щеки её покрылись румянцем. Лионза двигалась, не торопясь, спокойно и нежно. Эльфийка почти не нарушала ночной тишины. Потому аккомпанементом их жаркому сексу служили крики ночной птицы, стрекотание сверчков, шелест травы, тяжёлое дыхание и хлюпанье влажного отверстия, что истекало слезами любви.

Лионза двигалась, растворяясь в этой ночи, сливаясь с природой и миром вокруг.

Они кончили одновременно под утро. Амелия приподнялась, прижимаясь к паху Лионзы. Суккуб обнимала её сзади за грудь, продолжая вгонять член, что изливался внутрь семенем Эрвана. Потом Лионза опустилась на спину, а Амелия легла на неё. Они лежали, обнявшись и глядя на небо, где уже постепенно исчезали звезды. Длинные зеленоватые волосы эльфийки укрывали суккуба, словно одеяло.

— Ты уверена, что все получилось? — спросила Амелия.

— Уверена. Я даже знаю, что это будет мальчик.

— Если так, назову его Луан.

Лионза нежно укусила кончик эльфийского уха:

— Береги его. Те заговорщики явно не отступят.

— Я не боюсь. Нас ведь теперь двое...

И Амелия осторожно провела рукой ниже пупка. Лионза зарылась носом в густые волосы альды, от эльфийки приятно пахло луговыми травами и цветами.

Зов моря

Отцы и дочери

Хаос, крики, грохот. Стихия сметает в одно мгновение древние храмы, дворцы, прекрасные сады, массивные стены, словно они сделаны из песка. Огромная волна, размером с гору с размаху обрушивается на город, что кажется по сравнению с ней игрушечным. И только зиккурат, где находится Лионза, ходит ходуном, идет трещинами, но выдерживает удар. С его вершины юная танцовщица с ужасом смотрит, как её город, да что там город, весь её мир исчезает в темной пучине. Лионза кричит, но крика её не слышно за грохотом, скрежетом, шипением воды. Зиккурат клонится вниз, девушка бросается прочь. Но бежать некуда. Вода, повсюду вода. Море, всегда такое мирное, в одно мгновение ока, ставшее чудовищем. Сейчас оно поглотит и её тоже. Нет! Лионза уже чувствует на своей щеке холодный солёный поцелуй смерти... Нет, это сон! Пусть это будет сон! Лионза кричит, вода мощным ударом сметает её, словно куклу, покрывает с головой, с острой болью разрывает лёгкие. Лионза может лишь хрипеть, из горла вырываются только пузыри воздуха.

Нееееееееет!!!! Нееееет!

Лионза продолжала кричать и задыхаться ещё несколько мгновений, пока реальность вокруг обретала черты. Жара, песок, безоблачное голубое небо. И море, отвратительное море, что зловеще шипит совсем рядом. Луанийка резко вскочила, девушка, что стояла над ней и поливала грудь морской водой, резко отпрянула.

- Ты чего? Лионза! Ты чего? Я же прошутила... просто пошутила! Просто хотела разбудить!

Лионза помотала головой, рассеивая остатки кошмара. Всё было, как и раньше. Она на берегу южного моря и сестра Селинда решила подшутить над заснувшей Лионзой, полив пригоршней морской воды.

- Больше так не делай... - тяжело дыша, ответила Лионза.

Селинда испуганно тряхнула своими короткими волосами, стриженными под шлем. На её, совсем ещё детском личике, появилось искреннее раскаяние. Так забавно, особенно в контрасте с её большим неуклюжим телом. Ну как на неё можно злиться?

- Я готова искупить свою вину любой ценой... - сказала Селинда, потупив глазки. На ней сейчас был только серебряный знак Блинецов, амулет в виде бронзового осминога и песок, прилипший к мускулистым икрам. Небольшая грудь стояла торчком, кожа покрыта пупырышками. Она так долго плескалась в море, что Лионза успела заснуть на берегу.

- Что же, - сказала суккуб, плотоядно облизнув губы, - мне известен один способ наказания для таких, как ты...

- О, нет... сестра... - Селинда в притворном ужасе заломила руки на груди, - неужели Вы собираетесь меня трахнуть?

- Ещё как, младшая сестра, ещё как... - зловеще отозвалась суккуб, мягко и пружинисто приближаясь к жертве.

Селинда отступала, пока не уперлась спиной в скалу. Суккуб прижала её к этой природной стене, резко развернула к себе спиной.

- Прошу Вас, сестра... Будьте осторожны - простонала Селинда.

- А вот этого обещать не могу! - отозвалась Лионза, овладевая девушкой стоя. Селинда оттопырила свой аппетитный боковой зад и слегка приподнялась на носочках. Лионза, отравившая

член с большой мошонкой, каждый раз стукалась ей о пышную задницу девушки. Селинда каждый раз слегка приподнималась на пальчиках ног, когда огромная красная головка, доходила до самого конца её бархатной пещерки. Её прекрасное тело покрылось бисеринками пота. Селинда хрипло стонала, её вагина довольно хлюпала, Лионза, отвернувшись от отвратительного моря, самозабвенно таранила девушку, окончательно сбрасывая с себя остатки кошмара.

- Вы усвоили урок, младшая сестра? - спросила Лионза, не сбавляя темпа.

- Да! Да! Я была плохой... плохой... плохой... Наказывайте меня ещё... Ещё... Прошу!

Лионза, распаленная этими словами, а ещё больше потоком мыслей и фантазий Селинды, стала долбить её ещё сильнее, чувствуя как яркая вспышка оргазма, окончательно примиряет её с реальностью.

- Ты куда? – спросила Лионза, откинувшись на горячий песок, - опять в воду?

Обычно люди, эльфы, даже гномы и свинорылые орки после секса с суккубом валяются в полной прострации и бессилии. Но только не Селинда. Может, она полуогр? С ограми можно два раза подряд. По крайней мере, её высокий рост и массивное телосложение явно говорят в пользу этой версии. Суккуб невольно залюбовалась голой спиной, массивными ягодицами и ногами. Словно статуи древней империи Аркатур. Они ценили силу и красоту тела, изображая людей и гномов гипертрофированно могучими. Лионза часто видела их в домашних коллекциях у илаттийских купцов.

- Да! Может, составишь мне компанию?

Лионзу пробрал озноб при виде бирюзовых волн, что накатывали на песчаный берег. Она-то хорошо знала цену этой обманчивой безмятежности.

- Нет! – сказала она, - и ты долго не плещись, нас уже заждались в Инсмате.

- Зря! Море — это прекрасно! Будь моя воля, я бы его не покидала!

Лионза произвольно скривилась, что не ускользнуло от Селинды.

- Знаешь, - сказала она серьезно, - я часто слышу его зов. Особенно сейчас. Оно зовет меня туда, к себе, на самую глубину. Может, если бы ты попробовала хоть разок... тоже слышала бы этот зов?

Лионза покачала головой.

- Как только солнце коснется вон той скалы, мы продолжим путь! – сказала она.

- Но это совсем скоро! – по-детски надула губки Селинда.

- Не спорь со старшим братом... то есть сестрой! И потом командор уже заждался.

При упоминании командора Селинда закатила глаза к небу, вздохнула и пошла к воде. У неё было время сплавать до утёса и обратно.

Инсмата был маленьким рыбацким городком, что возник совсем недавно. Ещё век назад здесь была грозная республика Архана, которую боялись даже эргалийцы. Но в день, когда погибла Луания, страшные волны обрушились на все южные берега, оставив в руинах немало городов. Даже великий Кра-Акен чудом пережил катастрофу. А вот Архане не повело,

чудовищные волны не оставили от величественного города камня на камне. Удар был такой силы, что изменилась береговая линия, теперь на месте города был широкий залив. Конечно, часть жителей выжила, но влачила довольно жалкое существование. И вот эти пришедшие в упадок земли захватил илаттийский герцог Дория. Ему даже не понадобилось воевать, он просто приехал к поселению, что осталось от Арханы и объявил себя владельцем всех земель от Апельсиновых холмов до Тифарейского моря. Но строить новый город герцог тут не считал нужным, его вполне устраивала Брионна, его наследственное гнездо к северу отсюда. Он взял эти земли под свое личное управление, назначив здесь наместника. Первый наместник правил городом почти 60 лет, благополучно пережив двух герцогов. Но все люди смертны. Он скончался, а на его место был назначен новый, господин Тарталиан. Тут-то и начались проблемы, да такие, что пришлось вызывать командора Эмериса. А тот после разбирательства, срочно призвал на помощь ближайших братьев. И ближайшими братьями, точнее сестрами, оказались Лионза и Селинда.

- Кто такие? – грубо спросил стражник, выглядывая со стены. Солнце ещё не успело сесть, пыльная дорога, украшенная кипарисами, только-только погружалась в золотые сумерки. Но ворота Инсматы уже были закрыты.

- Рыцари Ордена Божественных Близнецов! – сказала Лионза, показывая серебряного дракончика на своей шее.

Но стражника почему-то это особенно не впечатлило. Он почесал грязную рыжеватую бороду и сплюнул.

- Знаем мы ваши штучки...

- Что это значит? – удивленно спросила Лионза. С тех пор, как она стала драконьером, Священный Знак всегда безотказно служил пропуском куда угодно.

- Того и значит, проклятые отродья! Вырядились рыцарями, и думали меня проведете!

- Открой ворота, иначе будешь отвечать перед наместником! – возмутилась луанийка.

Вместо ответа стражник поднял натянутый арбалет и прицелился ей в грудь.

- А ну-ка пошли вон отсюда! Меня не проведешь! У меня на нечисть глаз наметанный! Ты вот рога спрятала, а кожу красную демонскую не смогла! А ты вторая, небось мужиком хотела вырядиться, но сил колдовских не хватило! Да и где это видано, чтобы бабы рыцарями были! Какая глупая нечисть пошла!

Селинда покраснела, словно от стыда. Лионза хорошо знала, что девушка стесняется своего роста и неуклюжести. Надо проучить наглеца. Она уже начала произносить заклинание, чтобы вспыхнувший знак на время ослепил стражника. Он, конечно, выстрелит. Есть риск, что попадет. Нет, не то. А что если...

Её размышления прервал чей-то голос:

- Что здесь происходит?

- Да вот, не успели ворота закрыть, а нечисть уже в город ломится, господин капитан!

Рядом со стражником появился молодой смуглый мужчина с черной бородкой. Он окинул быстрым взглядом Лионзу и Селинду и строго сказал арбалетчику:

- Это сестры, которых мы ожидаем. Опусти самострел, невежа!

Стражник удивленно посмотрел на молодого капитана, видимо решив, что он попал под демонические чары. Но арбалет все же опустил.

- Поднимай ворота! – велел капитан.

Когда Лионза и Селинда оказались по ту сторону городской стены, капитан галантно поклонился:

- Капитан Бруно, к вашим услугам! Мне приказано сопроводить вас в замок наместника. Прошу простить этого олуха, здесь народ совсем дикий.

Лионза кивнула. В Цвиллиге давно привыкли к тому, что женщины могут быть воинами. Началось это ещё при Хильде Завоевательнице, которая не доверяя вассалам, создала личную гвардию из женщин. После произошел откат, гвардию распустили, хотя часть её ушла в Пограничные Марки, положив начало знаменитым Кедраварским амазонкам. Но в Багровую Смуту, когда в кровавой междоусобице погибла большая часть мужчин-рыцарей, вновь королевским эдиктом женщинам была дана подобная привилегия. Но с тех пор немало воды утекло, все снова стало возвращаться на круги своя. На Лионзу и Селинду все чаще смотрели косо даже в рядах драконьеров, где по-прежнему было немало количество женщин. Что уж говорить о южном Илатти, где о подобных эдиктах ничего не слышали...

Они ехали по узким улочкам, и местные смотрели на пришельц недобро, многие сплевывали подобно олуху-стражнику. Но ещё более недобро на них смотрел командор Эмерис, когда они оказались в замке. Его темные блестящие глаза фанатика смотрели на Лионзу с искренней ненавистью. Седая борода буквально встала дыбом, словно у разъяренного кота.

- Почему так долго? – спросил он.

- Это моя вина, командор, - поклонившись, сказала Селинда, - я испачкала одежду, пришлось сделать привал, чтобы предстать перед Вами в должном виде...

Эмерис перевел взгляд на младшую сестру, ноздри его раздулись от гнева.

- Как Вы смеете ко мне обращаться через голову старшего куратора!

- Ппппрошу ппппрощения! – тираду командора прервал слабый заикающийся голосок. Все трое драконьеров обернулись и

увидели небольшого округлого человечка в зелёном камзоле, с массивной золотой цепью, на которой висел ключ от города Инсмата. Видимо, это и есть наместник Тарталиан.

- Ппприветствую ввас в ммммоём гттггороде! – наместник слегка склонил голову, - мммы вввас очень ждали.

Командор молчал, тяжело дыша. Лионза и Селинда церемониально поклонились. За скромным ужином, в котором, кроме драконьеров, участвовали жена и дочь наместника, Лионза наконец узнала подробности дела.

- Это вввсё ммместные ссуеверия... Я вввсегда ттттак думал. И когда ммммменя ннназначили, то сстрога-настрога ззапертил этот культ. Ещё не ххватало, чччтобы жжжителн ннннашего герцогства в сссемисотый год от Явления Близнецов пппоклонялись кккаким-то зззлым духам!

Командор одобрительно кивнул, вытирая жирные руки о собаку, что подошла выпросить кость. Здесь было принято есть руками, и среди блюд доминировали мясо и рыба, которые Лионза не очень любила. Она даже подумывала дать монашеский обет в отношении этих блюд, в ордене некоторые братья так делали. Но в связи с путешествиями везде, где только можно, сложно было бы его выдерживать, даже суккубу.

- Культ? – переспросила Лионза, задумчиво крутя в руке запечённую ногу какой-то местной птицы.

- Дда, дикий культ пппоклонения рррусалкам!

Русалки? Вот уж действительно странно... Лионза за свою долгую жизнь встречалась с самыми странными и удивительными существами. Но о русалках никогда даже не слышала. Только глупые домыслы и сказки, которые никогда не подтверждались.

- И лладно ббы они пппросто им пппоклонялись! Они ппприносят жертвы!

При этих словах, жена и дочь наместника побледнели, словно осыпанные побелкой.

- Они бросают жребий – продолжила жена наместника, испуганно моргающая дородная дама, - такие таблички с именами всех девушек в городе. И они посмели вписать туда нашу дочь!

Девушка при этих словах задрожала и едва не расплакалась. Но продолжать было не нужно, Лионза уже поняла, что жребий выпал именно на неё, и наместник подобного стерпеть уже не мог. Он велел разгромить городскую ратушу, которая служила храмом русалочьего культа и арестовать нескольких жителей, которые считались жрецами. Но только, когда русалки не получили свою жертву, начались беды. Запутанные сети, перевернутые лодки и хуже того, рыба ушла из залива, оставив местных жителей без улова! Ситуация с каждым днем становилась все опасней, наместник попросил герцога выделить ему дополнительный отряд для усиления стражи, и вызвал драконьеров. Но оставалась одна проблема. Молодые девушки стали слышать в голове странные голоса, некоторые даже сны, в котором они обнаженные идут по берегу моря, и русалки утягивают их на дно. Жители стали покрепче запирают девушек на ночь. Но так долго продолжаться не могло.

- На что это похоже? – спросила Селинда у дочери наместника, - эти голоса...

- Не знаю... - потупившись ответила девушка, - это что-то вроде зова. Такой глубокий ласковый. Будто шипящий пеной и камнями прибой...

Лионза с Селиндой переглянулись, и вторая драконьерка залилась таким румянцем, что цвет её кожи стал неотличим от цвета кожи луанийки.

- Сестра Лионза пойдет одна! – гремел голос командора. Он, будучи меньшего роста, казался сейчас гораздо выше огромной нескладной Селинды, - я не позволю Вам участвовать в этом деле!

- Но, командор, Вы ведь призвали двух рыцарей, тут один точно не справится... - пыталась возражать Селинда.

- Это исключено! Как Вы смеее оспаривать приказы командора!

- Тогда... тогда... заберите вот это! Мне оно не нужно!

Селинда в сердцах сорвала амулет в виде бронзового осьминога и бросила под ноги Эмерису. Тот вздрогнул, как от пощечины.

Лионза, при виде этой сцены не знала, куда себя девать. Она терпеть не могла семейные разборки, а ни для кого в ордене не было секретом, что Селинда дочь командора. Да, даже безупречный командор, требующий всегда соблюдения всех правил, тоже в какой-то момент оступился. Конечно, с его точки зрения. Лионза уж точно в этом его не могла винить.

- Вы проведете эту ночь в башне, совершая должные молитвы!

- Но...

- Хватит мне перечить! Стража, сопроводите сестру в башню!

Когда сестру Селинду утащили два дюжих стражника, командор повернулся к Лионзе. Он её ненавидел ещё с времен, когда был послушником в Драконьем Бастионе. И Лионза искренне не понимала, как можно столько лет хранить это чувство. Лично она не могла кого-то ненавидеть дольше 2-3 лет, потом это чувство улетучивалось подобно духам.

- Сестра Лионза, - сказал Эмерис, - Ваша задача отправиться на берег моря и там наблюдать за всем подозрительным, что будет

происходить. В случае, если какая-либо жительница города поддастся чарам нечисти, не дать ей совершить роковой шаг!

Лионза подумала о мерзком, шипящем приборе море, и её передернуло. Но она слегка поклонилась в знак согласия. Приказ есть приказ.

Перед такой муторной и лично неприятной Лионзе задачей стоило выпить. То разбавленное вино, что пил наместник со своей семьей, явно не подходило на роль алкоголя. Это была просто слегка подкрашенная красным водичка. Потому прежде чем идти к морю, Лионза завернула в портовую таверну. Тут царили смрад, полутьма, чад от лампад, запах прокисшего эля, ругань и дробный стук игральные костей о деревянные столы. Среди посетителей одни мужчины. Судя по одежде и запаху, в основном рыбаки. При виде Лионзы, что выбрала свободный и относительно чистый столик, они разом смолкли и устались на неё, словно увидели демона во плоти. Но Лионзе это было не впервой. Она невозмутимо уселась, закинув ногу на ногу, и трижды постучала по столу, призывая слугу. К сожалению, благословенное изобретение кабиров, перегонный куб, ещё не дошел до этих мест. Потому вместо чудесного обжигающего эфира, тут можно выпить только вина с дурманящими травами. Но хоть так.

Лионза заказала кувшин. Остается надеяться, что они туда не плюнули. Но не успела она сделать и глотка, как к её столику подсел всклокоченный старикашка. Луанийка всегда готова была побеседовать с кем-либо, но только не сегодня. Впрочем, старик, видимо был типичным пропойцей. Такие пропивали в кабаках все, что только могли вплоть до дырявой обуви, и потом подсаживались к более платежеспособным клиентам, стараясь их развлечь беседой и жалостливо выпросить хоть глоточек божественной влаги. Впрочем, первое время старик молчал, жадно глядя, как Лионза осушает кубок за кубком. Вино было

острым, обжигало рот, но не за счет алкоголя, а за счет какой-то жгучей добавки. А так обычная разбавленная дрянь. Но оно давало нужный Лионзе эффект, и это главное.

Старый пьяница почесал бороду и не сводя глаз с кувшина, наконец сказал:

- Можно это... спросить?

- Спрашивай... - милостиво согласилась Лионза. Вино потекло по её телу, приятно согревая.

- Тебя на русалок послали охотиться?

- Может и так.

- Оно и правильно. С этими бабами только баба и справится.

Лионза ничего на это ответила, наливая себе ещё. Старик, глядя на льющуюся из кувшина жидкость, сглотнул и продолжил:

- Ну ты это не обижайся... Просто, непривычно видеть бабу вот так, в трактире. Им дома положено сидеть и нас потом полоскать, как мы домой приходим разогретые.

- То-то, вы своих... хмм... баб русалкам в жертву приносите.

- И то верно! От нас не убудет, баба-другая в год. Тем более, выбираем такую... с норовом и на внешность пострашнее. К чему они тут нам такие. Пусть их русалки сожрут. И так всегда было. Тем более, они по своей воле идут.

Лионза заволновалась:

- Они... что-то слышат?

- Мне почем знать, я же не баба! Но говорят, что в день жертвы, на них как бешенство находит, сами рвутся в море прыгнуть... И все без толку. Хоть запирай их, хоть бей смертным боем. Ничего не помогает.

- А зачем тогда жребий?

- Ну ты глупая баба! А еще мужиком вырядилась! Их всех ломает, а отдаем мы одну только. Если всех пускать, кого прижало, мы так без девок останемся!

- Вот оно что. Старый наместник не возражал?

- Господин Монкада? Он-то всё это и устроил! Когда наши сюда пришли, поселились, от русалок прохода не было. Город-то утонул старый, и был им знатный пир. Они с той поры жить не могли без человечинки! Постоянно лодки пропадали, рыба уходила. Не было покоя... Ну и наши, если русалку отлавливали, сразу ей хвост того... и потом уж она никуда не денется! Но слишком много наших тогда полегло, и Монкада по-тихому решил с ними договориться. Мы значит вам по девке в год, а вы нас не трогаете. И спокойно стало.

Лионзу охватило странное волнение. До неё только что дошла одна простая мысль, которая раньше казалась неочевидной.

- А ты или твои друзья видели когда-нибудь живую русалку?

- А то, как же!

Его выкрик привлёк внимание компанию моряков за соседним столиком, они даже бросили играть в кости.

- Ты пей больше, Септимии, и не такое увидишь!

- Да я ее видел, как вас сейчас!

- И где же?!

- В борделе! Мариса! Она русалка, что от своих сбежала!

- И почему она тогда с ногами, а не рыбьим хвостом?

- Хвост в сундуке спрятала!

- Не ври, старый дурень! Мариса - дочь рябого Тирония! Она сбежала из дома, блядовала где-то, вернулась, а отец уже от горя умер. Она помыкалась и в бордель подалась!

- Она мне хвост в сундуке показывала!

- А мне родинку на заднице! Мало ли, что там Мариса плетет! Она на голову слабая!

- И на передок!

- Так она и сбежала от русалок, потому, что по мужским причиндалам соскучилась! Там ведь бабы одни!

Лионза тихонько икнула, кажется, она дошла до нужной кондиции. Ругань явно переходила в потасовку, ближайший моряк уже схватил её собеседника за бороду, тот вынул из-за пояса нож для разделки рыбы.

Суккуб тихо встала и пошла к выходу. В кувшине оставалась ещё половина, но пусть это послужит призом победителю в этом бою.

Сегодня луна была в полной силе. Говорят, оборотни и вампиры в такие ночи особенно жаждут теплой крови и плоти. Что касается суккубов, они хотели секса независимо от лунных фаз. Впрочем, Лионза могла судить только по себе. Она неверной походкой шла по ночному пляжу. Её обдувал холодный сырой ветер. Бррр... ну и пакостно тут. Алкоголь начинал развеиваться, а ей ещё бродить всю ночь. Море никогда не молчит. И сейчас оно что-то противно шептало множеством голосов, словно сотня ведьм собралась на шабаш и бормочет черные проклятия. Может, это и есть тот самый зов, о котором говорили Селинда и дочь наместника? Но кроме привычного морского шума, Лионза услышала и другой. Шуршание. Кто-то пробежал по песку! Вон там, за камнем! Лионза нажала на рукоять урума, превращая его из гибкого металлического пояса в меч. Тишина. Но обостренный слух суккуба различал еле слышное ерзанье. Резкая пробежка, прыжок и луанийка уже на вершине большого, в человеческий рост, камня.

- Селинда? – Лионза замерла на камне, словно каменное изваяние на постаменте, - что ты тут делаешь?

Селинда, что пряталась за камнем, захихикала, словно маленькая девочка, совершившая шалость.

- Я сбежала!

Лионза укоризненно покачала головой.

- Не хочу я в башне сидеть! Пусть там сидят принцессы и монашки! Я все-таки рыцарь!

- Командор будет в ярости...

- А то! Как представляю себе его лицо, от смеха чуть не лопаюсь!

- Что будем делать? – спросила Селинда.

- Выполнять приказ, что ещё?

- Знаешь, с того камня отличный обзор, весь берег как на ладони!

Лионза улыбнулась:

- А это мысль!

- Что бы ты без меня делала!

Селинда без труда взобралась наверх. Лионза всегда поражалась силе и гибкости её тела. При таких-то неуклюжих параметрах тела. Немудрено, что она просто вылезла в окно и без проблем покинула замок. Едва взобравшись, Селинда заключила суккуба в медвежьё объятия и жарко поцеловала.

- Не надо... - шептала в ответ Лионза, - мы здесь для дела...

- Да ладно тебе... Давай совместим наши дела...

- И каким это образом?

- Ну... я могу встать на колени, а ты будешь сзади... И в этом случае от нас ничто не укроется... на берегу...

- В этом есть разумное зерно... - согласилась Лионза, чувствуя возбуждение.

- Значит, будем нести наш дозор и не дадим друг другу замерзнуть! - постановила Селинда и заняла позицию. Как и всякий драконьер, она носила мужскую одежду, потому её шоссы доходили почти до паха, где крепились к трусам брэ. Сзади, ради удобства и экономии времени рыцарей в походе, на брэ был большой разрез, чтобы опорожнять кишечник. Но сейчас этот разрез оказался удобен совсем для иной цели. Красные пальцы луанийки скользнули, нежно массируя массивные ягодицы Селинды. Та выгнула спину и часто задышала. Суккуб нащупала вход в заднее отверстие и осторожно, большим пальцем слегка его раздвинула. В то время, как средний палец уже скользил по половым губам драконьерки.

- Да... - томно протянула Селинда, - я так люблю, когда в обе дырочки...

- Вот так? - спросила Лионза, проникая в её дырочки пальцами. Впрочем, она уже давно это знала, поток мыслей и желаний девушки давно теснился в её голове.

Отец... Желание доказать ему свою значимость... Обиды... Боль... И зов... тот самый зов, что преследует её даже сейчас. Манит, зовет, волнует, шепчет множеством голосов. Он говорит ей, иди к нам. Тут хорошо. Тут нет боли. Нет обид. Нет отца.

- Ты чего остановилась? - капризно простонала Селинда, - продолжай... Только не пальцами. Мне нужно что-то более весомое!

- И чтобы ты хотела там почувствовать?

- Удиви меня!

- Ваше желание - закон! - усмехнулась Лионза. Между её ног вырос здоровенный член лесного орка. Нет, большеват. В мгновение он превратился в член гнолла. Нет, слишком

жесткий. Вот! То, что нужно! Двойной член нага! Как раз для тех, кто любит, когда в обе дырочки.

Селинда вскрикнула от неожиданности, а затем довольно заурчала.

- Да, я удивлена...

Лионза двинула тазом, вгоняя оба члена во влажную тёплую глубину.

- Очень удивлена... - стонала девушка, - да, вот так... удивляй меня, удивляй!

Лионза продолжала её удивлять протяжно и размеренно, чувствуя свои члены между упругими тонкими стенками. Селинда не стонала, а издавала низкие утробные звуки. Мощный упругий напор в нижнем отверстии и сладкая боль в верхнем, приносили такой кайф, что она тонула в удовольствии, словно в теплом море. Лионза и сама давно забыла зачем она здесь, вгоняя члены раз за разом, приближая девушку и приближаясь сама к оргазму. Они ничего не видели перед собой, лишь багровую пульсирующую пелену. Потому, в момент, когда оба её члена стали пульсировать, принося экстаз всему телу, до Лионзы не сразу дошло, что она видела в воде темный силуэт.

Селинда дергалась в оргазме несколько дольше. Она уткнулась лицом в камень и уж точно ничего не видела. Лионза быстро заставила член исчезнуть. Селинда подняла голову:

- Что такое?

- Кажется, я что-то видела...

- Где?!

Селинда вскочила, поправляя брэ.

- Там, в море!

- Это была русалка?

- Не знаю, не разглядела.
- Пойдём поближе!
- Селинда, не надо!
- Да ладно тебе, ты, что испугалась?

Лионза покачала головой.

- Тогда пошли!
- Но это может быть опасно!

Однако Селинда уже прыгнула вниз, мягко приземлившись на ноги. Со знаком Близнецов в одной руке и мечом в другой, она пошла к самой кромке вечно беспокойной стихии. Лионза прыгнула следом. Но так близко подойти к морю, все же не решилась.

- Видишь что-нибудь? - спросила суккуб.
- Нет... - странным голосом ответила девушка, - но я зато слышу.
- Что? Нет! Беги оттуда, беги!

Но Селинда, словно больше не слышала Лионзу. Она сделала шаг, потом еще один в сторону моря. Вот она уже по шиколотку в воде.

- Селинда! - крикнула суккуб и бросилась следом.

Драконьерка не обернулась, продолжая шагать в тёмную морскую бездну. Лионза добежала до кромки, но шипение и мерзкий соленый запах заставили её отпрыгнуть назад.

- Стой! - крикнула она. Но было поздно, девушка исчезла среди волн. Суккуб хотела броситься следом, она ведь умела плавать, умела. Пусть это и было очень давно. Лионза подбежала к воде, но страх вновь накрыл её. При виде очередной волны, она отпрыгнула назад, словно от чудовища. Она была одна, снова одна. Селинды больше не было. Здесь была лишь полная луна и море, что бормотало чёрные проклятия.

- Нет! - закричала Лионза, - неееет!

Но в этот раз кошмар не прервался от её криков.

Хвост русалки

— Селинда! Стой! Нееееет!

Селинда замерла. Лионза, стоящая у кромки воды, облегчённо вздохнула.

— Иди ко мне... — сказала она, протягивая руку.

Селинда развернулась и медленно пошла к ней, поднимая брызги своими большими ногами.

— Вот так, хорошо! — обрадовалась Лионза. — Иди ко мне!

Селинда подошла почти вплотную и посмотрела суккубу в глаза:

— Думаешь, что все так легко изменить?

Лионза вздрогнула. Это была не Селинда. У девушки, что стояла перед ней, была красная луанийская кожа и темные пронзительные глаза. Лиорона?

Лиорона заплакала и в этот момент огромная волна с грохотом обрушилась на них обеих, вырывая огромные валуны, сплетая в потоке все в единое целое: камни, деревья, человеческие тела.

Нееееет! Нееет!

Лионза резко приподнялась, тяжело дыша. Она была заперта в верхней комнате башне замка наместника. И окно в этот раз было закрыто и надежно заколочено досками. Накануне вечером командор, узнав, что Лионза не смогла остановить Селинду, велел заточить её здесь. А перед этим сорвал с неё Священный Знак Близнецов. И Лионза, что сама пребывала в шоке от

произошедшего, особенно не сопротивлялась. Комната эта в обычное время предназначалась для стражи, потому в ней были только мешки, набитые сырой соломой. На один из них Лионза легла и так лежала, глядя на деревянный каркас потолка, пока её не сморил сон.

Судя по всему, она спала совсем недолго, над Инсматой по-прежнему царила темная ночь. Тот самый темный час перед рассветом. Лионза опустилась обратно на мешок. Её мысли лихорадочно скакали, создавая из событий вечера и ночи причудливую мозаику. То заикающийся губернатор, то стражник на стене с арбалетом, то секс с Селиндой на валуне, то пьяные бредни в трактире. Пьяные бредни... Но, выходит, это её единственная зацепка. Лионза задумчиво почесала кончик носа. Пьяные бредни... Конечно, может, она зря потеряет время. Но лучше так, чем лежать тут и ждать непонятно чего.

Она допустила ошибку, и только она может её исправить. Но для этого надо выбраться отсюда. Путь, по которому вышла Селинда, надежно перекрыт. Но у суккуба есть всегда запасной вариант.

Она мягко вскочила на ноги, подошла к двери и начала сильно бить в неё кулаком. Тихо. Неужели, эти дурни дрыхнут? Лионза вновь заколотила с ещё большей силой. Шаги по лестнице. Как она и рассчитывала, один или несколько стражей было внизу, в нижней комнате башни.

— Чего надобно? — спросил грубый голос через дверь.

— Мне надо помочиться... — отозвалась Лионза.

— Ну ссы прям там... Герцогиня нашлась. Уж простите, ночных ваз из золота у нас тут нет!

— Эй, а ты не хочешь... посмотреть, как я это делаю?

— Чего я не видел, как ссут?

— У меня есть один знакомый гном, который очень любит, когда я делаю это прямо ему на бороду!

— Фу! Что ты такое несёшь?

Лионза улыбнулась, чары суккуба действовали даже через дверь. Судя по тому, как из голоса стражника уходила грубость и наглость, все шло как надо.

— В борделях Кра-Акена за это платят целым слитком!

— Всегда знал, что там одни извращенцы...

Стражник за дверью тяжело дышал. Лионза слышала, как снимает с пояса связку ключей, лихорадочно гремит ей, в поиске нужного. Наконец, дверь открылась. Лионза и правда присела, раскрыла брэ так, чтобы стражник мог лицезреть её прелести и выпустила на пол золотистую струю. Стражник весь покрылся испариной, на его пахе вырос внушительный бугор. Лионза продолжала, раскрыв вагину пальцами, глядя ему прямо в глаза. Он, не сводя взгляда с её пещерки, несколько раз дернулся. На месте бугра расплывалось мокрое пятно. Надо же, как быстро. Лионза и сама не ожидала, что все окажется так легко.

— Я же говорила, тебе понравится! — рассмеялась суккуб, проходя мимо несчастного, что бессильно оседал на пол.

— Ты в своем уме, демоница? — недовольно ворчала сонная взлохмаченная женщина. Её звали Пирина, и она заведовала местным борделем.

— А почему и нет? — игриво спросила Лионза, нежно проведя рукой по дряблой щеке Перины. — Я щедро заплачу.

— Бордель открывается только после полудня... И сейчас по приказу наместника он вовсе закрыт... — Пирина потихоньку отступала назад под напором странной краснокожей незнакомки.

— ... и мы обслуживаем только мужчин... Где-то это видано, чтобы женщина пользовалась услугами...

— Да почти везде, где я бывала! — возразила Лионза, облизнув темные губы.

— Но все спят... Ночь выдалась тяжелой.

— Значит, бордель все-таки работал, несмотря на запрет? — улыбнулась луанийка.

— Тебя это не касается!

— Ну, зачем так грубить... — вкрадчиво ответила Лионза, нежно проводя пальцем по щеке мадам. Она провела большим пальцем до самых губ. Пирина, поддаваясь чарам, часто задышала, поймала ртом палец суккуба.

— Меня интересует всего одна ваша девушка, — продолжала Лионза, — её зовут Мариса.

Пирину вздрогнула, но не выпустила палец Лионзы изо рта.

— Мариса... давно не девушка... она вышла в отставку пару лет назад... я её оставила тут прибираться... по хозяйству... ей ведь идти некуда...

— И где она?

— Когда началась эта история... она сбежала!

— Как сбежала? Куда?

— Не знаю... всё бросила и сбежала, даже вещи не забрала...

— Вещи? А есть среди них... сундук?

Лионза приблизилась почти вплотную, щекая дыханием шею мадам.

— Да... большой сундук... она не позволяла никому его открывать...

— И где он?

— Я покажу... Но прежде...

— Прежде я сяду тебе на лицо!

— Ты прямо мысли читаешь...

Море противно шипело, но Лионза почти не обращала внимания на его мерзкие звуки. Она в задумчивости сидела под тем самым валуном и крутила в руках то, что она нашла в сундуке бывшей шлюхи. Это и вправду было похоже на хвост русалки. Полноценный хвостовой плавник, как у огромной рыбы и тонкая прочная кожа, покрытая чешуей. Но только это было не похоже на отрубленный хвост или снятую шкуру. Это было похоже на облегающий костюм. Помимо основной части, Лионза нашла в сундуке перчатки из того же материала и маску с гребнем на голове. То есть, то, что Мариса называла хвостом русалки, было просто костюмом для ролевых игр. Лионзе доводилось примерять подобные. Но поражали его тщательность и продуманность. И этот странный эластичный материал. Лионза никогда не видела ничего подобного. Она все крутила в руках маску, разглядывая её. Прорези для глаз не пустые, сделаны из того же материала, только прозрачного. А в районе ушей что-то твёрдое, будто вшита пара камней. Лионза хотела вскрыть ножом, чтобы посмотреть, но передумала. Невольно залюбовавшись, она не захотела нарушать совершенство этой вещи.

А что если? Лионза, во власти безумной догадки, быстро привела в порядок свои волосы, и натянула маску на себя. Это был полноценный шлем, закрывающий полностью голову. Когда камни коснулись её ушей, она услышала тихий шум моря, такой, как в морской раковине. И голоса. Она не вполне понимала язык, он звучал совсем знакомо, но в то же время так непонятно. Но было ясно одно: эти голоса звали её, нежно уговаривали, шептали.

— Иди к нам... иди в море... тут хорошо... тут нет боли, нет несправедливости...

Лионза с трудом сорвала с себя маску и откинулась на камень, тяжело дыша.

— Сестра Лионза!

Лионза вздрогнула, по песчаному берегу к ней шла высокая худая фигура в серой робе. Командор Эмерис! Но бежать было поздно. Впрочем, Эмерис выглядел скорее усталым, чем злым.

— Ты тоже пренебрегла ночной молитвой?

Лионза сглотнула комок и кивнула. Но Эмерис смотрел не на неё, а куда-то вдаль.

— Ты ведь хорошо её знала... — сказал он задумчиво. — Вот скажи мне, почему она никогда меня не слушалась?

Лионза на мгновение задумалась, вспоминая то, что она читала в душе Селинды, и потом тихо сказала:

— Потому что она дочь своего отца.

— Что за чушь, я бы никогда...

— Неужели Вы бы не сбежали из башни? Особенно в её возрасте?

В глазах Эмериса вспыхнул гнев, но тут же угас, словно огонь, погашенный морской волной. Он молча погладил пепельную бороду и повернулся в сторону моря.

— Дело не в этом проклятом зове, — сказал он тихо, — она всегда стремилась туда.

Лионза кивнула, хоть командор и не смотрел сейчас на неё.

— Я ведь дал ей защиту... — продолжал командор, что-то вытащив из-за пазухи. Это был тот самый бронзовый осьминог, что Селинда постоянно таскала на шее вместе со Священным Знаком.

— Но она... она... дура!

Плечи Эмериса затряслись беззвучном в рыдании.

— Почему вы, молодые, такие дуры?

— Я старше тебя на пятнадцать лет... — сказала тихо Лионза.

— Знаю. Но ума за эти годы совсем не прибавилось.

Потом они стояли и смотрели. Лионза смотрела в небо, Эмерис в набегающие волны.

— Я так понимаю, ты что-то нашла? — сказал он более спокойным тоном после долгого молчания.

— Кажется, я знаю, как добраться до логова русалок.

— Тогда сделай это. Отомсти за Селинду.

Эмерис покопался за пазухой и вынул серебряный Священный Знак, что сорвал с Лионзы накануне. Она приняла его с благодарностью.

— И ещё... — сказал командор, — возьми это тоже. Тебе точно пригодится.

И он протянул ей бронзовый медальон в виде осьминога. Лионза удивленно посмотрела на Эмериса, но его крючковатый нос снова заострился, глаза зло заблестели. Она молча взяла амулеты и кивнула. Командор, ничего больше не сказав, быстро зашагал прочь.

Лионза ползла на руках по берегу, в сторону моря. Всё её нутро сжималось от отвращения. Хорошо, что с утра она ничего не ела, иначе желудок бы извергся. Видеть набегающие волны с высоты человеческого роста, как оказалось, было ещё приемлемо. Но таковы особенности этого дурацкого костюма. Ноги были плотно закутаны в рыбий хвост, потому до воды

приходилось ползти. Лионза, когда только его надевала, искренне надеялась, что он ей не подойдет. Но стоило ей продеть ноги в хвост, как волшебная кожа русалки мгновенно обхватила её тело, срослась на месте прорезей, став второй кожей Лионзы. Это немного пугало. Но ещё больше теперь пугала перспектива ползти к ужасающему морю в таком виде. Впрочем, когда Лионза смотрела на волны сквозь прозрачные глазницы маски, было не так страшно. К тому же её подбадривал тихий шёпот в ушах. В лицо суккубу плеснуло водой. Она вздрогнула, но отпрыгнуть назад, как тогда ночью, в этом костюме не получалось.

— Селинда! Я иду за тобой! — сказала суккуб, закрыв глаза.

К счастью, её новая кожа не пропускала воду. Лионза лишь чувствовала упругое волнение. Она была в воде. И это было неприятно, но не так страшно, как раньше. Она открыла глаза и поплыла. Лионза умела плавать, и в детстве делала это очень хорошо. Как оказалось, тело всё помнило, хоть и столько лет прошло. К тому же хвост русалки оказался прекрасным помощником, существенно добавляя ей скорости и маневренности. Вот уже исчезло из виду песчаное дно. Все чаще ей встречались стайки рыб, каракатицы, скаты, осьминоги, совсем такие же, как на медальоне.

— Тут хорошо... — так говорили ей камни в ушах.

Лионза не могла с этим согласиться, но и не могла отдать должного красоте, что перед ней открылась. Главное, чтобы не было акул или ещё каких морских хищников. В этом костюме она могла отбиваться лишь голыми руками. Удивительно, что благодаря странному каркасу на груди, она могла дышать здесь воздухом. И почему такой штуки не было там, в Луании? Сколько жизней можно было бы спасти...

Но куда плыть? Мариса оставила чудесный костюм, но не оставила инструкций, где искать логово. Впрочем, Лионза привыкла доверять своему везению и интуиции. Боги дали ей хвост русалки, укажут и на их убежище. Но пока она видела

лишь морскую живность и водоросли. Над Лионзой мелькнула тень. Акула? Суккуб-русалка метнулась в сторону вслед за испуганной стайкой рыб. Ещё одна тень! Что-то резко проплыло прямо перед Лионзой. Так, надо всплывать! Лионза устремилась вверх, к поверхности, когда перед ней возник её двойник. А потом ещё один. Лионза остановилась, невольно любуясь диковинными существами, совсем забыв о том, что сама сейчас выглядит точно так же. Гибкие, блестящие, обтекаемые. Гребни их имели немного разную форму, видимо, чтобы различать друг друга. Большие тёмные глаза. Носа и рта, как у Лионзы, у русалок не было. Они взяли её за руки и закружили в радостном подводном танце. Поднявшись почти до поверхности, они вновь резко устремились вниз, и Лионза последовала за ними. Она ещё не вполне освоилась с костюмом, и немного отставала.

А они увлекали её все дальше и дальше. Неожиданно перед ней открылась величественное зрелище. На дне, куда хватало взгляда, раскинулись руины огромного города. Башни, остатки стен, храмы, статуи из позеленевшего мрамора. Это же Архана! Великий город-государство, погубленный огромной волной. Русалки сейчас плыли по одной из улиц, что вела на широкую площадь перед дворцом. И тут, словно в прежние времена, кипела жизнь. Только вместо торговцев и путешественников площадь была наполнена множеством рыб всех форм и расцветок. Деревья, что придавали городу красоту и свежесть, теперь заменяли колыхаемые течением водоросли. Лионзе было душно в груди от переизбытка чувств и впечатлений. Такого удивительного зрелища ей не доводилось видеть ни разу. А она много чего видела на своём веку. Ей доводилось бывать там, куда не ступала нога даже Гуго Путешественника.

Русалки направлялись во дворец. Лионза, следуя за ними, оказалась в огромном полуразрушенном зале с множеством циклопических колонн. Одна из её спутниц остановилась и вдавила внутрь на одной из колонн неприметный выступ. Под русалками, на мраморном полу, со скрежетом открылось большое круглое отверстие. Суккуб в мгновение оказалась

затянута в воронку. Нееет! Лионза забилась в панике, вспомнив ночной кошмар. Но было поздно, дверь сверху вновь закрылась. Русалки подплыли к Лионзе и успокаивающе погладили по гребню. Вспыхнул яркий магический свет. А потом они терпеливо сидели, ожидая, пока невидимые механизмы откачают воду из комнаты, в которой они оказались. Когда вода осталась только на полу, одна из русалок приложила большой палец к груди и резко чиркнула им по направлению к животу. Её эластичная кожа тут же разошлась, словно расстегнутая одежда. Под ней было обычное женское тело. Вторая русалка сделала так же. Перед Лионзой стояли две женщины в странных набедренных повязках. Одна почти старуха, но ещё в соку, вторая совсем молоденькая. Когда суккуб последовала их примеру, они вздрогнули, схватившись друг за дружку:

— Ты не Мариса! — крикнула та, что постарше.

— Я нашла её костюм! — ответила Лионза, обдумывая, что делать дальше. Русалки не выглядели грозными убийцами или монстрами-людоедами. Ладно, во всем этом стоит разобраться.

В боковой стене комнаты открылась небольшая дверь.

— Девочки, что у вас тут такое? — спросил поразительно знакомый голос.

Сердце Лионзы радостно забилося.

— Лионза?! Ты?!!!

— Селинда!

И две женщины обнялись, плача.

— Я так и знала, что ты меня не бросишь! — радостно говорила Селинда, перебивая общий гомон. Лионза сидела в большой зале, которая служила русалкам столовой. Здесь сейчас было десятка два женщин самых разных возрастов, от совсем юных

до старух. Все они с нескрываемым любопытством смотрели на краснокожую гостью. Лионза тоже незаметно за ними наблюдала. Судя по тому, что они были примерно одного типажа, перед ней были бывшие жительницы Инсматы, которых в свое время приносили в жертву. Все из одежды носили только набедренные повязки из того эластичного материала, что и их русалочки костюмы. Лионзе было немного непривычно видеть вот так запросто столько обнаженных женских грудей всех размеров и форм. Но русалки относились к этому совершенно спокойно. Селинда уже успела сбивчиво рассказать, что в дни жертвоприношений в прибрежной зоне обязательно дежурят две-три русалки. Правда, откачать после попадания в воду удается, к сожалению, далеко не всех.

— Кажется, это твоё! — сказала Лионза, указывая на бронзового осьминога, что висел на её шее.

— О, папаша отдал его тебе? Ну и славно. Пусть у тебя и остаётся! Мне он никогда не нравился. Иногда лежу на спине, а он давит на грудь, словно тяжёлый камень.

Суккуб пожала плечами. Она не ощущала на себе пока ничего подобного.

— И как вам тут живется? — спросила Лионза, пробуя блюдо из водорослей, очень похожее на её любимую майсу. Слегка не хватало сладости и сочности. Но в целом ничего.

— Хорошо тут живется! — радостно сказала Селинда. — То, о чем я всегда мечтала!

Старая женщина по имени Клементия нахмурилась:

— А мне иногда не хватает поверхности...

— Это ещё почему? — вскинулась единственная среди русалок пышная блондинка с большой мягкой грудью.

— Ну знаешь, с тобой конечно хорошо, — Клементия нежно потрепала блондинку по щеке, — но мне иногда не хватает Риальто. Он был у меня первым и до сих пор снится.

— Фу! Ты только при Дельфине этого не ляпни!

— А я вообще не успела... — смущаясь, сказала юная Модеста, — я назначила свидание, он должен был залезть ко мне ночью в окно. И тут... за мной пришли жрецы!

— И ничего не потеряла! — сказала средних лет женщина с тонкими нахмуренными бровями и острыми грудями. — Это больно и унижительно. Все они — скоты и насильники. И Дельфина так говорит!

— Как вообще отсюда можно хотеть уйти?

— Но Мариса...

— Мариса всегда была слаба на передок!

— Не смей так о ней говорить!

— Девочки! Тихо! — прервала спор Селинда. — Теперь эта проблема решена раз и навсегда!

— Это как? — спросила Клементия.

— С нами Лионза! А у неё есть одна приятная штука, которая легко решит нашу проблему!

Суккуба было нелегко смутить, но Селинде часто это удавалось. Когда все замолчали и посмотрели на неё, она наверно покраснела, к счастью, этого нельзя было увидеть из-за того, что её кожа была и так красная.

— Мы думали, она будет твоей женой! — сказала маленькая носатая женщина. — Ты как раз без пары.

— Мы с Лионзой не жадные в этом плане — засмеялась в ответ Селинда.

— И что у тебя такого, чего нет у всех нас? — спросила Клементия, обращаясь к Лионзе, и тут же ахнула, прикрыв рукой рот. Остальные женщины окружили суккуба, отталкивая друг дружку, чтобы лицезреть явленное им чудо. Лионза в этот раз не стала экспериментировать, и выбрала свой самый любимый вариант — член в несколько ладоней длиной, с блестящей головкой.

Он был идеально совершенной формы. Удивительно, что Лионза скопировала его много лет назад у довольно заурядного мужчины, что был мелким рыцарем в южном Цвиллиге. Она даже имени его не запомнила. Но его член она использовала чаще прочих. Вот и сейчас он производил на собравшихся русалок вполне ожидаемый эффект.

— Морской бог... — выдохнула Клементия, что оказалась вместе с Селиндой ближе всех к этому чуду. Она благоговейно опустила на колени перед членом суккуба и осторожно провела по нему кончиком носа снизу вверх. Селинда, тоже опустившись, нежно прошлась языком по половым губам Лионзы. Суккуб откинулась немного назад, прижала к себе стриженную голову Селинды.

— Не останавливайся... — простонала она, — а ты, возьми в рот...

Когда её головка проскользнула между шёлковых губ Клементии прямо в её горячий рот, Лионза зажмурилась от удовольствия. Она просто обожала ласки обоих своих половых органов одновременно.

— Ах ты так! — возмутилась пышная блондинка. — Как ты можешь сосать у этого... этой...

Она не смогла договорить. Её огромная грудь уже вздымалась от возбуждения. Блондинка опустила на колени, бесцеремонно подвинув Клементию.

— Как ты можешь сосать это... без меня? — спросила блондинка и страстно поцеловала Клементию в губы. А потом

они взялись за красный член уже с двух сторон, исследуя его кончиками языков, иногда словно ненароком касаясь друг друга. Тем временем Модеста сладко стонала, пока рука женщины с тонкими нахмуренными бровями сновала у неё между ног. Остальные русалки тоже разбились на пары и тройки, сплетаясь в ласках и поцелуях. Маленькая носатая женщина подошла к Лионзе сбоку и они слились в долгом поцелуе. Суккуб довольно выдохнула. Она обожала оргии. Переплетение тел, чувств, мыслей. Это было самое прекрасное, что было в этом мире.

Первой Лионза овладела Клементией, что широко раскинула перед ней свои полные ляжки. Она протяжно охала, когда красный член упруго натягивал её вагину, которая за долгие годы так соскучилась по твердым и упругим проникновениям. На лице у Клементии сидела маленькая носатая женщина, зажмурившись от удовольствия. Селинда продолжала ласкать пещерку Лионзы. Но она больше не работала языком, а жарко стонала, поскольку её клитор в это время яростно вылизывала блондинка, которую в свою очередь трахала кулаком женщина с тонкими нахмуренными бровями.

Клементия кончила почти сразу, едва почувствовав в себе член, по которому она так скучала все эти годы. Следующей жертвой суккуба стала маленькая носатая женщина. Лионза подняла её за ягодицы и овладела стоя, удерживая любовницу в воздухе. Виана, так её звали, крепко прижалась к Лионзе и страстно укусила луанийку в плечо. У её ног бурно кончала блондинка, пока женщина с тонкими бровями вгоняла ей руку почти по локоть. Нежно металась в наслаждении Модеста под яростным напором Селинды.

Лионза потеряла счёт времени. Она двигалась, чувствуя все больший прилив сил. Её любовницы, достигнув пика удовольствия, падали без чувств. Вот лежат вповалку Клементия и Виана, а суккуб уже осторожно срывает цветок Модесты, лежа на ней сверху. Потом овладевает задним проходом женщины с тонкими бровями. Потом Селинда, Милана, Этрия, Белла...

— Что тут происходит? — слышался властный женский голос. Но никто не ответил, не было сил. Только Селинда с трудом встала и зачем-то прикрыла рукой грудь, словно стесняясь. Лионза с любопытством смотрела на новоприбывшую женщину. Она была высокого роста, даже выше, чем Селинда. Иссиня-черные волосы убраны в тугой хвост. Высокий лоб, который венчает диадема из ракушек. Удивительно красивые глаза темно-синего цвета. Подтянутая грудь среднего размера с темными сосками. Мускулистое тело, длинные ноги. Это, судя по всему, и была Дельфина, лидер местного сообщества. Она окинула всех быстрым взглядом и остановилась на Лионзе. Осмотрев её с головы до кончиков пальце на ногах, Дельфина молча кивнула суккубу и жестом пригласила последовать за ней. Селинда хотела было побежать следом, чтобы объясниться, но Лионза её остановила. Предстоял приватный разговор и лишние тут были не нужны.

— Убери это... — сказала Дельфина с отвращением указывая на член. Он тут же исчез.

— Так-то лучше... — прошептала она, — я трахаюсь только с женщинами, в отличие от моих подопечных.

Палец Лионзы скользнул к её идеальной безволосой вульве, но она была уже мокрая. Судя по всему, зрелище масштабной оргии сильно распалило предводительницу русалок. Потому они без особых прелюдий расположились в позе ножницы. Они, как две взрослые самодостаточные женщины, никуда не торопились. Тесно прижавшись друг к другу клиторами, суккуб и русалка вели неспешную беседу.

— Ты уже в курсе, кто мы такие? — спросила Дельфина.

Лионза двинула бедрами приятно соприкасаясь с русалкой и кивнула.

— Но все же непонятна ваша предыстория... — простонала она. Суккуб не могла прочесть мысли Дельфины, несмотря на то, что последняя явно не была гномкой.

— Предыстория довольно простая... — отозвалась Дельфина, — мой народ был нацией мореходов, ученых и магов. Мы многое знаем.

— Твой народ?

— Арханцы. Я была последней из мудрецов, особой касты ученых и изобретателей. Совет мудрецов правил республикой.

— Ты последняя из правительниц?

— Можно и так сказать. Я единственный член совета, которому удалось выжить после удара стихии. После управляла жалкими останками города справедливо и мудро.

— А потом пришёл герцог...

— Да... Тот северный варвар пришел сюда за мной. Эти земли после катастрофы мало его интересовали. А вот ко мне он воспылал нездоровой страстью...

— И ты не стала мириться?

— Да. Я как раз работала над способом проникнуть в затонувший город. Сама понимаешь, поднять со дна разные полезные вещи, книги, артефакты... Я создала первый костюм задолго до того, как пришёл этот дурак. Но в тот день костюм спас меня от позора. Я просто ушла под воду и решила больше не возвращаться.

— А твои люди?

— Они оказались слишком слабы. Не захотели сражаться во имя былой славы. Я их не виню. Но мне с этого момента стало с ними не по пути. Пусть пребывают во тьме и варварстве, это удел слабых духом.

— И ты решила создать свой народ?

— Да. И использовала для этого старый арханский маяк.

— Маяк?

— Да. У нас был особый маяк. Наши моряки шли не на его свет, а его голос. Где бы ни находился мореход, он всегда слышал голос, и шёл на него, чтобы вернуться в Архану. Я его немного перенастроила так, чтобы он был слышен только женщинам.

— Это и есть зов моря.

— Именно так! Зов! Приглашение в лучший из миров. Ты разве не слышала?

— Пока не надела костюм, нет...

— Странно. Хотя, может твоя двойная сущность его исказила. Интересное явление. Подумаю об этом на досуге.

Дельфина ускорила. Она закрыла глаза и Лионза почувствовала теплые волны удовольствия, что расходятся по телу её любовницы, заставляют её выгибаться и издавать тихие звуки, похожие на кошачье мурчание.

— Да, вам, суккубам, не равных в этом, — довольно сказала Дельфина, медленно вставая. Её немного шатало.

— Что теперь? — спросила суккуб, глядя, как Дельфина встала и подошла к столу, где находился арханский маяк. Он выглядел, как большой закрученный рог.

— Я усилю зов на полную мощь. Пусть все его услышат, и женщины, и мужчины.

— Но зачем?

— Я устала от этого города. Договор с ними был ошибкой. Рано или поздно они найдут наше убежище. Ты же нашла, думаю, прочие тоже не такие глупцы. Потому я просто их уничтожу. Это надо было сделать ещё тогда. Жаль, я в тот момент ещё не разобралась в полной мере, как работает маяк.

— Не надо! Ты погубишь сотни невинных жизней!

— Невинных? Мне плевать на их невинность! Я делю разумных существ на сильных и слабых. Первым жалость не нужна, а последние её не заслуживают!

— Стой!

— Поздно, суккуб. Твои чары тут бесполезны!

Дельфина склонилась над узким концом рога, сказала что-то на арханском и дунула в него. Голову Лионзы наполнило множество голосов. Они звали, тянули её. Она, словно сомнамбула, против своей воли, сделала несколько шагов к маяку. Дельфина засмеялась:

— Работает! Сейчас все они начнут прыгать в море один за другим!

Лионза подошла к самому раструбу и остановилась. Она ощущала странную вибрацию в районе груди.

— Постой... — удивленно сказала Дельфина, — а что это у тебя за странный амулет? Это же наша вещь! Это же...

Её слова прервал гулкий удар по потолку. Дельфина побледнела. Ещё удар, гораздо сильнее. Грохот. С потолка посыпалась пыль и куски камня.

— Проклятая предательница! Ты погубила... Погубила всё!

Эти слова были последними, что успела произнести Дельфина. В следующее мгновение на неё обрушилась тяжелая плита, и следом хлынула морская вода, которая снесла маяк. Лионза, освобожденная от его действия, отпрыгнула в сторону. И в тоже время едва успела увернуться от гигантского щупальца, что устремилось к ней. Это же тифарейский спрут! Гигантский осьминог, гроза южных морей! Так вот, как работает медальон. В случае опасности для носителя он призывает на помощь это чудовище.

— Что происходит? — донесся до Лионзы голос Селинды.

— Бегите, спасайтесь! — закричала луанийка. Но в ответ услышала отчаянный крик, другое щупальце уже схватило Селинду, третье кого-то из русалок. Их надо спасать. Но как? Лионзе был ведом лишь один способ. Она сорвала себя амулет и закричала:

— Отпусти их, тварь! Тебе нужна я! Давай повеселимся!

Лионза чувствовала разрывающую боль в лёгких. Она дергалась, пыталась всплыть, но тифарейский спрут, крепко обвивал её щупальцами. А одно, предназначенное ему природой для размножения, он пытался засунуть в её пещерку. И это было совсем непросто. Вагина Лионзы явно не было предназначена для столь огромной штуковины. Но для суккуба это был единственный шанс освободиться из захвата. Потому она всячески старалась ему помочь в этом. Она раскинула ноги как можно шире, оттянула половые губы свободной рукой. Внутри проник лишь небольшой кончик. Лионза потянулась ещё сильнее. Твёрдое чудище внутри неё продвинулось ещё глубже. Давай, ещё чуть-чуть... Лионза вскрикнула, но изо рта вырвался только большой пузырь. Она была насажена, словно на кол. Нечто огромное и чужеродное наполняло её всю целиком. К счастью, оно не пыталось совершать фрикции. Достигнув желаемого, щупальце для размножения, оставалось неподвижным, слегка подрагивая.

Ох, никогда ещё в Лионзе не было такого гиганта. Ну, давай уже. Давай, родной. Прошла целая вечность, прежде чем суккуб почувствовала, как по щупальцу движется жидкость. Как она выливается, наполняет её так, что бедный живот Лионзы вздулся, словно на последнем месяце беременности. Жидкости было так много, что Лионза испугалась, что её сейчас просто разорвет под её напором. Она просто лопнет, как лягушка надутая через соломинку.

По телу суккуба прошла дикая волна. Это не был оргазм разумного существа, с множеством мыслей и образов. Это скорее напоминало хлесткий удар, разряд молнии. Щупальца сжали Лионзу с такой силой, что у неё затрещали ребра. Ещё толчок, разряд, сжатие и в глазах Лионзы стало темно.

Лионза открыла глаза. Реальность в этот раз возвращалась с большим трудом. Снова берег, безоблачное лазурное небо, шелест моря. И три женские головы, что склонились над ней. Селинда, Клементия и Модеста.

— Жива! — ахнула Клементия.

— Раны зарастают прямо на глазах... — добавила Модеста.

— Простите... — сказала Лионза, — я не хотела.

— Это все мой проклятый папаша, ты не при чем, — ответила Селинда. Лионза с трудом встала.

— Но ваше убежище...

— Найдем новое. Я уже видела тут недалеко пещеру с входом под водой. Там вполне можно жить.

— Так ты не вернешься?

— Нет! Тем более, я нужна им... я теперь их лидер. А вот Клементия и Модеста хотят остаться тут.

Модеста покраснела.

— Только не возвращайтесь в Инсмату, — сказала Лионза, — здесь некуда идти, кроме борделя.

— А куда нам ещё идти? — вскинулась Клементия.

— Я предлагаю в Цвиллиг, замок Ней. Он с недавних пор принадлежит мне. Я напишу письмо Гримберту, он всё организует.

Клементия поежилась:

— Я человек южный, в Цвиллиге холодные зимы...

— Ничего, я привыкла, хоть гораздо более южная, — рассмеялась Лионза. Селинда тем временем уже надевала на себя костюм русалки.

— Подожди!

Лионза подошла к ней и крепко обняла.

— Пусть Близнецы хранят тебя... — сказала суккуб и поцеловала девушку в щеку.

— Надеюсь, ты теперь полюбишь его? — спросила Селинда.

Лионза посмотрела поверх её плеча на шипящие волны и поежилась. Они больше не вызвали страха, но и любви тоже. Скорее гадливость и отвращение. Да, людей Лионза не может ненавидеть дольше двух лет. Но она никогда не сможет простить море. Никогда.

Край карты

Заветная печать

Генерал Пи-Рот, в отличие от своих соотечественников-лунаров, любил совмещать приятное времяпрепровождение с пользой. Вот и сейчас он разложил на столике с картой краснокожую пленницу, смахнув на пол крошечных големов, которые обозначали войска. Но при этом, вколачивая свой маленький серый член в её попку, он продолжал допрашивать пойманную женщину. Маленькие големы, лежа на земле, смешно шевелили руками и ногами, пытаясь встать. Их большие собратья-часовые в его походном шатре невозмутимо наблюдали за происходящим, скрестив руки с лезвиями на груди.

— Луания это страна далеко в южных морях, — говорил он, ритмично двигая тазом, — что уроженка оттуда забыла здесь, на западном краю карты? Кто тебя послал и зачем?

Краснокожая женщина сладко стонала в ответ, её пышные груди с карминовыми сосками ритмично колыхались в такт:

— Все что мне нужно, это волшебное молоко си-юнай...

— И как тебя не схватили на восточной границе?

— Меня схватили... ах... ваши големы. Но я убежала... Да, вот так, быстрее!

— Темп здесь задаю я! — строго ответил лунар, продолжая двигаться в выбранном им ритме. Он пальцами теребил клитор пленницы, заставляя луанийку обильно течь. Её анальное

отверстие было так упруго и приятно! Надо уметь смаковать подобное удовольствие, словно сладкое ароматное вино из акации.

— Допустим, ты не врешь... — продолжал Пи-Рот, входя в красную кожу на всю свою небольшую длину, — но почему с тобой была эта умирающая киннари?

— Она тоже была пленница... да... вот так... и сбежала вместе со мной...

— Впервые слышу, чтобы киннари покидали свою долину... Ты что-то не договариваешь, мой сладкий персик.

Конечно, Лионза не договаривала. Но даже если бы она решилась рассказать генералу правду, он бы вряд ли поверил, слишком невероятны были её приключения в последние месяцы. Путешествие на Дальний Запад в поисках эликсира для излечения короля Цвиллига обернулось чередой не самых приятных приключений. То разбойники, то оборотни, то пленение и попадание в гарем Лунного царя. К счастью, Лионза и тут выкрутилась, найдя существ сяо, которые оказались древними хранителями летающего корабля-черепахи. На нём Лионзе и еще нескольким пленницам и удалось сбежать. Сяо, обрадованные тем, что Лионза нашла ключ и помогла кораблю взлететь, пообещала отвезти Лионзу и её спутниц, куда они только ни попросят. И суккуб, конечно же, попросила доставить её и киннари в Сивианну. Как ей объяснила дриада Росания, именно королева Сивианны может помочь королю излечиться от яда альрауны. Но ничего больше она не сказала. Таковы уж дриады. Мало того, что не могут нормально говорить, так и телепатически передают образы очень туманные и загадочные.

А приземляться их корабль-черепаха не мог. Вернее, конечно, мог, но лишь один раз. Второй раз запустить одряхлевший механизм уже вряд ли бы удалось. Потому, когда на одном из

горных плато, Лионза с капитанского мостика увидела причудливые здания, она попросила её высадить. Конечно, это могла быть и не искомая ей страна, но другого выбора не оставалось.

Поскольку корабль не мог приземлиться, Лионзу, киннари и Раксена высадили с помощью особой капсулы, сделанной в виде огромного пузыря. Стенки пузыря состояли из того самого силового поля, которым лунары любили здесь закрывать двери. Он был достаточно легким и прочным, чтобы плавно опустить троих пассажиров на землю. Жаль, что после приземления пузырь тихо зашипел, его стенки пошли рябью и исчезли. Корабль же развернулся и полетел на юго-восток, в сторону города Кра-Акен.

Раксен, как всегда, ворча и причитая, вез больную киннари у себя на спине. Если так подумать, они дошли туда, где никто не бывал. Они на краю света. Seriously, Лионза видела за свою жизнь много карт мира. И на западе они всегда заканчивались орнаментом Сивианских гор. Что за ними, никто не знал. От осознания того, что они дошли до самого края карты, у Лионзы по телу бежали мурашки. Но Раксен явно не чувствовал красоту и величие момента. Что за нытик? Не леопард, а изнеженная домашняя кошка.

Но не успела Лионза с товарищами пройти и полдня вдоль живописной речки в сторону высокой горы с водопадом и вырубленными в ней зданиями, как была схвачена големами и доставлена в шатер лунарского генерала Пи-Рота на допрос. Впрочем, в этот раз Лионза не была лишена своей магии, потому разговор с генералом быстро потек в нужное суккубу русло. Без долгих предисловий маленький лунар поднял Лионзу за пышные бедра и усадил на стол с картой, откуда смахнул маленьких големов на землю. Это была удобная позиция, Пи-Рот мог овладеть женщиной стоя, его пах был точно на уровне стола. Маленький серый член без особых церемоний начал

таранить её задний проход. Лионза стонала, обхватив красными голыми ногами щедедушные плечи лунарского стратега.

Если Пи-Рот наивно полагал, что сейчас допрашивает Лионзу, все обстояло ровно наоборот. При каждой фрикции перед глазами суккуба вспыхивало множество образов из головы генерала. И ей стоило большого труда их упорядочить. Слишком много всего: мечты, амбиции, честолюбие, влюбленность, досада...

Пи-Рот был потомственным стратегом. В Лунной стране это была особая каста, которая из поколения в поколение практиковала искусство управления големами. В отличие от королевств по ту сторону Железных гор, генералу не нужны были физическая сила и выносливость. Чтобы командовать армией големов, требовался, прежде всего, острый ум и умение выигрывать или проигрывать сражения еще до их начала, в голове. На особом экзамене, что проходил любой стратег, прежде чем получить свое первое назначение, он должен был показать хороший уровень владения играми гока и чат-ра. Первая учила мыслить стратегически, вторая тактически, на поле боя. Потому стратегами становились обычно не могучие brutальные силачи или маги, а щедедушные умники.

Пи-Рот всегда был одним из лучших. Блестяще сдав экзамен, он был направлен в Черепаховый Дворец, где представлен самому Луноликому Шанью. Все прочили ему должность как минимум военного советника при царе или главнокомандующего силами царства. Но судьба распорядилась иначе. Он неосмотрительно влюбился в Шани, сестру, соправительницу и супругу самого царя. Конечно, дело тут не могло дойти до чего-то серьезного, царица никогда не бывала одна, всегда рядом слуги и шпионы. Но даже мимолетный обмен взглядами и румянец на щеках Шани возбудили подозрения и царский гнев. Пи-Рот был отправлен на Запад. И не просто на запад, а в горы, которые орнаментом украшают край карты. И вскоре после прибытия

ему было приказано привести в подчинение страну Си. А это среди лунаров считалось гибельным делом. Сколько стратегов похвалялись, что присоединят к Царству эту небольшую долину. Но они отправлялись в горы и не возвращались обратно. Неутомимые големы в этих горах мало чем могли помочь. Возможно, поэтому границы Лунной страны на западе и востоке совпадают с горными хребтами.

Впрочем, Пи-Рот, проиграв в голове эту партию, сделал ставку не на големов, а на разного рода горцев, как с западной, так и с восточной границы. Экспедиционный корпус, который собрал генерал для похода, наполовину состоял из монгов, собакоголовых, йети. Конечно, стратегу, привыкшему командовать безропотными големами, было весьма сложно управляться с этим сбродом. Но, к счастью, ему помогал Бачай, огромный бородатый варвар, которому мало кто смел прекословить.

И вот корпус не без приключений и потерь из-за внезапной лавины и снежной бури добрался до заветной страны. Но дальше события приняли оборот, который Пи-Рот не мог ожидать. Страна Си встретила воинов почти полным запустением. Некогда цветущие сады засохли, сами киннари отказывались идти на какой-либо контакт. Эти воинственные существа, что никогда не отказывались от хорошей драки, сейчас просто не обращали внимания на пришельцев. Они летали на недостижимой для камней и стрел высоте, используя небольшие облачка. И не горели желанием спуститься вниз и надрать зад наглым захватчикам. В полной прострации они висели в воздухе или сидели на краю скалы, издавая жалобные мелодичные звуки. Это было довольно красиво, Пи-Роту звуки напоминали звук колокольчиков, которыми украшали коричное дерево. Такие деревья были в каждом уважающем себя луннарском саду как напоминание об утраченной родине.

Однако, лунары обычно, грустя под коричневым деревом, увешанным колокольчиками, смотрят на ночное небо, полную луну. Киннари же глаз не сводили с реки, что текла по их долине, водопадами стремилась вниз в Лунную страну. Лионза и сама успела полюбоваться этой живописной речкой, пока её не схватили големы. Но теперь, глядя на неё глазами лунарского генерала, суккуб видела совсем иную картину. Речка эта была не просто речкой, а истоком той самой Молочной реки, что давала жизнь всему Лунному царству. И она не должна быть столь живописной и главное прозрачной. Не зря река эта звалась Молочной, её нормальный цвет — белесый. Конечно, в долине она приобретала некоторую прозрачность, но здесь, в истоке она должна была быть подобной молоку, что льется из крынки. Это все из-за белых сгустков, похожих на жирные сливки, того самого волшебного молока си-юнай. Благодаря ему, все Лунное царство процветало и множилось, не зная неурожаев. И это до долины доходила лишь малая часть. А здесь си-юнай всегда было чистым и концентрированным.

И теперь его почти не было. Редкие белые шарики проскакивали в отвратительно-прозрачной воде. Собственно, потому лунарский корпус оказался здесь. Вовсе не из-за прихотей богатых вельмож, что возвращали себе с помощью чудесного молока молодость и потенцию. Нет, по пути сюда Пи-Рот уже видел множество обеспокоенных крестьян. Молочная река перестала давать жизнь. Меньше урожая, больше голодных и не пройдет и нескольких месяцев, как вся Лунная страна вспыхнет восстаниями. Это Пи-Рот тоже успел проиграть в голове заранее. Но, отправляясь в поход, он ожидал, что киннари всего-навсего перекрыли свою реку, отвели си-юнай в канал, чтобы не делиться с чужаками. Но судя по всему, они и сами не понимали, что происходит. И это наводило генерала на печальные раздумья, столь созвучные мелодичному плачу киннари.

Пи-Рот так увлёкся своим размышлениями, что в момент, когда ему надлежало бурно кончить в узкое отверстие пленницы, член его немного запульсировал, и не смог разрядиться. Лунар досадливо цокнул языком, но Лионза на это только улыбнулась и так сжала его мышцами, что генерал не выдержал и застонал от удовольствия. Он был готов снова излиться, но тут послышался шорох полога шатра. Генерал тихо выругался. Внутри шатра командующего големы-стражи могли пропустить лишь одно живое существо без разрешения Пи-Рота. Это был Бачай, огромный бородатый монг. Он держал в повиновении весь этот сброд, из которого состоял корпус, потому имел особые привилегии. Застав командующего в столь деликатном положении, монг только хмыкнул в бороду и подошел к столу. Лионза увидела, как твердеет в районе паха варвара большой упругий бугор. Она протянула руку и ощупала сквозь ткань наливающийся первозданной силой кожаный кистень. Бачай издал хриплый клекот, словно хищная птица. Лионза резким движением приспустила его штаны, огромная дубина вывалилась наружу, раскачиваясь перед лицом луанийки. Суккуб жадно впилась в большую солоноватую головку, запуская её то за одну, то за вторую щеку.

— Докладывай, — велел ему Пи-Рот, который продолжал ритмично вколачивать член в пленницу.

— Я послал блохастых к истоку, — сказал Бачай, скаля зубы. Он сгреб огромной ручищей голову Лионзы, буквально насаживая её ртом на свой набалдашник.

— ...Они дошли до водопада с отвесной стены... Вода идет из пещеры, там вроде сидит их король или королева. Но забраться туда можно лишь в одном случае: если у тебя есть проклятые крылья или сраные облачка.

— А пленных не удалось взять?

— Пока нет, но мы работаем над этим... Они скоро все сами попадают!

— Почему это?

— Они без своего молока быстро чахнут. Месяц-два, и потом болеть начинают, как та, что мы захватили вместе с вот этой, краснокожей...

— А она как?

— Да ничего, велел дать ей пару капель си-юнай, она сразу вскочила, начала щебетать что-то по-своему.

Сердце Лионзы радостно забилося. Вместе со словами монга, она явственно увидела образ из его головы, как её подруга по побегу приподнимается с циновки, удивленно вертит головой непривычно резкими птичьими движениями.

— И что она нащебетала? — продолжал Пи-Рот, несколько не смущаясь суккуба.

— По-лунарски не понимает, позвал переводчика, тоже молчит. Но ничего, скоро наша птичка все споет, что знает. Я к ней послал мастера, что раскроет её певческий талант, так сказать...

Лионза замерла. Её подругу сейчас допрашивают и пытаются? Ну уж нет! Она этого не допустит. Нужно быстрее заканчивать с этими двумя. Она проглотила член варвара так глубоко, что на мгновение показалось, что он достиг желудка и коснулся кончика головки лунара, что атаковал её задний проход. Генерала она с силой сдавила ногами и прижала к себе. Мужчины охнули и начали одновременно изливаться двумя

горячими струями. Семя Бачая наполнило рот, потекло по подбородку, прыснуло через нос. Семя Пи-Рота толчками выходило обратно из раздолбанного им отверстия, пачкая маленьких лежащих на спине големов. Лунар и монг почти одновременно опустились на землю, тяжело дыша.

Лионза сладко потянулась и села на столе.

— Думаю, вы должны пустить меня к той киннари, что я спасла из гарема! — сказала она, глядя на Бачая и Пи-Рота.

— Что ты сделала с нами? — еле ворочая языком, спросил Бачай, безуспешно пытаясь встать.

— Удивительно... — слабо прошептал Пи-Рот, — я ведь читал о подобной магии... Она забрала нашу силу себе. Как лиса-оборотень.

Лежащий на спине Бачай посерел:

— Будь ты проклята, ведьма...

Лионза засмеялась, подошла к монгу и босой ногой потрепала его окладистую бороду:

— Не волнуйся, силы вернутся к тебе!

Он тихо выругался и попытался укунить её за ступню.

— Ах ты, шалун... — сыто засмеялась Лионза, пальцами ног поддев широкие ноздри Бачая.

— Командир, прикажи големам... Её магия на них не подействует...

— Пусть идет, — меланхолично отозвался Пи-Рот, глядя в потолок, — хуже уже не будет.

Все-таки он не зря считался лучшим стратегом в стране. Просчитать эту партию в голове оказалось не так сложно.

Лионза вышла из шатра, големы стояли неподвижно, будто истуканы. Как Лионза уже знала из мыслей генерала, они не действовали без приказа Пи-Рота, который не вполне доверял своим живым подчиненным. В удивительно ясном голубом небе висело несколько золотистых точек, издающих печальный звон. Киннари. Лионзе довелось видеть вблизи лишь одну из них, ту, что она спасла из темницы Черепахового дворца. И сейчас её подруге нужна помощь. Суккуб свернула к большому шатру, где согласно воспоминаниям Бачая, сейчас находилась пленница. Впрочем, об этом можно было догадаться и по жутким звукам, что оттуда доносились. Боги, неужели Лионза опоздала? Какие муки претерпевает сейчас несчастная?

Суккуб резко откинула полог, мучитель и её жертва не обратили внимания на неожиданную гостью. Несчастная киннари лежала привязанная за руки и за ноги. А подле неё стоял маленький двуногий поросенок в одежде по лунарской моде и круглых очках. И он нещадно щекотал босые ступни киннари, а та извивалась в изнеможении. И это несмотря на то, что у девы-птицы нечеловеческие ступни с пальцами на пятке и петушиными шпорами. А сами ноги мозолистые и коленями назад. Но, видимо, даже её сейчас пронимало, каждое движение вызывало мучительные конвульсии.

— Пой, птичка, пой... — повизгивал поросенок, вернее, существо расы чжу, западных родственников лесных орков. Они

отличались от своих собратьев меньшим ростом, отсутствием волос на теле и гораздо более высоким интеллектом.

— Почему не поешь, пташка? А ты крепкий орешек. Ну, ничего, мы и не таких раскалывали...

Кажется, поросенок-чжу был столь увлечен процессом, что не замечал ничего вокруг себя. Лионза подошла почти вплотную и тронула рукой мучителя. Тот подскочил от неожиданности и хрюкнул:

— Как ты смеешь!

— Это ты как смеешь так обращаться со мной, Цэрин Цлах! — неожиданно на чистейшем луннарге крикнула связанная киннари.

— Так ты нас понимаешь? — в один голос вскрикнули Лионза и чжу.

— Конечно! Было бы глупо столько жить во дворце и не выучить этот обезьяний язык! — мелодично ответила киннари, — чего застыли? Немедленно развяжите меня!

— Вот и запела! — радостно потер руки поросенок в очках.

— Думаю, стоит её развязать... — вкрадчиво сказала Лионза.

— С чего это? — хрюкнул чжу, не прекращая щекотки.

— Так распорядился господин Бачай, он хочет допросить пленницу... сам...

— И почему он не пришел лично, а прислал какую-то шлюху из Кра-Акена?

Лионза, пропустив оскорбление мимо ушей, заговорщически склонилась над низкорослым свиноидом.

— Это потому, что... — Лионза протянула руку и резким движением воткнула два пальца в ноздри на пяточке. Тот захрипел.

— Это потому, что... господин Бачай и генерал Пи-Рот немного заняты, — закончила суккуб, заставив чжу приподняться на цыпочки. Ей было немного противно от того, что она сейчас делала, но иногда не хотелось пускать в ход свои чары ради каждой свиньи на своем пути. Тем более что пыточный арсенал поросенка явно не ограничивался одними перьями.

— Ну, так, что? Ты будешь хорошей свинкой? — спросила Лионза.

Чжу кивнул, насколько ему позволяло это сделать нынешнее положение.

— Что ты делаешь, отпусти его!

Лионза с трудом оттащила киннари от повизгивающего чжу. Она лежала совершенно спокойно, пока они со свиноидом её развязывали. Но стоило ей встать на ноги, как Цэрин с неожиданной прытью набросилась на своего мучителя, повалила животом вниз, и стала задирать его одежду. Её золотистый член распрямился, так что намерения были более, чем понятны.

— Он должен ответить за унижение! — крикнула Цэрин.

— Что он с тобой сделал?

— Я... ничего... просто щекотал... — беспомощно повизгивал чжу.

— Он вырвал перо у меня с головы! — возмущенно ответила Цэрин, — из моего царского плюмажа!

— Царского?

— Да, я Цэрин Цлах, Заветная Печать, Хранительница Священного Источника...

— То есть, ты и есть королева Сивианны?

Киннари вздохнула.

— Вернее, я была некогда Заветной Печатью. Но теперь уже нет. Зачем ты принесла меня сюда, Лионца? Все, что я хотела, это умереть. И даже смерть не способна искупить позор.

— Тогда, может, отпустите меня, госпожа? — вмешался в разговор чжу, — я возмещу Ваш ущерб любым другим способом.

— Правда, Цэрин, зачем тебе это? — добавила Лионза.

Киннари снова вздохнула и отпустила поросенка.

— Таковы наши традиции... — сказала она, — я потеряю честь, если не покараю его своим жезлом. Но терять-то уже и нечего.

— Вот Ваше перышко, госпожа... — чжу дрожащей рукой протянул киннари перо, и она уложила его в свой плюмаж.

— Так что тут произошло? — спросила Лионза, — если ты здесь, то кто тогда хранит Священный Источник?

— Это долгая история...

— У нас есть немного времени.

Киннари — странный народ. Лионза хорошо была знакома с устройством жизни гоблинов или степных эльфов, но куда им до киннари. На вид прекрасные создания, созданные для танцев, любви, веселья. Женщины с золотой кожей, с перьями на голове, иногда на плечах и руках. Что-то вроде кентавров, где верхняя часть человеческая, а ниже пояса — птичья. На поясе у них красовалось подобие юбочки из перьев, сзади пышный хвост, похожий на петушиный или фазаний. Но самое интересное в том, что у киннари нет мужчин и женщин. Они все имеют как член, так и вагину. Совмещая в себе женские и мужские черты, они должны быть идеально гармоничным обществом. Так, по крайней мере, всегда думала Лионза. Противоречия полов нет, что еще можно делить? Но киннари умудрились выстроить такую иерархию, что не снилось самой патриархальной семье. Когда рожать может всякий, этот процесс стал унижением. Ни одна киннари не даст добровольно себя оплодотворить. Чтобы завести детей, киннари приходится вступать друг с другом в настоящий бой. И проигравшая вынуждена терпеть стоически свой проигрыш. Это же относится к отношениям в принципе. Тебя может трахать только вышестоящий. Ты можешь трахать всех нижестоящих. Потому жизнь киннари — постоянная борьба и сражения. Даже их чудесные танцы — лишь тренировка ловкости, чтобы не проиграть в очередном поединке. Королева киннари не зря называется Заветной Печатью. По местному закону она может иметь всех, но её печать должна оставаться нераспечатанной до

конца жизни. Раз в несколько лет королеву можно вызвать на поединок и горе ей, если бой будет проигран.

Так Цэрин и взошла в свое время на престол. Победив и жестко поимев свою предшественницу, она мудро правила своим народом не один год. Тех, кто осмеливался бросить ей вызов, она побеждала с легкостью и потом трахала с особым удовольствием. У многих киннари так, секс без прелюдии в виде поединка сильно терял в своей остроте.

Но так было, пока в пещеру однажды не явился пришелец, от одного вида которого бросало в дрожь. У него были большие черные крылья, человеческое тело и птичья голова. Это был никто иной, как Птицеголовый, жуткая тварь по имени Гаруда. Согласно древней легенде, когда боги создавали этот мир, они создали два источника. Один из них — Источник Жизни, они поместили на западном краю мира и поручили его хранить киннари. Второй — Источник Смерти, они поместили на востоке, и поручили его гарудам. Эти источники стекают с гор в долину и встречаются в самом центре мира, образуя Срединное море. И вот эта тварь не просто явилась сюда, в страну Си, но посмела бросить вызов Хранительнице Священного Источника.

Бой был красивый, зрелищный и очень жестокий. Киннари, хоть и не могут летать с помощью крыльев, используют для этого облачка. Вернее, виманы, особые сгустки энергии, чем-то похожие на силовые поля луннаров. Каждая совершеннолетняя киннари умеет создавать у себя под ногами что-то вроде силового поля, на котором можно скользить по воздуху, словно на лодке в море. Пришелец же мог рассчитывать на свои могучие крылья. Однако удача изменила Цэрин. Она пропустила удар и упала прямо в бассейн с си-юнай. Птицеголовый спустился вниз, схватил её за хвост. Его отвратительный черный жезл вскрыл Заветную Печать, царскую девственную плеву, которая должна оставаться нетронутой до конца жизни. Он долго имел её, издавая мерзкий клёкот, и даже привыкшие к

подобному киннари, что наблюдали за поединком, в ужасе закрывали глаза или складывали руки в молитве. Цэрин было больно не столько от процесса, сколько от осознания того ужаса и унижения, которому она сейчас подвергалась на глазах её подданных. И когда, наконец, гаруда выпустил в неё свое гадкое семя, наполнив её пещерку до самых краев, она дала волю слезам. Впервые за историю страны Си чужак стал её правителем. А у Цэрин было лишь два выхода: броситься вниз со скалы или спуститься дорогой позора...

— И ты выбрала второе? — спросила Лионза.

Цэрин кивнула и заплакала.

— Я не нашла сил тогда убить себя... Не нашла. Я спустилась вниз, потом покинула Си, шла, куда глаза глядят. И так, пока не оказалась в плену и гареме этой лысой обезьяны.

— А из-за чего угодила в темницу?

— Киннари нельзя взять без боя...

— То есть ты поимела в зад Лунного Царя?

— Он так визжал, почище того поросенка. Пока прибежали големы, я даже успела кончить.

Лионза представила себе это зрелище и едва не рассмеялась. Но сдержала себя, это явно могло обидеть несчастную киннари.

— И получается, с тех пор, как там Птицеголовый, си-юнай перестало попадать в реку...

— Выходит, так...

— Но неужели никто не пытался его свергнуть?

— Может, и пытались. Но, видимо, он каждый раз побеждал.

— А ты... смогла бы ему снова бросить вызов?

— Нет, это не по правилам... Да и не победить мне его, тем более сейчас.

— А я бы могла бросить ему вызов?

— После моего поражения уже все можно... Но у тебя нет виманы, нет крыльев, как ты попадешь в пещеру? Я поднять тебя туда не смогу.

— Но ты же спустилась вниз!

— Дорога позора? Нет! Это недопустимо! По ней только спускаются... А подняться... Неужели ты готова к такому унижению?

— Если это спасет вашу страну, почему и нет!

Торжество справедливости

— Всегда ты меня вызываешь, когда нужно куда-то взбираться!
— ныл Раксен.

— Прости, но ты мне понадобишься там, наверху, — Лионза нежно погладила леопарда по голове, — мы не знаем точно, что за противник нас ждет. Твоя помощь в этом случае бесценна. Не дуйся, ты старый кот, я знаю, тебе самому нравятся наши приключения.

— Я не старый! Не произойди того случая... мне было бы сейчас 38!

— По меркам леопардов ты уже дед!

— Но я человек!

— Сам знаешь, у меня не было иного выхода.

— Нужно было просто дать мне умереть! Вечно лезешь, куда не просят. Вот и сейчас, дошла до края света, ради чего? Чтобы спасти короля?

— Чтобы жизнь продолжалась, Раксен. Чтобы жизнь продолжалась...

— У тебя на всё один ответ.

— Ой! — Лионза вскрикнула и не удержала равновесие. Немудрено, они поднимались по крутому и узкому серпантину, один неверный шаг и можно отправиться в покрытую утренним туманом бездну. Раксен сделал резкий выпад и схватил её зубами за шиворот.

— Вот видишь, что бы я без тебя делала!

— Вшшегда пошшалушшшта... — ответил Раксен, крепко удерживая луанийку зубами.

Остаток пути прошел уже без споров и препирательств. Дорога позора заканчивалась довольно узким проемом. Протиснувшись через него, суккуб и леопард оказались в просторной пещере. Она освещалась солнечным светом через сводчатое отверстие. В него же стекал вниз водопадом ручей, шел откуда-то из горных недр. Центр пещеры занимал просторный бассейн, в котором беспокойно шумела, пузырилась белая субстанция. Си-юнай! Однако, каналы, что позволяли стекать чудесному молоку в ручей, были надежно перекрыты камнями. В самом бассейне, у одного из его краев лежал человек. Точнее, антропоморфное тело, жутковатое существо без кожи. Острые уши, тонкие черты лица, на больших глазах нет век, но они смотрели перед собой

мертвым бессмысленным взглядом. Определенно это существо эльф. Эльф... если бы не зубы. Точнее, жуткие звериные клыки. Вампир! Существо в бассейне было вампиром. Но определенно, мертвым вампиром. Или ещё мертвым. Тело его отвратительно пульсировало, словно бьющееся сердце. У одного из краев бассейна лежала мертвая киннари с перерезанным горлом. Кровь ещё продолжала стекать вниз, смешиваясь с белесым си-юнай. Источник Жизни и кровь явно служили для возрождения этого жуткого кровососа. Но кому же это понадобилось? Впрочем, ответ на этот вопрос был очевиден. На возвышении над бассейном, что служило тронem для королевы Сивианны, сидел описанный Цэрин птицеголовый. А на его коленях сидела женщина с густыми русыми волосами и острыми чертами лица. Она не просто сидела у него на коленях. Левой рукой она обнимала существо за шею, черные руки птицеголового страстно шарили по её гибкому телу, ласкали небольшую грудь женщины. Она сладострастно насаживалась на черный член и гортанно стонала, стоны эхом отражались от сводов древней пещеры.

Лионза на мгновение забыла, зачем она здесь находится, любуясь, как эти двое предаются страсти. Но Раксен вывел её из ступора.

— Мы же с ними уже встречались! — крикнул он, забыв про осторожность.

Конечно! Как она могла забыть. Это же ведьма Рагенильда Темнорожденная. И её имп, наполовину ворон, наполовину человек по имени Фиакр. Никакой не гаруда с восточного края карты. Да и нет на восточном краю карты никаких гор, там Великое Эльфийское Море. Однажды Лионза с Раксеном уже остановили эту парочку, когда они пытались возродить древнего вампира Элиассара. Значит, там в бассейне...

Ведьма со своим миньоном зашлись в оргазме. Она задержалась на черном жезле полуворона, он крепко ухватил её за талию и хрипло закаркал, задрал голову. Одновременный экстаз, видимо

эти двое хорошо чувствуют и любят друг друга. Но на размышления не было времени. Стоило глазам ведьмы проясниться, как она увидела двух незваных гостей.

— А я тебя помню! — сказала Рагенильда, спрыгнув босыми ногами на каменный пол. Из одежды на ней сейчас был только плащ на плечах. В лучике солнца блеснул старинный серебряный меч в её руке, — в прошлый раз ты помешала мне в самый последний момент!

— Я тебя тоже, — отозвалась Лионза, опустив руку на пояс, к своему гибкому мечу, — только в прошлый раз ты была... немного старше!

— А ты все такая же... — оскалила зубы ведьма. Женщины кружили вокруг бассейна с булькающим молоком, словно две хищные кошки, не сводя друг с дружки глаз. Чем-то похожим сейчас занимались Раксен и Фиакр.

— Это Элиассар? — спросила Лионза, кивнув на жутковатое тело в бассейне.

— Да, — довольно зажмурилась ведьма, — осталось совсем немного.

— Но как у тебя получилось?

— О, я ждала этот вопрос! Это оказалось не так просто. Тело Элиассара было сожжено и развеяно над землей...

— Я это знаю! — перебила её Лионза, — ближе к делу!

— Какая нетерпеливая драконьерка... Может, сейчас за нами следят боги, смотрят за нами, как за актерами в спектакле.

— Но они тем более знают!

— А вдруг какой-то только сейчас подошел! Так вот. Тела нет, ни волоска, ни капельки крови... Но почему же ни капельки? Ты помнишь, как его убили?

— Его пронзили серебряным мечом.

— Да, краснокожая! Именно вот этим мечом! — Рагенильда торжествующе отсалютовала своим оружием, — и на самом его кончике осталась засохшая...

— ...капля крови! — закончила за ней Лионза.

— Да! Смотри, во что выросла эта капелька!

Суккуб мельком посмотрела на полуживое пульсирующее тело, по спине прошел ледяной озноб. Рука Лионзы резко метнулась к поясу, послышался щелчок. В руке суккуба сверкнул гибкий меч урум. Рагенильда поднесла серебряный меч к губам, поцеловала его и произнесла заклинание. А затем встала в позу эргалийского фехтовальщика. Тот серебряный меч был скорее рапирой, нежели мечом. Такие были популярны в Эргалле во времена мятежа Элиассара. А Рагенильда, судя по всему, с помощью заклинания временно обрела навыки подобного фехтовальщика. Мечи зазвенели, встретившись друг с другом. Лионза наивно полагала, что меч ведьмы и вправду будет из чистого серебра, и погнется от удара. Но нет, он был вполне себе стальной, не хуже её урума, только сверху покрытый серебряным напылением. Клинки вновь встретились, Лионза едва успела парировать удар в шею. Где-то сзади слышалось рычание, в бою сошлись Фиакр и Раксен. Ведьма вошла в раж, её густые русые волосы растрепались, глаза блестели двумя угольками. С последней их встречи, она стала выглядеть немного старше, лет на 30. Но вполне себе красивая женщина, гнев и ярость даже делали её ещё красивее. Удары сыпались один за другим. Лионза едва успевала их парировать.

— Там, в Храме Сокровенных Желаний, — сказала Лионза, тяжело дыша, — тебе дали второй шанс.

— Какой ещё шанс? — спросила ведьма, не прерывая атаки.

— Не тратить свою жизнь на... на это всё!

— А на что её тогда тратить? Выйти замуж? Нарожать детей? Эй, Фиакр, ты хочешь детей?

— Rrrrage! — радостно отозвался птицеголовый, который удерживал леопарда в захвате, пытаясь разорвать ему пасть, — я сделаю Rrrrage много ворррронят! Ворронят! Воррронят!

— Заткнись, идиот! — прервала его ведьма с некоторой досадой. Она явно ждала от своего компаньона другой ответ.

— Ну, не вызывать же при этом конец света! — сказала Лионза, попытавшись сбить Рагенильду с ног.

— Это для таких, как ты это будет концом! А для меня и многих других это будет только началом!

Лионза с трудом отбила каскад ударов. Ещё немного и она не выдержит.

— Между нами не такая уж большая разница... — сказала она, — я тоже изгой.

— Но ты пошла выслуживаться перед палачами!

Рагенильда сделала хитрый финт, с помощью которого едва не вывернула кисть луанийки.

— Нет! — ответила Лионза, переходя в наступление, — я пошла служить этому миру, жизни во всем его многообразии! А вот ты слепа... Слишком слепа и одержима яростью, чтобы полюбить и принять мир вокруг себя! И эта слепота каждый раз ведет тебя к поражению!

Ведьма ничего не ответила, она резко выбросила вторую руку ладонью вперед, произнеся заклятие ураган. Мощнейший порыв ветра отбросил суккуба к самому краю кипящего бассейна. От удара головой о камень пещера закружилась вокруг Лионзы.

— Вот и все, луанийка! — крикнула Рагенильда, — прощайся со своей жалкой жизнью! Может, я и слепа, но в этот раз не промахнусь!

Засмеявшись, она подпрыгнула, произнесла заклинание скольжения в воздухе и полетела в сторону Лионзы, выставив вперед серебряную рапиру.

— Твой конец и моё начало!

Всё происходило столь стремительно, что Лионза видела лишь как блеснула серебряная молния. Вот и всё... Ведьма, с торжествующим клекотом, словно хищная птица, с размаху налетела на податливое тело и услышала хруст от вхождения острия в чужую плоть. Она победила, этой краснокожей твари больше нет.

— Отличный удар! — послышался противный звонкий голос, отражающийся от стен пещеры. Ведьма помотала головой. Заклинание фехтования было очень сильным и действенным, но из-за него она впала в состояние берсерка. Она посмотрела на себя, рапиру и Лионзу, что пыталась встать на краю бассейна. Проклятье, она успела откатиться в последний момент! Но кого же она тогда пронзила рапирой? Рагенильда ещё раз тупо посмотрела на себя, не вполне веря в то, что произошло. Она лежала в булькающем от си-юнай бассейне, а серебряная рапира торчала из груди Элиассара. Во взгляде вампира появилась осмысленность. Он удивленно посмотрел на неё, несколько раз открыл безгубый рот, словно рыба, выловленная рыбаками и начал оседать, растекаясь чернильным пятном среди бушующей белесой жидкости.

— Нееет! — закричала ведьма, — неееет!

Элиассар молча смотрел на неё, медленно плаваясь, теряя свою форму, словно восковая свечка.

— Дурак! Зачем ты меня унес оттуда? — Рагенильда в гневе била кулаками в грудь Фиакра. Но тот продолжал её обнимать. Они летели прочь из Сивианны, на восток.

— Ррраге не нужен вампиррр... Ррраге нужен я... Фиакррр любит Ррраге!

— Заткнись, идиот!

Ведьма ударила ворона, но уже слабее.

— Ррраге...

Рагенильда потерлась щекой о его грудь, покрытую черными перьями.

— Ничего... Я не сдамся, мы еще отомстим и этой красной твари и всем... им всем... Она уже второй раз все портит. Второй раз! И когда оставалось совсем чуть-чуть... Как она меня каждый раз находит? Это же надо было встретиться тут, на краю карты?

— Фиакррр и Рррраге всех победят... Фиакррр любит Ррраге! Ррраге любит Фиакррра!

Так они и летели все дальше и дальше, прочь от проклятого края карты.

От тела вампира не осталось и следа, словно он и вправду был восковой фигуркой. Лионза обошла бассейн и с трудом отодвинула камень, мешающий си-юнай течь в долину. Раксен держался лапой за челюсть и тихо всхлипывал. Лионза зачерпнула немного волшебного молока и помазала его морду.

— Сейчас будет легче, — сказал она.

— Этот ворон чуть меня не прикончил...

— Ведьма тоже меня здорово потрепала.

— Боюсь, это не конец...

— Почему?

— Смотри, киннари прилетели.

Действительно, в пещеру отовсюду стекались киннари. Они с жадностью смотрели на си-юнай, что окрасило ручей в белый цвет. Но при этом они застыли, не решаясь набрать хотя бы горсть.

— Ты же победила их правителя... — сказал Раксен.

— Ну, технически это был ты. Я заставила ведьму убить этого жуткого гомункула, а ты...

— Они считают победительницей явно тебя. А если так, то значит, что теперь ты их королева!

Лионза замерла, об этом она не думала. Киннари не сводили с неё глаз.

— Ну, пейте уже, — махнула рукой луанийка, — вы, что, моего разрешения ждете?

И действительно, стоило ей махнуть рукой, как киннари склонились к ручью и стали жадно пить. Молоко текло по их обнаженным золотистым телам, и это было весьма приятное глазу зрелище. Только сейчас, Лионза обратила внимание, что хохолки на головах киннари разной формы и размера. От небольших хохолков до пышных плюмажей, не уступающих по красоте плюмажу Цэрин. Видимо, они отражали статус птицев. В пещеру влетела ещё одна гибкая золотистая фигурка.

— Я знала, что у тебя получится! — крикнула киннари на лунарге.

— Цэрин! Да, мы прогнали твоего гаруду!

— Я видела! Он летел прочь с человеческой самкой.

— Ну что же, мы с Раксеном останемся тут пару дней, а потом...

— Нет, Лионца! Боюсь, тебе придется сделать для меня ещё кое-что!

— Я же говорил... — с тоской сказал Раксен.

— И что же?

— Принять мой вызов на поединок!

— Ты говорила, что вызов можно делать раз в несколько лет.

— Это правитель решает, он может их принимать хоть каждый день. Но раз в несколько лет не может отказаться.

Лионза задумалась. Ведь, и, правда, если они считают её своей правительницей, что дальше. Она уйдет обратно, за Железные горы, а что киннари? Будут без королевы? Самый разумный путь это уступить эту должность какой-либо птицедеве. И раз Цэрин просит, почему и нет. Сойтись в поединке и притворно уступить, пусть будет так. Раз уж в этой стране такие странные обычаи.

— Я не против, но твоя Заветная Печать... она же нарушена.

— Ты победила того, кто её распечатал. Так что, если я одержу победу, она будет восстановлена! Хватит болтать! Ты принимаешь мой вызов?

— Принимаю, Цэрин Цлах!

Киннари услышав это, что-то мелодично пропела, видимо переводя слова Лионзы на птичий язык. Прочие золотистые девы оторвались от си-юнай и расселись на уступах, заняв удобные зрительские места. Цэрин, взлетев на своей вимане под самый потолок пещеры, начала исполнять сложный танец в воздухе.

— Что-то не нравится мне это всё, — задумчиво сказал Раксен.

— Ничего, я проиграю бой, и отправимся домой!

— Надеюсь, что ты права!

Лионза, стоя возле бассейна с си-юнай, тоже начала танцевать. Киннари смотрели на неё серьезно и оценивающе, будто пытаясь понять, насколько она опасный противник. Цэрин сделав несколько па в воздухе, неожиданно устремилась в её сторону. Мощный удар и Лионза упала в бассейн. В нос и рот тут же набились густые сладковатые сливки. Чем-то похоже на человеческую сперму. Лионза вынырнула, отплевываясь. И тут же получила удар наотмашь по голове.

— Цэрин, нельзя ли полегче! — крикнула она, — я не собираюсь у тебя выигрывать в этом поединке!

— Нет! Поединок не будет иметь силы, если драться понарошку!

— Но как определить проигравшего?

— Побеждает тот, кто засунет свой жезл в другого!

— Так бы сразу и сказала! — рассмеялась Лионза, — давай, спускайся, я готова тебе проиграть и не раз!

Цэрин что-то пропела и вновь обрушилась на Лионзу, навалилась сверху, схватив рукой за волосы. Резким движением она погрузила её голову в бассейн, потом вытащила. Лионза тяжело закашляла. Киннари снова макнула её в молоко.

— Эй, давай уже начинай!

— Я уже начала!

Лионза покачала головой. Даже у лесных орков прелюдии не были столь жестоки. Но она и правда начала чувствовать, как Цэрин возбуждается. Она подняла суккуба за волосы и резким движением разрежала одежду. Лионза стояла обнаженная, её красное тело все было в белых подтеках, словно её обкончало несколько огров. Затем Цэрин толкнула луанийку на колени перед собой. Перед лицом Лионзы покачивался эрегированный золотой член. Длиннее и тоньше человеческого, и покрытый небольшими пупырышками, словно искусственный фаллос,

изготовленный гремлинами из Кра-Акена. Что же, неплохое начало. Лионза всегда любила что-то пикантное. Не успела суккуб опомниться, как это чудо оказалось у неё во рту. Причем, не просто за щекой, а глубоко в горле. Кто-то любит пожестче? Ещё раз. Да, детка, продолжай. Лионза побудет для тебя шлюхой из Кра-Акена, если так нужно для дела. В голове расцвели сотни чужих мыслей и образов. Лионзу пробрала дрожь. Она увидела себя со стороны, в мыслях киннари. Опасный враг. Опасный враг, с которым надо быть настороже. Чью бдительность нужно усыпить, а потом... На языке киннари была специфическая трель, которая означала «спустить с виманы», «опустить ниже себя». Сейчас Цэрин наконец опускала Лионзу и чувствовала смесь торжества и искреннего наслаждения. И Лионза, впервые за долгие годы секса с самыми разнообразными существами, не могла разделить с ней этой радости.

Меж тем, киннари заставила суккуба прогнуть спину. Пришло время как следует проучить эту краснокожую дрянь. В этом месте было не так уж глубоко. Стоя на коленях, Лионза доставала до белесой жидкости кончиками грудей. Киннари схватила её руками за пышный красный зад, слегка притянула его к себе и наконец, суккуб почувствовала, как о её вульву трется вздыбленный жезл бывшей королевы. Цэрин сделала резкое движение тазом и Лионза вскрикнула от неожиданности. Это было весьма неприятно. Член очень жесткий, словно деревянный кол. Пупырышки же усиливали боль. И ладно, Лионза, она повидала за жизнь самые разные члены. Но для другой киннари, заполучить такую штуку в вагину, вещь весьма неприятная. Может, потому, они так сражаются каждый раз, чтобы избежать секса?

Киннари начала двигаться, издавая животное урчание. Лионза никогда не видела у разумного существа столько ярости и злобы. Цэрин прекрасно понимала, что сейчас причиняет боль, и искренне наслаждалась этим. Она царапала красную спину луанийки, оставляя кровавые царапины, и глядя на то, как течет

кровь, смешиваясь с си-юнай, Цэрин чувствовала все большее и большее удовольствие. В голове киннари Лионза и вовсе видела фантазию о том, как золотой член разрывает её до крови. Даже Рагенильда под действием заклинания фехтовальщика не была наверно столь одержима ненавистью. От всех этих зверских мыслей Лионзу мутило. Она закрыла глаза, и просто ожидала, когда, наконец, это всё закончится. А Цэрин продолжала в неистовстве насиловать луанийку. Она подняла Лионзу перед собой. Руки с острыми когтями больно вонзались в обнаженную красную грудь. Красные ноги луанийки беспомощно дергались в воздухе. Красные груди дергались в такт. В порыве страсти киннари так сильно впилась в ухо Лионзы, что едва не откусила. Эта поза не самая удобная для секса. Но идеальна, чтобы показать другим, что она сейчас делает со своей жертвой. Спектакль. Цэрин не просто опускала Лионзу, а делала так, чтобы это видели все вокруг. Ведь она ненавидела точно так же всех прочих киннари, особенно тех, кто собрались посмотреть на это зрелище. Нужно было запугать их так, чтобы ни у кого из них не было мысли бросить ей вызов. Неужели, эти существа вообще не знают понятия «дружба» или «любовь»? Насколько Лионза поняла из мыслей Цэрин, таких слов просто не было в их словаре.

Суккуб открыла глаза и посмотрела перед собой. Киннари не сводили глаз с её и Цэрин, словно завороченные. На мгновение Лионза представила, что каждая из них хотела бы оказаться на месте Цэрин. Они в своих мыслях сейчас проделывали с ней вещи не менее зверские. Некоторые столь возбудились, что уже начинали пританцовывать, поглядывая на своих соседей. Те тоже смотрели на своих соперников со смесью ненависти и возбуждения. Вот! Вот оно! Именно это вызывало у Лионзы самый сильный диссонанс все это время. Она привыкла, что возбуждение и секс всегда сопряжены с любовью. Даже у самых последних насильников есть внутреннее убеждение, что он делает хорошо жертве. А тут, у птицедев возбуждение четко было связано с соперничеством и ненавистью. Опустить для них даже важнее, чем убить. Умершая киннари как бы сумела

избежать этой участи, и таким образом символически победила. Дело не в Цэрин и Лионзе. Они просто так видят этот мир. Вот уже двое киннари сцепились в воздухе. Для чужака просто красивый акробатический танец. На деле, жестокая борьба. Ещё двое взлетели, а за ними и ещё пара. А вот киннари с пышными формами уже стремительно овладела несчастной с маленькой грудью и небольшим хохолком. Вроде бы оргия, но Лионза не чувствовала радости и удовольствия от участия в ней.

И в этот момент киннари решила сменить цель атаки. Вместо вагины её золотой пупырчатый член ворвался в зад суккуба. Лионза закричала, а Цэрин радостно запела и наконец, кончила. Она вытащила член из ануса Лионзы, демонстрируя всем собравшимся, как оттуда вытекает семя. Пещера наполнилась множеством трубных звуков. Можно подумать, что музыка самих небес, такая красивая. Лионза никогда не слышала красивее со времен Луании. На материке ни одна из цивилизаций не достигла столь же великого совершенства в музыкальном искусстве. В этой музыке было торжество и радость. Сотни киннари пели гимн, позабыв о своей ненависти. Пела и Цэрин, продолжая держать Лионзу. Мысленный контакт между ними еще не прервался. И суккуб неожиданно почувствовала что-то новое. Нежность, жалость. Опушенный враг больше не враг. Его можно жалеть. Слова «любить» нет в языке киннари. «Пожалеть побежденного» — ближайший аналог.

— Отпусти меня... — тихо сказала Лионза Цэрин, — а то ты сейчас упадешь без сил.

— Такое существо, как ты, очень бы мне пригодилось, — сказал Пи-Рот Лионзе. Они сидели в паланкине командующего, который несли четыре голема-носильщика. Тут же был нахмуренный Бачай. Корпус Пи-Рота возвращался домой, в Лунную страну. Си-юнай вновь придало истоку Молочной реки

молочно-белый цвет. С эстетической точки зрения речка выглядела теперь гораздо хуже. Но это залог того, что миллионы земледельцев на берегу великой реки не умрут от голода. Интересно, откуда вообще берется в недрах горы эта субстанция? Даже у киннари не было на это ответа. Впрочем, Лионза и любила этот мир за то, что он полон тайн и загадок, которые вряд ли когда-то будут разгаданы.

— У меня миссия далеко на востоке, — ответила Лионза.

— Знаю, но боюсь, ничего не выйдет... — ответил Пи-Рот.

— Почему?

— Си-юнай, что налито во флягу не поможет восточному царю.

— С чего ты так решил?

— Оно выдыхается со временем, — вмешался в разговор угрюмый Бачай. Он после допроса Лионзы в шатре Пи-Рота искренне не доверял ей, полагая опасной ведьмой.

— Да, пара месяцев и оно прокиснет. Будет такой аромат, почище вина из сорго, — усмехнулся Пи-Рот, — а ты вряд ли за столь короткий срок доберешься до своей страны.

Лионза тихо выругалась про себя. Неужели, все зря? Это путешествие длиной почти год, злключения на её голову. Всё зря? Проклятая дриада! Она обманула её. Хотя, может и сама не подумала об этом.

— Так, что оставайся со мной, — продолжал генерал, не обращая внимания на зверские гримасы Бачая при этих словах, — я получил известие, что Черепаховый дворец рухнул, Луноликий Шанью погиб.

Лионза знала, что дворец рухнул. Это произошло по её вине. Но, что погибло куча народа, для неё было новостью. То есть, все погибли, с кем она успела познакомиться? Киао? Девушки-наложницы? Сестра правителя Шани? Ну вот, опять она принесла смерть и разрушения. И ради чего?

— Его сестра, к счастью жива... — продолжал Пи-Рот, — но её захватил генерал Ла-Шен. Проклятый надутый павлин. Он хочет жениться на ней и провозгласить себя новым царем. Но другие стратеги явно с этим не согласны...

— И ты тоже?

— Особенно я. Мы сейчас идем скорым маршем к столице. По моим расчетам, Ла-Шен думает, что я крепко увяз на краю карты, и не ждет опасности с запада. Так что, подумай, луанийка. Ты имеешь возможность сделать большую карьеру у меня при дворе.

— Спасибо, но я принесла клятву, когда вступала в Орден Драконьеров. И нарушить её не могу.

— Что же, твое дело. Такие шансы возвыситься и раскрыть свои таланты бывает раз в жизни.

Паланкин внезапно дернулся и остановился.

— Эй, что такое? — заревел Бачай, который опрокинулся из-за этого на подушки.

— Гонец с посланием к госпоже Луа-Ни, — пророкотал снаружи голос голема.

Перед паланкином и вправду стояла небольшая киннари со стройной девичьей фигурой и маленьким хохолком. Поклонившись, она протянула сверток и мелодично сказала Лионзе, которая теперь могла понимать их язык:

— Цэрин Цлах, Заветная Печать велела передать вам это!

Лионза с тревогой и удивлением взяла подарок. Маленький и очень легкий сверток. Внутри была всего одна вещь. Красивое красно-фиолетовое перо. То самое, которое чжу вырвал из её царского плюмажа. Интересно, что это значит? Хотя, все было понятно. В языке киннари не было слова «благодарность». Но Цэрин все-таки сумела выучить лунарг.

Семя суккуба

Первичный суккуб

— Введите обвиняемую! — велел командор Абелард, статный седой полуэльф, который исполнял роль председателя суда. Послышались тяжелые шаги, загремели цепи. В зале появились два брата-драконьера в полном доспехе и закованная в цепи фигура. Одета в грубое рубище, с мешком на голове. Такой её ещё не видел никто. Командор Эмерис беспокойно заерзал на стуле. Достаточно ли меры предосторожности? Да, охранники были на расстоянии от неё, в особом священном доспехе и даже в шлемах с закрытыми прорезями для глаз. Да, беднягам приходилось вести пленницу почти что вслепую. Но когда имеешь дело с суккубом, все эти меры кажутся недостаточными.

— Откройте лицо! — велел Абелард.

— Но... это может быть опасно... — попытался возразить Эмерис.

— Таков древний закон! Мы не можем судить кого-либо, не видя его лица.

— Но это особый случай... — колебался Эмерис.

— Закон есть закон! — вмешался высоким, слегка капризным голосом командор Конрад, он же король Цвиллига, Конрад III.

Один из братьев-стражей подошел и резко сдернул мешок с головы пленницы. На капитул смотрела изможденная краснокожая женщина с растрепанными черными волосами. Несмотря на истощенный и усталый вид, её глаза светились зеленым пламенем.

— Лионза из Луании, тебе известно, в чем твоя вина? — спросил Абелард.

— Мне известны обвинения против меня, — ответила Лионза хриплым голосом, — но я отказываюсь их признавать.

— Что же, давайте рассмотрим это дело по существу, — невозмутимо ответил Абелард, не обращая внимания на позеленевшего от злости Эмериса.

— Слово командору Тешубу! — продолжил Абелард.

Тешуб, четвертый из командоров ордена, гном с густыми бровями и рыжеватой бородой, прокашлялся и начал:

— Сестра Лионза из Ордена Божественных Близнецов подозревается в нарушении клятвы и отступничестве. Будучи демоном-суккубом, она поклялась использовать свои чары лишь на благо Ордена. Она действительно в течение 60 лет соблюдала данную ей клятву. Но с месяц назад в городах Дармунд и Хильдсбург были обнаружены мертвые тела жителей с признаками крайнего полового истощения.

Согласно трактату Преподобного Приапуса, это означает, что они были умерщвлены суккубом.

— Но, позвольте... — вмешался командор Конрад, — это мог быть другой суккуб!

— Согласно показаниям, что дала сестра Лионза перед вступлением в Орден, она является первичным суккубом! — продолжил Тешуб.

— Что это значит? — удивился король, глядя то на гнома, то на Лионзу.

— Это означает, что при моей инициации все прежние суккубы погибли, — ответила Лионза.

— Да, каждый раз, когда появляется первичный суккуб, прежнее поколение суккубов гибнет. Потому мы не слышали о них почти век, — сказал Тешуб, водя пальцем по страницам древней книги. — Лионза единственный суккуб во всем мире. И

если бы появился еще один первичный, она бы упала замертво ровно в тот день.

— Но почему раньше их было много? — не унимался король. Он впервые был на суде ордена и явно забывал, что он лишь один из членов капитула, а не монарх.

— Первичный суккуб способен порождать вторичных, — отвечал Тешуб, — а те в свою очередь тоже способны размножаться подобно вампирам.

— То есть, она кусает жертву, как вампир?

— Нет... Она должна излить в жертву своё семя.

— Но сестра... хмм... насколько мне известно... так часто делала...

— Суккубы имеют свойство сохранять в себе семя, которое попало в них при прошлом соитии. Их собственное семя созревает раз в несколько лет.

— И ты... в смысле сестра Лионза... ни разу... — замялся король, пытаясь сформулировать вопрос.

— Я ни разу не воспользовалась своим семенем для создания другого суккуба, — ответила Лионза.

— Но что ты делала, когда у тебя... созревало... суккубье семя?

— Избавлялась от него!

— И каким способом?

— Ручным!

Король хохотнул, однако, вспомнив, где находится, снова принял серьезный вид.

— Но если ты первичный суккуб и ни разу не порождала иных суккубов, как ты объяснишь смерти в Дармунде и Хильдсбурге?

— При моей инициации я была не одна! — ответила Лионза.

Воцарилась тишина, нарушаемая лишь шуршанием страниц, которые лихорадочно перелистывал Тешуб.

— Чушь! — вскрикнул Эмерис, который едва сдерживался на протяжении всего заседания.

— Да... в трактате не описано ни одного случая, чтобы первичных было двое... — растерянно сказал Тешуб.

— И почему мы никогда не слышали об этом? — спросил Абелард.

— Я полагала, что она погибла тогда... в Луании, — ответила Лионза, опустив глаза.

— Если так, почему та, вторая... ни разу себя не проявила за все это время?

— Я тоже задавалась этим вопросом... И полагаю, что она по какой-то причине избегала Цивилизованных королевств.

— Чушь! — снова выкрикнул Эмерис.

— И почему тогда второй суккуб не породил множество новых? — спросил Тешуб.

— Мне неизвестны её мотивы... — вздохнула Лионза, — но если вы позволите, я найду её и всё узнаю.

— Это уже наглость! — вскинулся Эмерис, но тут же умолк под тяжелым взглядом Абеларда.

— Каков будет приговор, командоры? — спросил Абелард.

— Виновна! — сказал Эмерис.

— Не виновна... — сказал Конрад, неуверенно озираясь на других членов капитула.

— Скорее виновна, чем нет... — сказал Тешуб, погладив бороду.

Абелард долго молчал, погруженный в раздумья.

— Я полагаю, это дело несколько сложнее, чем представлялось ранее. Предлагаю направить лучших наших братьев для тщательного расследования произошедшего, сестру Лионзу подвергнуть пристрастному допросу. У меня есть подозрение, что она сообщила нам далеко не всё.

Глаза Лионзы вновь вспыхнули зелеными огоньками. Эмерис лишь покачал головой.

— А что такое пристрастный допрос? — спросил король.

— Это допрос, в который я вложу всю свою страсть... — ответил Эмерис, и улыбнулся. Хотя это было больше похоже на оскал старой гиены.

— Сначала опись вещей, которые были при отступнице, — сказал Эмерис, а сестра Бруна окунула перо в чернильницу, готовясь вести протокол допроса. В пыточном подвале была только Лионза в железной клетке, два брата-стража в полном доспехе, а также командор Эмерис с Бруной.

— Шкура леопардуса, что обитает на Черном берегу... По свидетельствам очевидцев, имеет способность превращаться в живого зверя в случае применения неизвестной нам магии.

Сестра Бруна закрипела пером по пергаменту, от усердия высунув кончик языка, будто школяр.

— Гибкий меч, способный оборачиваться вокруг талии, словно пояс, — продолжал Эмерис, — выкован, судя по клейму, в городе Кра-Акен.

— Кукла из мешковины... — Эмерис с отвращением повертел упомянутую игрушку в руках.

— Лионза, ты не слишком взрослая, чтобы играть в куклы? — спросил он.

Луанийка только усмехнулась:

— Будь поуважительнее, Эмерис. Её зовут Лио...

— Так и запишем. Кукла, называемая обвиняемой именем Лио... Это что такое? Следы засохшей крови. Похоже на запрещенный магический ритуал. Отметь этот факт, сестра Бруна.

Бруна вновь усердно заскрипела пером.

— Это что? Флакон с неизвестным порошком лилового цвета.

Эмерис открыл пробку и потянул воздух длинным острым носом.

— Будьте осторожны! — воскликнула Бруна. — Это может быть яд или опасное колдовство!

Эмерис дернулся, едва не уронив флакон.

— Ты права, сестра, — сказал он, — от этой ведьмы можно ждать чего угодно.

Командор поставил флакон на стол. Бруна замерла с пером в руке, не сводя с него восхищенных глаз.

— Теперь можно перейти к допросу, — сказал Эмерис, глядя на Лионзу.

— Что будем использовать? — спросила Бруна, облизнув сухие губы, — колесо, вода, раскаленный прут? А может... железную деву?

— С этой демоницей всё бесполезно... — задумчиво ответил командор.

— Но что тогда?

— Посмотри на неё, сестра... Видишь, как она елозит, не находит себе места в клетке. Она — суккуб.

Сестра Бруна кивнула, замороженно глядя на Эмериса.

— Так вот... Если оставить её без соития, она начинает голодать. И сходить с ума от своей нечестивой страсти...

— Не дожدهшься, Эмерис! — рассмеялась Лионза, однако в её смехе явственно чувствовались истеричные нотки.

— Значит, мы просто будем ждать, пока она окончательно... оголодает? — спросила Бруна.

— Нет, конечно! Но мы сделаем этот голод ещё сильнее! — сказал командор.

— Но как?

— Ты поможешь, сестра Бруна. Во имя Близнецов и правого дела!

— Я готова, командор! — на щеках сестры-драконьерки проступил легкий румянец, глаза заблестели.

— Тогда раздевайся, сестра!

Бруна часто заморгала, не веря своим ушам.

— Раздевайся, сестра! Мне самому это отвратительно. Но так нужно для дела!

— Но...

— У братьев-рыцарей закрыты прорези в шлемах, они ничего не увидят!

Сестра Бруна покраснела до самых кончиков её жидких темно-русых волос, но подчинилась приказу. Её роба с тяжелым шелестом упала к ногам, обнажив две увесистые груди с большими розовыми сосками, слегка полноватое сдобное тело и густые заросли на лобке. Эмерис невозмутимо осмотрел обнаженное тело Бруны и довольно кивнул.

— А теперь приблизься к клетке, но не вплотную! — велел он.

Бруна сделала несколько неуверенных шагов. Тяжелые груди колыхались в такт. Ноздри Лионзы расширились.

— Меня этим не проймешь, Эмерис... — сказала она. Однако в голосе чувствовались гортанные нотки.

— Возьми в руки свои груди... — сказал командор. В его голосе тоже появилась некоторая хрипотца.

— Покажи ей, какие они пышные...

Оба брата-рыцаря, что пытались стоять невозмутимо, вздрогнули.

— Это же надо... — тихо сказал один страж-драконьер другому, — тут такие дела, а мы в этих ведрах.

Лионза жадно прильнула к решетке, судорожно сжала стальные прутья, что отделяли её от вожделенной обнаженной плоти.

— Это работает... — радостно сказала Бруна, неумело играя со своими массивными персями.

— Итак, Лионза, что ты утаила от капитула? — спросил Эмерис, сам взяв в руки перо.

Луанийка тяжело дышала, ничего не говоря.

— Сестра Бруна, — велел Эмерис, — погладь себя... там...

Обнаженная драконьерка снова покраснела. Она опустила руку между ног и сжала пальцами свои мохнатые заросли. Лионза прикусила губу до крови.

— Ну, что, будешь говорить, проклятая ведьма? — спросил Эмерис. Бруна двумя пальцами нырнула в свои заросли. Нащупав клитор, она вскрикнула от неожиданности. Лионза глухо застонала.

— Видимо, я тебя недооценил... — пробормотал Эмерис.

— Брат Роланд! — сказал он уже привычным голосом, — снимай с себя доспех!

Бруна вскрикнула, словно её застали врасплох за непристойным занятием, и прикрыла рукой грудь.

— Сестра, продолжай! — скомандовал Эмерис.

Меж тем один из стражников снял шлем и тоже густо покраснел до самых кончиков оттопыренных ушей. Брат Роланд оказался совсем юношей. Волосы цвета соломы, что липли к высокому вспотевшему лбу, большие серые глаза, на нежных щеках едва заметная борода. Его можно было назвать красавцем, если бы не торчащие уши.

— Снимай с себя всё! — сказал Эмерис, — посмотрим, как она выдержит двойной удар!

Брат Роланд смутился ещё сильнее Бруны и опустил глаза.

— Какой сладкий... — простонала Лионза из-за решетки.

— Повезло, так повезло, — еле слышно сказал второй рыцарь, продолжая стоять по левую сторону от клетки. Роланд разделся по пояс и растерянно посмотрел на сестру

Бруну, которая забыв о стыде, самозабвенно работала пальцами у себя между ног.

— Раздевайся полностью... — сказал Эмерис, — и овладей... сестрой Бруной...

— Но, командор... Я приносил клятву... обет безбрачия... — залепетал Роланд.

Второй рыцарь тихонько засмеялся.

— Так надо для дела, брат Роланд! — сказал Эмерис, тяжело дыша.

— Ну, ты и дурень, Ролло! — прошептал второй рыцарь. — Да тут никто не соблюдает это странное безбрачие. Особенно, эта краснокожая шлюха... Она, прежде чем угодить сюда, всё королевство перетрахала.

— Не говорит так! — возмутился Роланд. — Лионза наша сестра и отважный воин! Скольких братьев она спасла! А сколько простых людей!

— Она — преступница и ведьма! — захохотал командор.

— И шлюха! — осмелев, сказал во весь голос второй страж.

— Да как ты смеешь! — закричал Роланд. — Она спасла мне жизнь, когда я был мальчиком!

— Что, бунт?! — закричал Эмерис.

Второй рыцарь сбросил шлем, мешающий ему видеть, и бросился на Роланда. Он был гораздо старше, с проседью в бороде. Роланд увернулся от кулака, что метил ему в грудь. Затем сделал второму драконьеру подножку и ударил рыцаря головой о стену. Тот так и остался лежать на полу без сознания. Бруна завизжала, Эмерис потянулся к шнуруку

колокольчика, что призывал дополнительную стражу. Но не успел. Кукла Лио, спокойно лежащая на столе, неожиданно вскочила, схватила флакон и распылила лиловый порошок в лицо командору. Тот начал тереть глаза. Сестра Бруна, визжа, побежала прочь, пытаясь прикрыть рукой свои колыхающиеся груди.

— Открой клетку, сладенький... — простонала Лионза.

Стоило Роланду открыть замок, как суккуб жадно набросилась на юношу, порочно облизывая его щеки. Кукла возмущенно подпрыгнула на месте и что-то пробормотала.

— Да, да, Лио... Сейчас не время... — простонала луайника, — надо бежать... Какой ты вкусный, так бы и съела...

Меж тем Эмерис убрал руки от лица. И вместо того, чтобы позвать стражу, неожиданно бросился к сестре Бруне и заключил её в объятия.

— Командор... — горячо зашептала Бруна, но Эмерис вместо того, чтобы объяснить, впился ей в губы страстным поцелуем.

— Что происходит? — спросил Роланд, с трудом отстранившись от Лионзы.

— Этот порошок — моё высушенное семя! — ответила суккуб, — очень мощный афродизиак. Всегда просто избавлялась от спермы, а тут подумала, почему бы не высушить!

Лионза подбежала к столу, взяла свои вещи и крикнула Лию:

— Ты сможешь вывести нас отсюда?

Кукла кивнула, Роланд при виде этого побледнел от ужаса.

— Не бойся! — подбодрила его Лионза. — Ты выбрал правильную сторону!

— О, командор! Я так давно мечтала об этом... — застонала сестра Бруна, обхватив пышными ляжками худой зад Эмериса.

Лионза и Роланд побежали прочь под жаркие стоны сестры Бруны и командора Эмериса, которые страстно совокуплялись прямо на полу, забыв все клятвы и приличия.

— Леди Лионза...

Лионза, обнаженная, ползла на четвереньках в сторону Роланда, который в ужасе пытался сидя отползти от неё, пятясь назад. К его несчастью вскоре он уперся в растущее дерево. Они остановились на привал, когда окончательно обезумевшая от голода суккубка, перешла к решительным действиям.

— Леди Лионза, я дал обет... О, Пресвятые Драконы!

Суккуб не дала ему говорить, подарив юноше самый страстный поцелуй, на который была способна.

— Йээди Йииионза... — не сдавался Роланд, несмотря на то, что рот его был немного занят.

У Лионзы не хватило терпения на долгую прелюдию. Она резким движением спустила его штаны, освободив член, который упруго заколыхался, уже готовый к дальнейшему

развитию событий. А говорил, обет безбрачия. Впрочем, Лионза не могла ни в чем упрекнуть юношу, просто он уже попал под действие магии суккуба. И к его чести, долго продержался, прежде чем покорился дикому желанию Лионзы. Она подняла согнутые в коленях ноги Роланда, раздвинула их, словно собиралась взять его по-мужски. Однако, луанийка осторожно, на корточках, опустилась на стоящий колом член. Её зад оказался точно между раздвинутых ног рыцаря, которые она продолжала удерживать руками. Крепкий большой член без труда скользнул в идеально смазанную глубину. Лионза вскрикнула от наслаждения.

Ожидаемо Роланд был девственником. А как известно, они имеют гораздо больше сексуальной энергии. Особенно те, кто хранил свою девственность годами. Лионза уже знала, что Роланду почти двадцать пять. Он застонал сквозь зубы, окончательно забыв о запретах в своей голове, просто отдался наслаждению, энергично двигая тазом. Лионза и сама, сходя с ума от удовольствия, что давала ей девственная энергия, растворилась в этом ритме наслаждения и удивительных образов, что текли в её сознание из головы Роланда.

Для Лионзы секс в большинстве случаев был сексом с незнакомцем. Впрочем, при её способности читать мысли, после соития незнакомец переставал быть таковым. И чего только она не видела в чужом потоке сознания. И амбиции, и обиды, и надежды, и светлые мечты. Но сейчас, когда она страстно занималась сексом с юным драконьером Роландом, совершенно неожиданно видела в его мыслях только себя. Причем себя идеализированную. Леди Лионзу, рыцаря в белых доспехах. Удивительно, ещё ни с кем не было такого. Она некогда спасла его от разбойников, когда он совсем юный ехал в Драконий Бастион. И стала примером как мужественности, так женственности. Этот мальчик почти что боготворил её, думал о ней, мечтал... Причем не заняться сексом, нет... Служить ей, как прекрасной даме, не имея возможности даже прикоснуться. А сейчас всё смешалось.

А ведь Лионза забыла об этом эпизоде буквально на следующий день. Мимоходом спугнула бандитов, потрепала по щеке мальчишку и поехала себе дальше. А он день за днем прокручивал в голове этот момент. Лионза даже не запомнила, как оказалась снизу, её красные стройные ноги были на плечах Роланда. А тот энергично вколачивал член, не сводя с луанийки влюбленных серых глаз. Он двигался всё быстрее, глядя в её зеленые глаза. Он словно пил, не в силах напиться. Её глаза, густые темные брови, нос с благородной горбинкой, красная кожа, иссиня-черные локоны, карминовые соски... Роланд старался сделать мысленный слепок, запомнить этот момент страсти навсегда, будто молитву Близнецам. Он хотел, чтобы это продолжалось вечно. Но упругие стенки влагалища сжимали член всё сильнее, принося с каждой фрикцией все больше удовольствия. Ещё одно движение — и Роланд закричал, Лионза застонала, горячее семя юноши мощным потоком полилось в пещерку суккуба, заполняя её полностью. Они пришли к оргазму одновременно, растворившись друг в друге, на мгновение словно став одним целым. Одной яркой вспышкой, взрывом, пламенем, что взметнулось к небу. Даже Лионза едва не потеряла сознание от удовольствия, будто это она сейчас отдавала свою энергию, а не наоборот. Роланд крепко прижал её к себе, продолжая какое-то время яростно двигаться в залитой его семенем вагине, но потом резко откинулся на спину, раскинув руки в стороны, словно воин, пронзенный стрелой.

Похоже, голод заставил её забрать больше, чем она позволяла себе обычно. Роланд лежал со спущенными штанами возле дерева в полнейшей отключке. Но был жив. Лионза тяжело вздохнула. На мгновение ей хотелось плюнуть на всё и остаться рядом с ним. Просто сидеть рядом, нежно гладить его юное лицо. Смотреть в его серые глаза и видеть двух своих маленьких двойников.

Суккуб помотала головой. Что за глупости. Её путь не такой. Она не может себе позволить оставаться с кем-то дольше, чем продлился половой акт. Стоит остаться, и она причинит вред.

Таков её удел: трахаться со всеми подряд и быть вечно одинокой. Мало ли будет этих восторженных влюбленных в неё мальчиков? Она живет на свете уже почти сотню лет. И... он первый, кто так восторгался ей. Да, ей встречались существа, которые тоже любили её. Эльф Иерен В'Элиад, крестьянка Свана, древний огр Гандалак, драконьерка Селинда... Но такого сильного чувства она не видела нигде. Это сбивало с толку, смущало. Она настолько привыкла к своей жизни, что не представляла, что может быть иначе. Что она может быть примерной женой, матерью, уважаемой в обществе дамой. Это ведь не её выбор. Просто она пошла тогда за Лиороной...

Действительно, хватит этих глупостей. Она должна найти Лиорону. Встретиться лицом к лицу после стольких лет. И это только её дело, никого в это не стоит впутывать. Прощай, милый Роланд. Пусть Близнецы будут благосклонны к этому достойному юноше.

Лионза одела юношу и заботливо укрыла накидкой. Затем оделась сама, отхлебнула вина из фляги, оживила недовольного и заспанного Раксена и, сев ему на спину, отправилась по тропинке вглубь леса. На её плече сидела кукла Лио. Эти двое — единственные, что способны понять её и разделить вечное одиночество. И больше никого ей не нужно.

Долгожданная встреча

— Что у вас произошло? — спросил Роланд, не слезая с украденного коня. Его обступили возбужденные крестьяне.

— Мы, это, ведьму словили! — сказал старичок с маленькой торчащей бородкой.

— Ага, ту самую, что сгубила Венделя!

— И с чего решили, что это она была? — спросил Роланд.

— Так это, милорд... Она же с красной кожей, сразу видно — демоница!

- Ага, только рога и хвост спрятала!
- Где она?
- В хлеву мы её заперли!
- Это я придумал! — радостно загомонил старичок с бородкой,
— как её увидел, сразу всё понял!
- Что понял? — не понял Роланд.
- Ну, она сначала явилась к нам просто как путница, Венделя того... сгубила. А потом уже переоделась драконьим рыцарем. Думала нас провести! Зашла, стала расспрашивать. А я ей говорю, вон Венделя в хлеву нашли. Она сделала вид, что не знает этого, пошла за мной. Как туда зашла, я её там припер. И мы досками все заколотили.
- Сейчас её там подпалим! Запечется, что гусь в яблоках!
- Это мой хлев! Не дам!
- Ниче, новый справим! Или тебе Венделя не жалко?!
- Отведите меня к ней! — велел Роланд.
- А ты, милорд, сам кто будешь-то? — спросила старуха в чепце.
- Вы разве не видите, я брат Ордена Священных Близнецов!
- Так ведьма тоже была с серебряным знаком. Украла где-то, небось!
- И у тебя, милый человек, конь очень знакомый...
- Точно, это же Его Светлости лошадка, барона Штауфена!
- Да, я видал, как он его купил на ярмарке, за триста драко!
- Ох, да за это можно год жить!
- Ну, так, это же боевой конь! Наши задохлики рыцаря не вынесут!

— Так скажи, кто ты такой, и откуда у тебя баронский конь? — вновь влез противный старичок, хитро прищурившись.

— Да, откуда! — вторил ему рябой мужик в кожаном кузнечном фартуке.

Роланд не ответил, надо было действовать быстро. Тем более, он уже чувствовал запах гари. Хлев, где крестьяне заперли Лионзу, уже горел. На Роланде не было доспеха, он его оставил в замке драконьеров, из оружия только топор и палица. Впрочем, чтобы разогнать кучку крестьян, этого было достаточно. Он взял палицу и ударом наотмашь сбил кузнеца с ног. Старуха истошно заорала. Прочие собравшиеся бросились врассыпную. Однако крупный кучерявый парень быстро пришел в себя.

— Не подходим близко! Валим камнями! — скомандовал он.

Рядом с ухом Роланда просвистел небольшой камешек. Ещё один угодил в бок по касательной. Демоны! Больно, но не смертельно. Мальчик-пастушок, видимо, самый меткий, с размаху запустил острый осколок. Роланд едва успел отбить его палицей. Ещё несколько пролетело мимо. Однако зловредный пастушок не успокоился. Со злорадной ухмылкой он подобрал увесистый булыжник, слегка подбросил в руке, оценивая потенциал. Роланд сглотнул ком в горле, таким снарядам можно запросто вышибить мозги. Он хотел пришпорить коня в надежде добраться до противника раньше, чем тот атакует. Но было поздно. Пастушок, все с той же мерзкой ухмылкой, размахнулся и с силой бросил камень. Роланд пригнулся к конской шее, надеясь увернуться. Булыжник свистнул, баронский конь захрапел. Камень попал ему в лоб. Роланд уже собрался выдернуть ногу из стремени, чтобы не быть придавленным конской тушей. Но... конь пошатнулся от удара и устоял. Злыми глазами он посмотрел на застывшего пастушка и издал жуткий визжащий звук, напоминающий больше крик виверны, нежели лошадиное ржание. А затем во весь опор понесся на обидчика.

— Стой! Стой! — напрасно кричал Роланд. Краденый конь явно вышел из-под контроля, в звериной ярости стараясь уничтожить того, кто причинил ему боль. Пастушок заорал от ужаса, упал ничком в траву. Роланд успел в последний момент натянуть поводья, обезумевший конь встал на дыбы прямо над плачущим от страха мальчишкой. Он сейчас разрывался между двух сильных желаний: затоптать врага или сбросить седока.

— Беги, пока я его держу! — закричал драконьер. Пастушок вскочил и дал деру. Конь, удерживаемый Роландом, постепенно успокаивался. Остальные крестьяне тоже перестали бросать камни. В воздухе дрожало марево от горящего хлева. Роланд развернул коня, чтобы скакать к пожару, когда на него с криком побежал тот здоровяк, что призывал кидать камни. В его руках была длинная заточенная жердина. Роланд с размаху бросил в него палицей. Та угодила недокопейщику точно в грудь. Он выронил жердь, упал на колени, натужно кашляя.

Вот и все сражение. Роланд устремился к хлеву. Языки пламени уже достигали соломенной крыши. Драконьер спешился, выхватил топор и начал яростно рубить доски, которыми заколотили горящее здание. Доски жалобно трещали, но поддавались с трудом. Ну же! Роланд бил топором что есть силы, словно это главное сражение в его жизни. Он спасет её, обязательно спасёт.

— Лионза! Лионза! — кричал он под аккомпанемент ударов.

В ответ доски затрещали ещё сильнее, кто-то со всей силы ударил изнутри.

Хруст, треск, грохот. На Роланда пахнуло гарью. Ворота под напором ударов и пламени открылись, и оттуда прямо на рыцаря упала большая хищная кошка. Леопардус с Черного Берега! Роланд лежал, глядя на зверя, пытался нащупать топор, что отлетел в сторону. Однако тот, вместо того, чтобы зарычать и вцепиться ему в горло, сказал человеческим голосом:

— Чего лежишь, рыцарь? Помоги вытащить Лионзу, она без сознания!

— Ты опять меня спас, Роланд! — говорила Лионза, прижимаясь грудью к спине рыцаря. Они ехали вместе на краденном баронском коне. Роланд спереди, Лионза сзади, обнимая юношу за талию. Раксен шел рядом, что-то бурча себе под нос.

Рыцарь тоже был не в духе, не отвечая на заигрывания луанийки.

— Ну, не обижайся, — сказала она, ласково погладив драконьера по плечу.

Баронский конь презрительно фыркнул вместо Роланда.

— Послушай, — не оставляла попыток Лионза, — пойми меня... Я просто не хотела подвергать тебя опасности.

— Я уже давно не оруженосец, — буркнул Роланд.

— Да не в этом смысле! Главная опасность — я сама! Я же суккуб! Рано или поздно просто высосу твою силу и жизнь, понимаешь?

— Просто тебе так удобней!

— Да! Я не хочу никого лишать жизни! Если ты это называешь удобством!

— И во имя этого ты иногда совершаешь ужасные вещи! — неожиданно вмешался Раксен.

— Прости, мне, видимо, нужно было оставить тебя там умирать!

— Да, надо было! — согласился Раксен, — был бы обычным мертвым человеком. А так теперь я просто... коврик в спальне!

— Ладно тебе! Сколько ты пережил приключений, сколько всего увидел!

— Но ты за меня выбрала! Я не хотел этого!

— Вот именно... — снова вмешался Роланд, — ты и за меня взяла и всё решила!

— Простите меня... И ты, Роланд, и ты, Раксен... Может, это из-за того, что я умею читать мысли? Не знаю... Раз — и сразу знаешь, кто перед тобой, чем живет, что из себя представляет.

— То есть... как? Ты тогда и меня? — вскинулся Роланд.

— Ну да!

Роланд задумался на мгновение.

— И даже после этого ты... бросила меня? Это было очень глупо. И не по-рыцарски. Я ведь тоже теперь в розыске.

В этот раз не ответила Лионза, тихо вздохнув.

— Я, кажется, понял, — продолжил Роланд, — ты просто никого не любила по-настоящему.

— Это ещё почему?

— Любовь — это постепенное познание того, кого полюбил. Сегодня одна черточка, завтра другая... Это как путешествие по красивой и неизвестной тебе стране. А ты... вот так сразу раз — и всё узнала.

— Но рано или поздно этот путь кончится! — возразила Лионза, — вот изучишь ты эту чужую страну полностью, и что дальше? Любовь закончилась? Тогда я поступаю честнее и быстрее!

— Нельзя никого познать до конца!

— Теперь я это вижу! Я думала, что узнала тебя! А ты... показал себя с неожиданной стороны!

Лионза нежно потерлась щекой о спину рыцаря.

— Ну, прости меня... Ладно?

Баронский конь снова фыркнул.

— Куда теперь? — спросил Роланд. Было уже темно, и они устроили привал на симпатичной лесной поляне недалеко от небольшого ручья. Они сидели у костра. Лионза, Лию, Роланд и Раксен, которого она решила оставить в живом виде. Кукла расчесывала леопарда гребнем, тот издавал звуки, похожие на кошачье мурчание. Лионза шелестела большим свитком с картой.

— Я пытаюсь понять, куда она идёт... У неё явно есть какая-то цель... — задумчиво ответила Лионза.

Роланд придвинулся поближе, и она положила голову ему на плечо.

— Вот, я отметила места, где она побывала... Южная марка, Королевская... Потом Старая Марка... Хильдсбург, потом она пошла на северо-восток... Вот эта деревня, где меня чуть не поджарили.

— Она идет в Восточное крыло... — неуверенно сказал Роланд.

— Да, но куда именно? Шарцельские горы? Что там делать?

— Я так понял, она такая же, как ты, только ещё более безумная,
— подал голос Раксен.

— Так и есть... — согласилась Лионза.

— Ты каждый раз получаешь энергию, ну, когда...

— Так... и что ты хочешь сказать, Раксен?

— Что, если ей нужно много энергии для чего-то? Очень много! Помнишь, ты перед сражением с демоном взяла энергию сразу у пяти монахов?

— Ну, конечно! Монастырь! Она идет в Шарцельскую женскую обитель!

— Она собирается лишить девственности какую-то из монашек?
— испуганно спросил Роланд.

— Какую-то... Она, видимо, собирается их всех лишить девственности! А у всякого девственника энергии очень много! Чем больше выдержка, тем больше заряд! Я вот на твоём заряде до сих пор держусь!

Роланд густо покраснел, Лионза засмеялась, прижала его голову к себе и с силой расцеловала в лоб, нос и щеки.

— Ну, она и чудовище... — пробормотал потрясенный Роланд,
— это же самая благочестивая обитель на всем Востоке.

— Нам надо её как-то опередить... — сказала Лионза, вновь взявшись за карту, — мы отстаем на несколько дней.

— Она вроде идет вдоль залива... — сказал Роланд, проведя пальцем по свитку.

— Да... она не очень любит море...

— А мы можем...

— Нет, нет, нет!

— Но это единственный шанс её опередить! Срезать путь через залив!

— Пресвятые Близнецы... только не это... — простонала Лионза.

Роланд притянул её к себе и поцеловал.

— Мы это сделаем. Вместе!

Стоило кораблю спустить сходни, как по ним на берег выбежала странная женщина с фиолетовой кожей, упала на колени, и её стошнило. Следом спустился совсем юный рыцарь-драконьер. Он заботливо взял странницу за плечи, кожа её начала приобретать красный цвет.

— Ну всё... всё... Мы приплыли.

— Ненавижу море... — еле прошептала Лионза.

— Не знал, что у суккубов такая слабость...

— При чем тут суккубы... Это мы с Лиороной не любим море. У нас одна общая неприятная история, которая с ним связана.

Шарцельские горы всегда считались глухоманью, медвежьим углом. К северу от них начиналась Мертвая Пустошь, место сражения Адальрика с демоном Бертегизелом. Но эта удаленность и глушь всегда привлекала сюда тех, кто хотел уйти от мирской суеты, стать ближе к богам. С давних пор здесь селился тот или иной отшельник, что славился святостью. А во времена Хильды Завоевательницы здесь появилась женская обитель. Именно там воспитывалась Асцелина, что спасла Цвиллиг от новой смуты. Конечно, сейчас монахини жили не в пещере, а в добротном монастыре на вершине горы. И времена, когда они рядились в лохмотья и питались тем, что пошлют боги, тоже прошли. Сейчас к обители вела широкая удобная дорога, по которой сновали туда-сюда телеги с различной снедью и припасами. По мере приближения к монастырю дорога становилась всё уже, а дальше вовсе переходила в серпантин. Именно тут Лионза и Роланд решили перехватить Лиорону. Если она собиралась в обитель, ей было не миновать этого участка пути. По расчетам Лионзы, они опередили её почти на сутки. И она почти не ошиблась.

Лиорона появилась в полдень следующего дня. Сначала Лионза подумала, что едет очередной торговец. Обычная телега,

запряженная парой ослов. На козлах сонный купец в широкой соломенной шляпе, надвинутой на глаза. Только кисти рук его были маленькие, изящные и красные. Лионза вздрогнула. Она ещё не могла поверить своим глазам. Она жива! Она все эти годы была жива!

Лиорона, словно прочитав мысли Лионзы, натянула поводья, остановив ослов. Сдернула с себя шляпу. Святые Близнецы! Она совсем не изменилась! Ни капли. Всё та же плакса-Лиорона, у которой вечно глаза на мокром месте. Даже её дурацкие косички не изменились. Словно и не было этого всего. Их взгляды встретились. Зеленые пронзительные глаза Лионзы и карие Лиороны. Последняя шмыгнула носом и нарушила паузу, которая явно затянулась.

— Лио... Лио!

Лиорона соскочила с телеги и побежала к Лионзе. Первым порывом Лионзы было тоже броситься ей навстречу, заключить в объятия. Она даже на мгновение подалась к бывшей подруге. Но в последний момент она словно уперлась в упругую невидимую стену. Лиорона тоже замерла на полпути.

— Ах, да, — сказала она с грустью в голосе, — мы не сможем подойти ближе.

— Почему? — удивилась Лионза.

— А ты не знаешь? — Лиорона с наигранным удивлением подняла густые брови.

— Я смотрю, ты прошла большой путь с тех пор, как мы... расстались. Но так и не изучила свою собственную суть. Да, Лио?

— Я читала трактат...

Лионза мысленно выругалась. Разговор явно шел явно не по её сценарию. Как Лиороне удастся каждый раз заставлять её оправдываться?

— Видимо, в этом трактате не написано, что суккубы не могут касаться друг друга. Не могут даже сблизиться на расстояние больше локтя.

Лионза удивленно протянула руку и вновь почувствовала невидимую упругую преграду.

— Видимо, защитный механизм, — продолжала Лиорона, — иначе мы бы просто затрахали друг друга до смерти. Плохие у вас тут трактаты. В библиотеках Кра-Акена и Порфины гораздо больше интересных книг по теме.

— Так ты все это время изучала свою суть?

— В общем, да. Хотя, сама понимаешь, всё намного сложнее.

Лионза потрянула головой. Хватит сантиментов. В конце концов, она ведь не за этим здесь. Даже Роланд, что следил за их разговором из засады, явно начал терять терпение.

— Может, я несведуща в том, как устроены суккубы, но я знаю, зачем ты здесь!

Лиорона оценивающе посмотрела на Лионзу, её взгляд задержался на серебряном двуглавом драконе на шее драконьерки.

— Меня несколько раз путали с тобой, — сказала она, — но я не могла поверить в это до конца. Слишком уж безумно это звучит. Суккуб, которая вступила в братство, борющееся со злом. Это ведь так... смешно!

Лиорона залилась противным визгливым смехом. Да так сильно, что слезы брызнули из глаз.

— Ой не могу... Кому рассказать, не поверят... Только не понимаю, как ты все это время утоляешь голод? Тебе преступников на казнь отдают?

— Я научилась самоконтролю. Можно брать ровно столько, сколько нужно. И тогда тот, с кем ты была, остается жив.

— Ты серьезно?

Лиорона засмеялась ещё сильнее. Её смех был похож на лай маленькой дамской собачки.

— Ты умудрилась остаться такой глупенькой! — говорила она, смахивая слезы.

— Лучше быть глупой, но на стороне жизни!

— Ты не понимаешь, Лионза, — неожиданно серьезно сказала Лиорона, — твоя глупость ведет к слабости. Тебе меня не остановить!

— Уверена?

— Ну, давай, попробуй... подруга.

Лионза коснулась Священного знака, произнесла молитву «Свет Истины», чтобы ослепить суккуба. Однако та что-то быстро выкрикнула на неизвестном Лионзе языке, и вокруг неё сгустилось темное облако, поглотившее божественный свет. Лионза, выругалась, быстрым движением превратила свой пояс в гибкий меч. Она не могла коснуться Лиороны. Но её оружие, судя по всему, могло. Лионза сделала выпад, однако Лиорона неожиданно исчезла. Гибкое лезвие рассекло воздух. Противный визгливый смех раздался за её спиной.

— Ты изучала магию все эти годы? — спросила Лионза, тяжело дыша.

— Нет, глупая Лио! — ответила Лиорона, — я же говорила! Ты из-за своего идеализма просто не в состоянии использовать и четверти возможностей суккуба! Когда выпиваешь кого-то полностью, получаешь столько силы! А ты сидишь на голодном пайке! Глупая, глупая Лио!

Лионза вместо ответа резко развернулась, надеясь застать Лиорону ударом с размаха. Но она лишь засмеялась и взмыла в воздух.

— Я ожидала встречи с тобой... Но не думала, что драться с тобой будет так легко!

Лионза тихонько выругалась. Но не из-за неудачи с Лиороной, а из-за того, что Роланд с Раксеном, что следили за сражением из засады, бросились на Лиорону. Договаривались же, по её знаку! Раксен с рычанием прыгнул на суккуба, но та выпустила из ладони темный сгусток. Леопард, не успев в прыжке долететь до Лиороны, с воем рухнул на землю, опутанный черной паутиной. Роланд был более серьезным противником. Он метнул в суккуба самодельный дротик, что едва не задел её плечо. Затем пустил коня в галоп, надеясь свалить врага таранным ударом.

— Сила Прародителя! — закричала Лиорона на луанийском языке. Она продолжала висеть в воздухе, только развела руки в стороны, словно и правда летала по небу, как птица. Дорожная коричневая роба, в которую она была одета для отвода глаз, с треском лопнула. Кожа Лиороны была такой же красной, как у Лионзы. На этом сходство заканчивалось. Вторая суккубка обладала более худощавым телосложением, небольшими острыми грудями.

— Смотри, Лио, вот она! Сила Прародителя! — торжествующе крикнула Лиорона.

Лионза увидела, как между ног Лиороны растет и ширится сгусток плоти. Она такое видела тысячи раз. У неё и самой происходило такое каждый раз, когда вырастал член. Однако он продолжал расти и шириться, даже когда достиг размера фаллоса огра. У Лионзы от волнения пересохло во рту. У Лиороны между ног был не один член, и не два. Огромный сгусток шевелящихся членов. Лионза даже не могла подобрать сравнения, на что это было похоже. Больше всего это напоминало змеиную свадьбу. Роланд был почти рядом, готовясь ударом топора обрушить Лиорону на землю, когда несколько членов метнулись к нему. В мгновение Роланд был вырван из седла, обезоружен, связан этими членами-тентаклями и поднят над землей.

— Какой милый у тебя мальчик, — обрадовалась Лиорона, приблизив Роланда к себе, — всегда любила таких смазливеньких! О, Лио, ты злишься?! Он тебе тоже нравится? Ну ладно тебе, ты же суккуб! Поделись такой сладкой печенькой с давней подругой!

Лионза вынула шакран из своей сумки и метнула в Лиорону. Она попыталась перехватить её одним из членов, но острая кромка начисто срезала головку. Лиорона зашипела от боли.

— Ладно, пора с этим заканчивать, — сказала она без своего обычного позерства. Лионза прицелилась, чтобы метнуть еще один шакран, но Лиорона выкрикнула очередное заклинание, на драконьерку обрушился вихрь. Лионзу закружило в воздухе, подбросило и ударило с силой о землю.

— Нам пора повеселиться, Роланд... Ведь тебя так зовут. Да, твои мысли, как я люблю читать чужие мысли... Ах, Роланд, жаль, ты уже не девственник! О, да у тебя встал! А я думал, у вас любовь с Лио...

Это последнее, что услышала Лионза, прежде чем погрузилась во тьму.

Монастырь, обычно тихий, сегодня гудел от сотен стонов и криков. В больших городах соборы старались возводить так, чтобы высокие своды отражали коллективное пение, усиливая его мощь, придавая священным гимнам воистину божественное величие. Сейчас что-то подобное происходило в храме при женской обители. Только наполнено это святое место было отнюдь не пением, а симфонией вздохов, стонов и криков. Под самым потолком, возле фресок, изображающих Святых Близнецов, висела обнаженная краснокожая Лиорона. Её глаза были закрыты, руки раскинуты в стороны. Она словно медитировала, пыталась отрешиться от этого бренного мира. Но на деле от её паха во все стороны тянулось множество

извивающихся красных членов. Таких длинных, что они походили больше на щупальца или множество змей. И на конце почти каждого из них дергалась в сладостных конвульсиях монашка из Шарцельской обители. Членов у Лиороны хватило всем обитательницам этого святого места, от совсем молоденьких до глубоких старух. И они дергали ногами, двигали тазом, порочно высовывали языки, испытывая такое наслаждение, какое никогда не испытаешь, проживи хоть сотню лет. А щупальца не только проникали в их текущие влагилица, но и яростно долбили в анус, оплетали руки и щиколотки, щекотали соски на грудях. Некоторые монашки не могли стонать, только глухо мычать, поскольку их рты тоже были заняты парой-тройкой извивающихся красных членов с карминовыми головками. Одна совсем юная эльфийка пыталась молиться, пока её яростно имели одновременно в оба отверстия, другая плакала, третья выкрикивала богохульства.

— Да, демоница! Да, еби меня во все щели! Да, сучка! Разработай все мои старые дырки, проклятый демон! — кричала полная женщина с растрепанными волосами.

— Придуши меня! Придуши... Молю! — кричала молодая монашка с румянцем на щеках. И один из членов действительно обвился вокруг её горла, даря новые острые ощущения, пока в её дырках яростно сновало сразу по три красных тентакля.

— Нет, только не срамное отверстие! — кричала юная послушница. — Нет! Нет! Великие Драконы, почему это так больно и приятно?! Они такие тугие... такие упругие...

Лиорона при этом продолжала висеть в воздухе с закрытыми глазами, словно не имела отношения к происходящему. Впрочем, время от времени по её телу пробегала дрожь, и воздух в храме гудел, словно здесь сгустилась туча, беременная грозой.

Потому она не увидела, как в храм вошла другая краснокожая женщина в сопровождении леопарда. Лионза замерла, завороженная зрелищем.

— Нравится? — спросила Лиорона, не открывая глаз; не дождавшись ответа, продолжила: — И это лишь малая часть моих возможностей, неплохо для плаксы-Лиороны... Теперь меня не надо ни от кого защищать, подруга. Ни от кого.

— Скажи, зачем тебе все это? — наконец выдавила из себя Лионза.

Лиорона визгливо рассмеялась.

— Ты думаешь, для веселья нужна цель? Ты такая серьезная и правильная, Лио. Ты наверно даже, когда трахаешься, думаешь о долге перед человечеством, да?

— Для веселья не нужно столько силы...

— А, ты про это? Я хочу стать новой богиней. Это будет ужасно весело! Представляешь, везде храмы, а там я на постаменте. И все бьют мне поклоны, приносят жертвы, а потом начинают сношаться у моих ног, сплетаются в клубок, разумную многоножку... Это так смешно!

— И это все, к чему ты пришла за сотню лет?

— А ты к чему пришла, Лио? Решила стать спасительницей для этих вот людишек? Да ты посмотри на них! Им же нравится, что я с ними делаю!

В подтверждение её слов настоятельница, извиваясь на красных членах, выдала новую серию непристойностей и богохульств.

— Да, имей меня... Трахай... Сношай... Дрюкай... Моя богиня... Ты даешь величайшее наслаждение! Да! Глубже, моя богиня, глубже!

И другие монашки тоже закричали в один голос:

— Богиня! Да, мы отрекаемся от Близнецов! Только не останавливайся, богиня, не останавливайся!

— И знаешь, что самое смешное? — продолжила Лиорона. — Среди этих сучек нет ни одной девственницы!

— Я сосала торговцу за ломтик сладкой дыни! — стонала юная монашка.

— Я лишилась девственности с помощью гладкого сучка на дереве... — вторила ей другая.

— А меня трахали в обе дырки кулаками другие сестры!

— А я засовывала туда водяного ужа!

— А мне лизала кошка!

— Я вообще была шлюхой в Бальбеке! — кричала настоятельница.

— Но это значит, что ты не станешь богиней... — ответила Лионза.

— Да, здесь недостаточно силы! Но ничего, главное, было весело!

— Нет, дело не в этом, — продолжила Лионза, — боги всегда несут ответственность за то, что творят.

— Скажи это Прародителю... — ответила Лиорона и неожиданно закричала. Раксен потихоньку подкрался к ней, прыгнул и повалил суккубку. Многие монахини, до того момента удерживаемые в воздухе тентаклями, попадали на пол. Однако и это не помешало членам Лиороны продолжать свое дело.

— Что дальше, Лионза? — спросил Раксен, продолжая удерживать лапами Лиорону. Одной лапой он держал её правую руку, другой закрывал рот, чтобы суккубка не произнесла заклинания.

— Нужно сделать так, чтобы она их отпустила!

— Легко сказать... — отозвался Раксен, — эй!

Несколько свободных членов устремились к нему, обвили его хвост и лапы.

— Мы так не договаривались! — взвизгнул леопард.

Лиорона засмеялась. Рот её освободился.

— Я же говорила, Лио, меня не остановить! Я кажется, поняла! Из-за того случая в Луании ты теперь боишься что-то менять. Да-да, пусть ты служишь этим тухлым драконьерам, но зато не случится ничего страшного. Старое доброе зло лучше, чем непонятное новое, правда?

Лионза промолчала в ответ. Пока Лиорона болтала, к ней тихонько кралась её сообщница.

- А это ещё кто? - растерялась лежащая суккубка.

На лбу Лиороны сидела небольшая тряпичная кукла. Она с любопытством смотрела на лицо второй луанийки маленькими глазками-пуговками.

— Её теперь зовут Лио. А я — Лионза!

— Фу, ну и мерзость! У нас с тобой в детстве не было кукол. Ты наверно теперь навестываешь! И что это у неё за флакон с порошком?

Но Лионза не успела ей ответить. Она лишь испуганно взмахнула руками. Только не это, Лиорона и так сильна, а тут ещё афродизиак. Нет! Но было уже поздно. Лио с размаху высыпала высушенное семя своей хозяйки прямо на длинный острый нос Лиороны. Вторая суккубка растерянно заморгала, зажмурилась. Ноздри её расширились, и она громко чихнула. Потом ещё и ещё. Раксен отпрыгнул в сторону и с отвращением стал умывать морду. Лиорона неудержимо чихала, глаза её слезились, члены конвульсивно дергались, словно в неистовом оргазме, отпуская несчастных монашек.

— Будь ты проклята, Лионза... ааап-чхи! Такой оргазм обломала... — пролепетала Лиорона. Она с трудом встала и снова чихнула. Её грозные щупальца уменьшились, истончились, а после очередного чихания и вовсе исчезли.

— Раксен, хватай её!

Леопард зарычал, прыгнул, но поймал когтями лишь пустоту. Лиорона в последний момент обратилась в луанийского феникса, небольшую птицу с красно-оранжевым оперением. Лионза метнула в неё шакран, но промахнулась. Феникс, чихая, взмыл к потолку храма.

— Кстати... — чирикнула птичка, — чхи... Мне стало любопытно... чхи... как это... сдерживать себя во время... чхи... утоления голода... И я немного недопила твоего дружка... чхи... Так что можешь пойти... попрощаться или что ты там с ним будешь делать.

Роланда было почти не узнать. Перед Лионзой лежал глубокий старик, лысый, с пигментными пятнами, глубокими морщинами и выцветшими глазами. Однако при виде Лионзы он с трудом улыбнулся. Хотя это больше было похоже на гримасу боли.

— Любимая... — еле слышно прошептал он, — ты победила?

— Да, любимый... — ответила Лионза, глядя его щеке.

— Как хорошо, я в последний момент буду видеть твое лицо. Самое прекрасное, что сотворили Близнецы...

— Послушай, Роланд, — Лионза сжала в руках высохшие кисти рыцаря, — я могу тебя спасти! Есть один способ!

— Но почему ты тогда смотришь так печально?

— Я могу сохранить тебе жизнь, но мы никогда не сможем быть вместе... Даже просто коснуться друга. Даже сблизиться на расстояние больше локтя...

— Если так, то зачем мне это? Зачем мне жизнь, если в ней не будет тебя?

Роланд почувствовал влагу на своем лице, это на его щеки капали слезы Лионзы.

— Ну что ты... Однажды мы встретимся. В лучшем мире. Прощай. Последняя неделя была лучшей во всей моей жизни.

Сказав это, рыцарь закрыл глаза и больше не открывал. Впрочем, он все равно уже почти не мог различать даже силуэта своей дамы сердца. Он уже чувствовал, как душа покидает тело, как её несет все выше, к Небесным вратам, где по обе стороны стоят Драган и Драга. Он прошел по облачной тропинке, подошел к ним, присел на одно колено в рыцарском поклоне. Однако Близнецы будто не видели его, продолжая смотреть вдаль. Роланд немного приподнял голову и неожиданно почувствовал, как облако под ним исчезло, и он полетел вниз. А внизу была вовсе не земная твердь, а свет. Белый ослепляющий свет. Нет!

Роланд открыл глаза и тут же прикрыл их ладонью, дневное солнце было нестерпимым. Он лежал на чистых простынях в большой просторной комнате. Створчатое окно было открыто настежь, принося с улицы радостный женский гомон, запах скошенной травы и нагретой солнцем земли. Роланд не чувствовал ни ломоты в теле, ни боли, ни смертельной усталости. Неужели он все-таки в лучшем мире?

Дверь тихонько скрипнула, в комнату вошла пожилая монашка с подносом, на котором стоял кувшин молока и большой ломоть хлеба.

— Пришла в себя, родная... Мы уж думали всё, забрали тебя Близнецы к себе, — запричитала она.

Что? Он все-таки жив? Значит, Лионза... Проклятье! Она не послушала его, опять пошла наперекор его воле во имя своих желаний! Ну зачем она так?!

— Кушай, девочка, набирайся сил... — приговаривали монашка, ставя еду на квадратный сундук возле кровати. Девочка? Она, что сумасшедшая? Роланд пощупал свое тело под

одеялом и похолодел от ужаса. У него была большая и мягкая женская грудь и... ничего между ног! Совсем ничего! Что за шутки!

— Скажи, сестра... — сказал Роланд непривычно высоким голосом, — а тут есть зеркало?

— Сразу видно, ожила! Что за молодежь, только со смертного одра и уже прихорашиваться... Есть у меня маленькое. Вот, держи, красавица!

Роланд поднес зеркало к лицу и с ужасом увидел, что на него смотрит красивая юная девушка со светлыми волосами.

Роланд уронил зеркало на кровать и закричал так, что его услышал весь Шарцель:

— Лионза! Что ты наделала! Лиооонза!

— Ну что ты так... — ласково сказала монахиня, — сестра Лионза тоже тут. Она велела её позвать, когда ты в себя придешь.

— Да, приведи её сюда, сестра... Я... я... придушу её! Вот этими вот руками!

Роланд посмотрел на свои новые женские руки и заплакал. Монашка ласково погладила его по голове. И бывшая рыцарь почувствовала, как в ней нарастает доселе неведомое необузданное возбуждение.

Запретный танец

Они лежали, взявшись за руки, на остывающей после дневного зноя плоской крыше. И смотрели на небо, полное звездами. Никогда после за всю свою долгую жизнь Лионза не видела столько звезд, как в Луании. Она смотрела на них, а они смотрели в неё. Кожу приятно охлаждал легкий морской ветер. Воздух наполнен хрустальным звоном тысяч невидимых цикад. Лиорона тоже молчала, словно боясь разрушить волшебство момента. Они молчали вместе, думая каждая о чем-то своем. Хотя долгое время Лионза была уверена что у них с подругой даже мысли одни на двоих.

Дом Божественной Гармонии был храмом. Но в отличие от прочих храмов, здесь не служили какому-то конкретному божеству. Задача жриц, что принадлежали дому, состояла в том, чтобы поддерживать гармонию миров через священные танцы. Один день недели посвящался богу войны и разрушения Муругану, в тот день танцовщицы брали в руки ритуальные мечи урумы с гибким лезвием и изображали сражения. Другой день посвящался богине любви и плодородия, тогда девушки соблазнительно двигали бедрами и изображали великую оргию из любовного трактата. Для бога Солнца нужно было танцевать медленный и торжественный танец. Но Лионза больше всех любила день, посвященный богу ветра Вайю, покровителю путешественников и авантюристов. Его танец не подразумевал взаимодействия с кем-то ещё. В отличие от других танцев, там запрещены были заранее заученные движения. Каждый жест, шаг должен был идти от души. Потому многие танцовщицы терпеть его не могли. И ещё его нужно было танцевать с закрытыми глазами. Танцуя для Вайю, Лионза обнаженным телом улавливала невидимые потоки ветра и следовала за ними

все дальше и дальше. Ей казалось, что она летит где-то выше облаков. Пока глаза закрыты, никто не видит их цвет. Пока глаза закрыты, она не видит всех этих завистниц и интриганок. Она свободна, она летит, где-то там далеко. Но любой танец однажды заканчивался. Лионза снова возвращалась в реальность, в которой её ненавидели за цвет глаз.

Лионза не знала своих родителей, всю свою сознательную жизнь она провела здесь, в Доме Божественной Гармонии. В Луании так было принято: если родители по какой-то причине хотели отказаться от младенца, его подбрасывали в тот или иной храм. Но когда жрицы в тот день обнаружили на своем пороге плачущий комочек, им понадобился долгий совет с участием самой верховной жрицы. Все дело в том, что у девочки были зеленые глаза. А В Луании этот цвет глаз считался признаком нечистой силы или проклятия. Зеленоглазая бестия. Вернее, бестия с львиными глазами. У луанийских горных львов глаза были изумрудно-зеленого цвета, как раз такие, как у Лионзы. И вот одна такая бестия плакала на пороге Дома Божественной Гармонии. Однако верховная жрица сказала, что большим нарушением гармонии будет убийство дитя. И если боги решили послать им такое испытание, значит им там виднее. Они должны найти способ уравновесить гармонию.

Девочку оставили при храме, дав имя «Льё-Ана-За», что означало «Львиноголазая». Но жить от этого легче не стало. Смех за спиной, оскорбления, острые камни в обуви были обыденными мелочами, без которых Лионза не представляла себе жизни. Впрочем, дисгармонию своего рождения на свет она в какой-то мере могла уравновесить тем, что прекрасно владела своим телом, ей любой танец давался легко, свободно, естественно. Но это, хоть и давало небольшое одобрение от старших жриц, рождало у остальных ещё и зависть. С другой стороны, явно вредить «Львиноголазой» тоже давно никто не решался. А то мало ли, может, она обладает силой ведьмы или оборотня. Наведет порчу, и что тогда?

Лионза со временем привыкла к одиночеству. Днем она до изнеможения танцевала, ночью же потихоньку сбегала на крышу храма. Ночью там было не так душно, к тому же, она любила смотреть на бесконечное звездное небо. Но все изменилось, когда в Доме появилась новенькая.

Все танцовщицы уже ушли сплетничать по своим каморкам, на Луанию опустились душные золотистые сумерки. Но Лионза в тот день продолжала разучивать танец, посвященный празднику сбора урожая. Движения не были сложными, она выполняла их почти идеально. Но ей не хотелось сейчас сидеть в своей маленькой келье, нетерпеливо дожидаясь темноты, чтобы сбежать на крышу. А перспектива слушать постоянное квохтанье этих тупоумных кур вызывала у неё тошноту. Потому девушка раз за разом проходила заново все элементы танца, как свои, так и те, что положены были другим танцовщицам. Тело её было покрыто бисеринками пота. Но Лионза не чувствовала усталости или желания окунуться в воду. Она почти достигла гармонии, но все сбивал назойливый неприятный звук. Птица? Немного похоже на луанийского феникса. Лионза замерла и прислушалась. Тихо. Она была одна в большой полутемной зале. Танцовщица закрыла глаза, встала на цыпочки — и снова этот звук. В этот раз Лионза уловила движение в темном углу. По телу пробежал озноб, красная кожа пошла пупырышками. Что там такое? Злой дух? Но Лионза не зря носила свое имя. Это налагало на неё обязательство быть смелой в любых обстоятельствах.

— Эй! — крикнула она. — Кто там?

Из угла снова раздался хныкающий звук, и Лионза увидела незнакомый девичий силуэт.

— Я новенькая... — проплакала в ответ незнакомка.

И после вновь разразилась подавленными рыданиями.

— Как тебя зовут? — спросила Лионза.

— Лиорона...

Надо же... А ей идет. Имя «Льё-Оро-На» означало «ревущая как лев», «львиноголосая». Так в Луании называли слишком требовательных младенцев, которые ревели днем и ночью, не давая матери поспать. И этим же словом здесь называли вообще тех, кто склонен много плакать. Лионза подошла ближе и, наконец, увидела худую девушку с двумя детскими косичками. Хотя на вид Лиорона была явно погодкой Лионзы. Потому эти косички придавали её новой знакомой еще более нелепый вид.

— Чего ты плачешь, Лиорона?

— Скучаю по дому... Тут все такие злые или надменные!

— Откуда ты?

— Из Кайлассы... Меня отдали по обету матери.

— Обету?

— Ага. Она родила отцу пять девочек подряд. Он в ужасе был, думал, что всё, не видать наследника. Пошли они в Дом Гармонии и заказали особый танец на День Плодородия. И, правда, родился сын! А меня, самую младшую из пяти, в обмен пообещали отдать сюда. Вот...

— Ну не так все и плохо...

— Но я танцевать не умею! Вообще никак! У меня деревянное тело. Я больше люблю читать. У нас дома была большая библиотека, я её всю прочла!

Девушка явно собиралась вновь разразиться рыданиями, чего Лионзе совсем не хотелось.

— В танцах нет ничего сложного... — сказала она, — если хочешь, я могу тебя научить паре приемов.

Заходящее солнце неожиданно бросило косой луч, осветив её лицо. Лиорона вздрогнула при виде изумрудно-зеленых глаз собеседницы. Лионза усмехнулась про себя, вот и поговорили. Новенькая в сумерках не разглядела, с кем имеет дело. А Лионза просто забыла, где находится. Однако мокрые от слез глаза Лиороны неожиданно вспыхнули искрами восторга.

— Я читала! Читала книгу о тебе!

Лионза растерянно посмотрела на девушку.

— Ты — львиноглазая! Однажды бестия с зелеными глазами льва разрушит Луанию! Это древнее пророчество.

— Знаешь, что... — начала было отвечать Лионза, собираясь отвесить новенькой подзатыльник.

— И это прекрасно! Я всегда хотела дружить с кем-то великим! Или самой стать такой. Я ведь тоже Лио!

Рука Лионзы, занесенная для удара замерла на полпути.

— Давай вместе разрушим этот дурацкий мир! — воскликнула Лиорона и неожиданно обняла Лионзу. Та в ответ неуклюже похлопала Лиорону ладонями по спине, совершенно не зная, что нужно делать в этой ситуации.

— Две Лио лучше, чем одна... — сказала тихо Лиорона.

— Ну как прошло? — спросила Лионза, которая неожиданно появилась на крыше. Все послушницы при храме спали в своих маленьких кельях, и только эти двое раз за разом, особенно в жаркий сезон, сбегали ночевать на плоскую храмовую крышу. Лиорона лежала почти на краю, свернувшись в клубочек, и хныкала, обхватив себя руками.

— Это было гадко... — плакала она, — и больно...

Лионза села рядом, свесив босые ноги с крыши. Она её прекрасно понимала. Два года назад Лионза сама достигла брачного возраста. Но танцовщицам не положено выходить замуж, они принадлежат богам. Потому в день совершеннолетия по древней традиции нужно было отправиться в храм Лингама и отдаться этому похотливому божеству. На деле это означало, что нужно было смазать каменный фаллос в храме маслом и как следует на него насадиться. Довольно неприятно, но ничего такого. Уж лучше, чем с каким-нибудь старикашкой из знатной семьи. И вот сегодня эту процедуру пришлось пройти и Лиороне. Но она вечно из всего раздувала настоящую трагедию.

— Ладно тебе... — Лионза слегка толкнула подругу кулаком в бок, — у меня наутро было все в порядке. Поспи и всё пройдет.

— Болит... — хлюпнула носом Лиорона. Лионза вздохнула, вот же неженка.

— Дай посмотрю, — сказала она.

— Только осторожно, — согласилась вторая Лио. Она неуклюже перевернулась на спину. Лионза встала перед ней на коленях и аккуратно развела в стороны худые красные ножки. На вид ничего страшного. Кучерявые черные волосы на лобке, выступающий пухлый клитор, по внутренней стороне бедра стекала пара капелек крови. Лионза наклонилась и осторожно подула на половые губы подруги.

— У кобры болит, у мангуста болит, у Лио не болит... — прошептала она.

— Все равно болит...

Ну что ты будешь делать? Лионза наклонилась почти вплотную и впервые в жизни вдохнула запах, исходящий от чужой вагины. По большей части это был запах масла, которым смазывали лингам, однако Лионза уловила и оригинальные, присущие только подруге нотки. Это было так волнительно. Лионза неожиданно почувствовала, что ей тяжело дышать. Грудь часто вздымалась, соски стали темнее и тверже.

— Что? Там все плохо? — спросила Лиорона. — Скажи мне правду.

Лионза осторожно слизнула выступившие капельки крови.

— Щекотно! — капризно проворчала Лиорона. Лионза помотала головой, отгоняя наваждение. И что на неё нашло?

— Ты чего там остановилась? Продолжай! — потребовала Лиорона.

— Что?

— Продолжай, говорю! Так хорошо... Мы с тобой, как героини книги «Запретный сад». Они были наложницами у старого царя. И они... развлекали друг друга, пока он искал способ помолодеть...

— А как они друг друга развлекали?

Лионза, конечно, не была наивной девушкой и знала, что прочие танцовщицы практикуют нечто подобное друг с дружкой. Но из-за её проклятия ей подобные игры не светили. И потому она никогда не интересовалась подробностями.

— Сейчас, погоди. Мне надо вообразить в голове эту книгу...

Лиорона действительно не отличалась особыми успехами в танцах, но зато у неё была другая интересная способность. Стоило ей закрыть глаза и сосредоточиться, и она могла вспомнить вплоть до черточки и буковки, что ей доводилось читать хотя бы однажды.

— Орхидея лежала на спине... — начала читать Лиорона по памяти, не открывая глаз, — Жасмин склонилась над её лоном, слегка увлажняя языком её нежный бутончик...

Лионза почувствовала, как её щеки и уши вспыхнули, словно от стыда. Она ведь подумала о чем-то подобном. Она снова наклонилась, закрыла глаза и провела языком по нежному капюшону.

— Орхидея слегка приподнялась, согнув ноги в коленях... — Лиорона вроде читала тем же голосом, но тонкий слух Лионзы уловил некоторое изменение интонации.

— ... чтобы Жасмин было удобнее ухаживать за её заветным цветком...

Она попробовала последовать совету из книги. Но Лиорона, не выдержав и нескольких мгновений, снова опустилась на поверхность.

— Это неудобно... — пожаловалась она.

— Нужно больше тренировать тело, — усмехнулась Лионза, — не только голову. Но мне и так удобно, так что читай дальше.

— Дальше там о том, что Орхидее казалось, что её цветок словно осеняли легкие взмахи крыльев бабочки.

— И как, похоже?

— Нет, как будто улитка ползает... Но так даже лучше. Я боюсь щекотки, ты же знаешь. А вот так хорошо.

Лионза самозабвенно увлажняла языком цветок, вдыхая божественный запах подруги. От этого нового чувства что-то горячее разливалось по её собственному телу, заставляя его сжиматься в сладкой неге.

— Но Жасмин не могла удовольствоваться только этим... Она решила пойти дальше. Её тонкие пальчики осторожно раздвинули лепестки... Лио! Не так грубо! Нежнее!

Пальцы Лионзы уже успели последовать примеру Жасмин и теперь осторожно исследовали бархатную глубину. Нежно, без спешки и нажима. Лиорона согнула ноги в коленях, сжала пальчики на ступнях. Её маленькие грудки заострились и торчали в разные стороны, дурацкие косички разметались по поверхности крыши. Лионза приподнялась на колени, осторожно продвигалась все глубже, блаженствуя от самого

факта прикосновения её подушечек пальцев к упругому тайнику подруги.

— Жасмин решила совместить настойчивость пальчиков и нежность языка... Она прильнула к раскрытому отверстию, её слюна серебристой нитью проложила мостик от кончика языка к розовым створкам.

Лионза с огромным наслаждением лизнула вульву Лиороны изнутри. Как же вкусно! Лионза никогда не была особенно разборчива и капризна в еде, но такое блюдо она готова была смаковать, словно изнеженная аристократка.

— Орхидея слегка двигала тазом навстречу движению языка... Ах... Ну это пропустим, у нас и так все хорошо... Правда, Лио?

— Пввава... — отозвалась Лионза, не вынимая языка из Лиороны.

— Пальчики Жасмин становились все смелей и настойчивей, — стонала Лиорона, — они нашли идеальный темп и силу воздействия... А большой палец тоже не остался без дела. Он массировал круговыми движениями нежные, увлажненные слюной, лепестки Орхидеи... Да, Лио, идеально! Вот так, так, так!

Стоило Лионзе повторить то, что прочитала в воображаемой книге Лиорона, как она судорожно дернула худыми ножками, приподняла зад и едва успела закрыть рот одной из косичек, чтобы не закричать во весь голос. Лионза испуганно замерла, глядя на подругу. Но Лиорона открыла глаза и по щекам её потекли слезы. Только за время их общения первая Лио уже знала, это слезы счастья.

— Никогда Орхидея не испытывала подобного экстаза... — еле слышным шепотом сказала Лиорона, — она благодарно поцеловала вспотевший лобик подруги и прошептала...

— Я тоже так хочу, — перебила её Лионза.

— Погоди, дай немного отдышаться, — ответила вторая Лио.

Они лежали на крыше и смотрели на звезды. Был самый глубокий и темный час ночи, но им обоим не спалось после того, что они пережили сегодня. Они успели попробовать друг на друге еще несколько сцен из книги и были весьма довольны.

— Эх... даже и думать не хочу о завтра... — сказала Лиорона.

— А что такого будет завтра?

— Да может и ничего. А может, тот сальный старик из храма Сурия выберет меня, чтобы потыкаться своим вялым огрызком.

Лионза мрачно вздохнула. Танцовщицы при храме играли еще одну важную роль в обществе. Их тела были предназначены богами не только для танцев. Жрецы, мудрецы, аристократы и даже купцы приходили сюда, платили храму богатые пожертвования и в обмен могли получить любую из девушек на одну ночь. Лионза и сама часто ловила на себе сальные похотливые взгляды. Но стоило встретиться с таким человеком глазами, и все его желание тут же отпадало. Кому охота связываться с Львиноглазой? Лиорона же никак не была от этого защищена. И это печалило обеих Лио.

— Может, сбежим? — неожиданно предложила Лионза.

— Куда мы сбежим? Прямоком в джунгли? Или в горы на съедение нашим покровителям-львам?

— Мы можем пересечь море! Ты же сама рассказывала, на западе есть страна Катунга, где живут черные люди. А на севере огромный материк, где столько удивительных существ всех форм и цветов!

— Капитан корабля в лучшем случае сдаст нас еще в порту, в худшем увезет и продаст в рабство за морем. Не будь наивной, Лио!

— А что тогда? У тебя есть другой план?

— Да, есть! Надо просто пробудить Прародителя. Он всем тут воздаст по их делам.

— Ты о чем?

— Эх, Лио, Лио... Я разве тебе не рассказывала? Однажды я совершенно случайно нашла в нашей домашней библиотеке тайник. А папа мой как раз сколотил состояние на том, что собирал для раджанов всякие редкие книжки и трактаты. Находил иногда на рынках, покупал у моряков порту, а иногда даже в старых руинах копался, что попадаются среди джунглей. И вот ему, видно, попалась какая-то редкая и древняя рукопись... Написанная старым луани на пальмовых листьях. И вот я лазила в поисках, что бы такого почитать, и тут она раз — и выпала из тайника.

— И что там было?

— А там написано как раз про то, какие танцы надо кому танцевать, и для чего. Такой-то для Муругана, такой-то для Сурия, ну и так далее.

— Ну, это я и так знаю. Нам старшие его постоянно читают.

— Так там был один танец, которого в наших свитках нет. Запретный танец для бога, имя которого давно забыто. Его называют просто — Прародитель. Он некогда сотворил наш мир и ушел отдыхать праведным сном. Беспокоить его строго запрещено.

— Но тогда зачем танец?

— В том-то и дело, там интересно написано... Сейчас тебе прочитаю...

Лиорона закрыла глаза и, представив перед собой пальмовую рукопись, прочла:

— Не беспокой Того, кто спит. Но если этот мир прогнил, и некуда идти, то выход здесь всего один: буди его, буди!

— И что тогда?

— Откуда мне знать? Но очевидно, что мир наш достаточно прогнил, чтобы он проснулся и разобрался с этим всем. Может, нас еще сделает своими наместниками. А может, вообще богинями! Представляешь, две Лио, как те две звездочки на небосводе. Я читала, на Севере белокожие люди верят в двух богов-Близнецов. Вот и мы с тобой станем вроде этих близнецов. Как тебе, Лио?

Лионза вздохнула. Она уже привыкла к подобным завиральным разговорам, но смириться с ними не могла.

— Мы можем на юг сбежать, даже к тебе, в Кайлассу. Там нас точно искать не будут. А твой Запретный танец... Если это выдумка, то легче нам от этого не станет. А если правда... Ты подумай сама, к чему это может привести. Древний бог, который строго-настрого запретил его будить. Я могу приложить, если меня разбудить не вовремя, а уж если бога побеспокоить...

— Ладно, как знаешь, Лионза. Тем более что запретный танец предназначен лишь одному танцору.

— Да, теперь я спокойна, — хохотнула Лионза, — ты и самый простой танец для Сурия еле вытягиваешь. А там, наверно, что-то посложнее, чем просто кружиться с воздетыми руками.

Глаза Лиороны недобро сверкнули, губы дрогнули. Однако она сохранила спокойствие.

— А сама сможешь? Там и ты не потянешь.

Глаза Лионзы вспыхнули. На мгновение Лиороне показалось, что она и правда видит перед собой львиные зрачки.

— Это я не потяну?! Просто не хочу потом убегать от невыспавшегося бога!

— Каждому богу мы танцуем всегда в определенный день и в определенном месте. А если мы танцуем в неурочное время, то просто тренируемся, правда?

— Допустим...

— Давай тогда просто порепетируем, все равно спать не хочется!

— Нет!

Но по загоревшимся в темноте изумрудам львиных глаз подруги Лиорона поняла, что это означает «Да».

Местом для репетиции Лио выбрали старый зиккурат на окраине города. Репетировать на крыше или в танцевальном зале храма среди ночи было рискованным занятием. На шум сбежались бы жрицы и сторож, и вместо танца подруги бы угодили на неделю в подземную темницу на хлеб и воду. Зиккурат же был совсем рядом с храмом, и его давно никто не использовал. Нынешний раджан все хотел его снести, чтобы выстроить новый, более высокий и красивый, в честь себя и своей династии. Но все не доходили руки, или не хватало денег. Или же он просто опасался связываться с древним поверьем, что этот зиккурат первым появился на острове, и пока он стоит, будет стоять и Луания. В любом случае, девушкам это было на руку. Ночью, кроме них, туда бы никто не осмелился залезть. А если бы даже их заметили ночные стражи, то списали бы на проделки призраков или древних духов.

Вершина зиккурата тоже была плоской, только гораздо шире храмовой крыши. Лионзе даже стало немного не по себе, когда они поднялись наверх и осмотрелись вокруг. Город, его окрестности, порт, темное море, — все было видно, как на ладони. С неба на них смотрела заметно пополневшая луна и множество звездных соцветий. Воздух наполнен ароматом ночных цветов и хрустальным звоном цикад. Лионза жадно

впитывала в себя всю эту красоту, словно видела её последний раз.

— Начнем? — спросила Лиорона, которая уже скинула с себя одежду. Любой храмовый танец надлежало исполнять обнаженной. Когда Лионза последовала её примеру, по коже прошел неприятный озноб.

— Что такое? — спросила Лиорона.

— Может, не будем? Смотри, как тут хорошо!

— Испугалась?

Лиорона противно захихикала. Лионза терпеть не могла её хихиканье. Может, даже больше, чем её постоянные слезы.

— Ладно, давай начнем.

Лиорона закрыла глаза, вспоминая трактат, и сказала:

— Левая нога немного вперед, правая чуть позади...

Лионза следовала инструкциям. Лиорона тоже пыталась, хоть и выходило так себе. Иногда Лионзе с трудом удавалось подавить смех при виде того, как нелепо подруга взмахивала тонкими ручками. Сам танец оказался не таким уж сложным. Чем-то похож на танец для Вайю, только меньше импровизации. И больше элементов, присущих танцам плодородия. Станный танец. Словно пытаешься не просто пробудить Прародителя, а ещё и совратить его. Но Лионзе начинало нравиться все больше и больше. Она не заметила, как увлеклась процессом, забыв обо всем на свете. А с учетом, что у неё перед глазами мелькало, пусть и нескладное, но такое красивое тело Лиороны, она почувствовала возбуждение.

— Наклонись, прогнись телом, дай небесам лицезреть ягодицы,
— прочла вторая Лео. Когда она попыталась исполнить то, что предписала, то вскрикнула. Лионза тихонько подкралась к ней, схватила рукой между ног Лиороны.

— Ах, Лио... Мы ещё не закончили, — простонала в ответ девушка, — мы закончим, а потом... кончим.

Земля дрогнула. Девушки испуганно отпрыгнули друг от дружки.

— Это что такое? — удивленно пролепетала Лиорона.

— Похоже на землетрясение... — растерянно ответила Лионза.

— Но горы далеко отсюда! На побережье никогда такого не было...

Девушки стояли, чувствуя нарастающую тревогу. Что-то было не так. Вроде та же теплая ночь, добрые мигающие звезды. Но что-то было не так. Тишина! Все цикады после первого удара разом смолкли. Давящая тишина. Ни крика птицы, ни иного звука. Только звон в ушах и биение сердца.

Лионза сделала шаг. Вроде спокойно. Нужно срочно бежать назад. Даже если это один удар, его чувствовали по всей Луании. Сейчас проснутся жрицы в храме, хватятся, а Лионзы с Лиороной нет. Глупая была затея, очень глупая. Лионза протянула руку, чтобы потащить за собой растерянную Лиорону, как вдруг раздался ещё один удар, гораздо сильнее. По крыше зиккурата молнией пошла трещина.

— Бежим! — закричала Лионза.

Но было поздно. Третий удар, хруст, грохот. А затем Лионза увидела такой ужас, какой никогда не видела в жизни. Море поднялось на дыбы, огромной стеной, а затем со всей своей силой обрушилось на маленький город, роняя на него сверху корабли, огромные валуны, вырванные с корнем деревья. Несколько мгновений Лионза с Лиороной в ужасе созерцали это с вершины зиккурата. Вода мощным ударом смела их, покрыла с головой. Лионза могла лишь хрипеть, из горла вырывались последние пузырьки воздуха:

— Нееееет! Нееееет!

Но что-то не так. Она была все ещё жива. И это несмотря на все происходящее. Лионза открыла глаза. И увидела голубоватое свечение. Она была где-то под водой, вокруг хаотично метались обломки и водоросли. Но Лионза была словно внутри светящегося яйца, её пронизывало и опутывало множество нитей. Они согревали её тело, словно пытались успокоить. Некоторые из этих нитей значительно утолщались на конце, достигая размеров мужских фаллосов. Они шаловливо прижимались к её бутону, гладили, щекотали, настойчиво тыкались прямо туда между створок. Другие так же сейчас оплетались вокруг грудей, дразнили кончики её сосков, третьи гладили по губам и щекам, напоминая по ощущениям прикосновение губ. Что происходит? Это сон? Да, они просто заснули с Лиороной на крыше после хорошего секса, и им все приснилось!

А это что за шалун? Лионза вскрикнула, когда один из отростков скользнул в её задницу. Нет, не надо! Это так невыносимо щекотно. И приятно. Ощущение тепла и вибрации. Ах... Ещё один раскрыл её заветную раковину. Он был побольше, чем лингам в храме, но гораздо более приятный во всех отношениях. Интересно, настоящие мужские члены тоже так хороши? И так же хорошо, когда их в тебе сразу два? Они движутся синхронно, разделенные тонкой перегородкой. Тот, что побольше, пробирает до самой матки, второй в заднице замер и приятно вибрирует, давая товарищу больше простора для маневра. В сосках смесь боли и наслаждения, отростки прицепились к ним, как две пиявки. Она сама искусно связана этими нитями, словно веревками. Они фиксируют её руки сзади, удерживают ноги широко раздвинутыми внутри светящегося яйца. Они ласкают каждый кусочек её тела, оплетают полностью, покрывают сверху, словно теплое мягкое одеяло. При этом оно не лежит спокойно, а постоянно шевелится, изгибается. Трахает. Трахает её во все возможные отверстия. Разве с Лиороной это был секс? Так, ерунда. Если секс, то только такой. Когда тебя имеют абсолютно везде. Когда неутомимые упругие члены долбят одновременно и между ног,

и задний проход, и заставляют языком ласкать их нежные эластичные кончики. И даже слегка гладят по волосам и оттягивают мочки ушей.

Из чего они сделаны? Это свет? Вода? Воздух? Что-то живое? А может, все одновременно? Если Прародитель и существует, он просто обязан быть таким, одновременно всем, что есть в этом мире. Прародитель?! Так они с Лиороной все-таки вызвали Прародителя? Но мысли эти уносят новые волны удовольствия. Какой Прародитель? Какая Лиорона? Какая Луания? Кто она вообще такая? Танцовщица Лье-Ана-За? Нет. Она просто резервуар, который надо наполнить. Наполнить до самых краев благодатью. Вот кто она. Резервуар, который надо до краев наполнить спермой. Она сейчас трахалась сразу со всем миром. Всеми мужчинами и женщинами, которые засовывали в неё огромные жилистые фаллосы, упругие хвосты, пальцы, рога, щупальца. Она сама имела их членами всех возможных размеров и форм. И они кончали, кончали, заливая её вагину, задницу, лицо, все тело. Спермы было так много, что она тонула в ней, растворялась, сама превращалась в одного юркого хвостатого живчика, что стремился наперегонки с товарищами к заветной цели. Вот она! Нечто величественное и сияющее, похожее на огромное светящееся яйцо. Оно пульсирует, растет, поглощая в себя остальной мир. Оно восходит над землей, словно новое светило. Вспышка! Всё сущее теряет форму, исчезает. Перестает быть железом, деревом, камнем, водой и воздухом. Вновь становится чем-то общим. Вся вселенная снова сливается с Прародителем.

Щупальца продолжали двигаться. Они с яростным напором дарили Лионзе оргазм за оргазмом. А потом и сами не выдержали. Пульсация пошла по всем нитям, что оплетали избранную девушку. Они разом задергались, зашевелились в первородном хаосе и выстрелили в Лионзу чем-то нестерпимо горячим и светлым. Наполнили её до самых краев. Лионза с удивлением посмотрела на свой живот. Он был такой большой,

словно на девятом месяце беременности, но при этом он светился изнутри, словно брюшко светлячка.

— Дар... дар... дар... сбереги... сбереги... сбереги...

— Что? — удивленно спросила Лионза.

Но ответом ей была лишь яркая вспышка света и потом темнота.

Лионза стояла на берегу моря. Занимался рассвет. Все побережье было усыпано обломками деревьев, мертвыми телами людей, животных, морских тварей. Море отвратительно шипело, волновалось, жадно облизывая трупы. А иногда, словно подавившись, выплевывало новые. От него нестерпимо воняло мертвечиной. Лионза упала на колени в мокрый песок.

— Что же ты наделала, Лео? Что же... МЫ наделали? — спросила она, глядя перед собой. Но ответом был только неразборчивый и отвратительный шепот моря.

12 ноября 2019 - 18 августа 2022